
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1976

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ

В РАБОЧИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

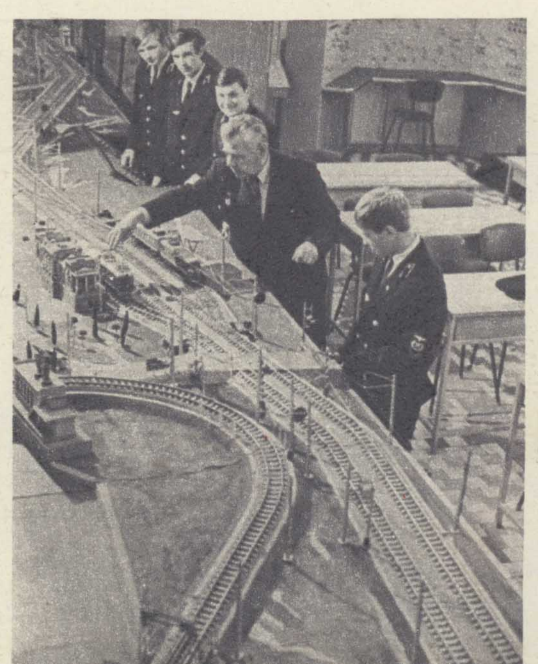

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 39 (2568)

25 СЕНТЯБРЯ 1976

3.

4.

1.

2.

КЛАСС!

5.

С Панариным мы беседуем в коридоре училища. Большая перемена. Проходят мимо ребята, здороваются. И замечаю гордость в их взглядах: дескать, знай наших! Да, в недавнем прошлом прославленный машинист, ныне заместитель начальника локомотивного депо, Герой Социалистического Труда Петр Матвеевич Панарин — их однокашник! Учился здесь — ныне это среднее профессионально - техническое училище № 129 железнодорожников, удостоенное премии Ленинского комсомола. Не вчера и даже не позавчера, но вышел из этих стен. И не забывает дорогу в училище. Говорит об этом, улыбаясь.

— Влечет неведомая сила? Да нет, зачем же — ведомая! Это и любовь к родному училищу и практическая необходимость бывать тут. Ведь наше депо ежегодно получает отсюда пополнение — тридцать — сорок выпускников.

1. Торжественная минута! Перед строем — знамя училища.

2. Английский в лингафонном кабинете учить проще. Первокурсник Юра Клевин.

3. Железнодорожный полигон, с которым учащихся знакомит директор ПТУ № 129 В. П. Назимов, построен самими ребятами.

4. — Кто ответит на вопрос!
— Можно мне! — П. М. Панарин привычно, как и много лет назад, тянет руку... Все, как прежде. Да и сидит он сегодня на своей парте.

5. Иван Данилович Щербань. Мастер, учитель, наставник.

Орден Дружбы народов — на знамени производственного объединения «Кировский завод». Телефото М. Блохина (ТАСС)

ШЕСТОЙ ОРДЕН НА ЗНАМЕНИ КИРОВЦЕВ

17 сентября в Ленинграде состоялось торжественное собрание, посвященное вручению ордена Дружбы народов флагману индустрии города-героя объединению «Кировский завод». В концертном зале «Октябрьский» собрались представители прославленного объединения, предприятий, научных центров, общественности Ленинграда.

Участники собрания с воодушевлением избрали в почетный президиум Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

Собравшиеся тепло встретили члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова, члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романова, членов бюро обкома партии, Героев Социалистического Труда, видных ученых, знатных производственников.

Слово предоставляется тов. М. А. Суслову.

«Орденом Дружбы народов Советское государство отмечает тех,— сказал в своей речи товарищ М. А. Суслов,— кто вносит большой вклад в развитие нашей многонациональной Родины, кто укрепляет единство советского народа, его сплоченность вокруг ленинской партии. Объединение «Кировский завод»— первое предприятие в нашей стране, удостоенное этой высокой награды. И это вполне закономерно. Трудящиеся объединения многократно демонстрировали свою беззаветную преданность идеалам коммунизма, высокую гражданственность, любовь к социалистическому Отечеству и пролетарскую солидарность, интернационализм».

Товарищ М. А. Суслов огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР и под бурные, продолжительные аплодисменты прикрепил орден Дружбы народов к знамени объединения «Кировский завод».

Речь товарища М. А. Суслова была выслушана с большим вниманием и неоднократно прерывалась продолжительными аплодисментами.

На торжественном собрании выступили генеральный директор объединения О. Н. Поясник, старший вальцовщик Герой Социалистического Труда И. Я. Прокофьев, оператор тихвинских производств, секретарь цеховой комсомольской организации Наташа Ревкова, главный конструктор объединения Герой Социалистического Труда Н. С. Попов.

Кировцев приветствовали учащиеся профессионально-технического училища.

С большим подъемом участники торжественного собрания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.

Во время пребывания в Ленинграде товарищ М. А. Суслов посетил объединение «Кировский завод» и электромашиностроительное объединение «Электросила» имени С. М. Кирова.

В Смольном состоялась беседа М. А. Суслова с секретарями ленинградских обкома и горкома КПСС.

М. А. Суслов осмотрел исторический Актовый зал Смольного, первый рабочий кабинет В. И. Ленина и комнату-музей великого вождя революции.

Училище это находится неподалеку от московской площади трех вокзалов, и, наверное, здесь сильнее, чем где бы то ни было, ощутим зов дальних дорог. И проходящие за стеной электрички, и несколько взаправдашних светофоров на территории самого училища, и превосходно оборудованные классы, аудитории — все напоминает о стальных магистралях, уходящих в дальние края.

— Конечно, романтика занимает свое место в обучении, воспитании учащихся,— замечает директор училища, почетный железнодорожник, заслуженный учитель профтехобразования Виталий Прокопьевич Назимов.— Но не это главное. Мы стремимся привить понимание значительности нашего дела и меру ответственности того, кому, скажем, доверено вести поезд. Мы воспитываем профессионалов.

Из училища вышло более 20 тысяч квалифицированных рабочих. Одни поехали на БАМ, другие трудятся на подмосковных электричках, третьи ведут локомотивы где-то далеко-далеко от Москвы.

Что манит ребят в это училище? Разговорился я с второкурсником Мишей Порываевым («Михаил Николаевич»,— представился он.) Спрашиваю, почему он, хорошо закончивший десятый класс, музыкант, почему пришел именно сюда.

— Очень популярно это училище среди ребят. В сто двадцать девятом всегда конкурс. В этом году три человека на место. Когда я поступал, то примерно такой же конкурс был. Поначалу не зачисляли. Расстроился... Но, как видите, добился своего — приняли. В этом году уже заканчиваю ПТУ. Музыка? Играю в оркестре, на баяне.

Миша пришел сюда уже со средним образованием. Но большинство ребят — после восьми классов. Через три года они получат прекрасную профессию, а вместе с ней аттестат о завершении среднего образования.

Когда в училище проходило заседание Президиума Академии педагогических наук страны, ученые особо отметили эффективность сочетания профессионализации с общим средним образованием. Без него теперь трудно бывает на любой работе. А тут — железные дороги, сложная современная техника. Воспитывая у ребят привязанность к выбранному делу, прививая навыки профессионального мастерства, преподаватели подчеркивают: «Это только начало, ребята; вам предстоит постигать технику завтрашнего дня».

В училище созданы для этого все условия. Первоклассное оборудование аудиторий и мастерских, «препарированные» электровозы, все новейшее и даже кое-что из тех новинок, которые еще не всюду встретишь на железных дорогах страны. Министерство путей сообщения всерьез, основательно, с пониманием государственного значения ПТУ занималось его оснащением. Ведь если учить ребят на устаревшей технике, то они ее уже не застанут, когда придут в депо. Придется переучиваться. Вот и старались учить тому, что встретят молодые железнодорожники в самых передовых хозяйствах. И даже с заглядом в будущее.

Наука в училище неотрывна от практики. И от курса эстетического воспитания. Мы знакомились с программой и этих уроков, были на диспутах, которые разгорались после посещения Пушкинского музея или концерта. От будущих железнодорожников требуют и хорошего знания иностранного языка. Трудно? Да! Но к твоим услугам лингафонный кабинет, где техника помогает овладению английским или немецким.

В светлый, солнечный сентябрьский день мы были на одном из первых уроков в группе мастера Владимира Михайловича Захарко.

— В первый раз в первый класс,— пошутил кто-то из ребят.

— В рабочий класс! — поправил Захарко.— И надеемся, что высокое звание рабочего вы пронесете с честью.

идет жатва

В ТРЮМАХ — ЗОЛОТО ПОЛЕЙ

Ю. ЛУШИН,

фото автора

Узкое, длинное тело теплохода легко раздвигало воду. А за кормой оставался, окунаясь в густую черноту ночи, запах теплого скошенного хлебного поля. Он шел из трюмов судна, от знаменитой алтайской пшеницы. А мне казалось, что хлебным духом дышит все Обское море от самого Камня-на-Оби до новосибирских причалов. Так бывает каждую осень в разгар страды, когда хлебные трассы прокладывают не только шоферы, но и капитаны кораблей.

СТ-781 — сухогрузный теплоход — шел в тумане. Он все густел, и скоро огни бакенов почти вовсе скрылись из виду. Тогда капитан Анатолий Иванович Погожих негромко скомандовал:

— Включить локатор!

Конечно, он мог бы пройти все море с закрытыми глазами. За 23 года плавания капитан каждую мель запомнил, что называется, наизусть. Но он знал, что на речных дорогах сейчас оживленно, и рисковать не хотел.

— Хорошее судно? — спросил я капитана.

— Отличное, — ответил он коротко.

Из разговора с начальником Новосибирского речного порта я уже знал, что еще полтора десятка таких судов возят зерно. Западно-Сибирскому пароходству в целом предстояло доставить на элеваторы 407 тысяч тонн зерна, и почти 100 тысяч из них падало на долю новосибирских речников.

— Интересно, сколько полей уместилось в эти трюмы?

— Никогда не думал об этом, — почему-то смутился капитан. — А ведь действительно сколько? Говорят, на Алтае урожай нынче хорош, в среднем центнеров по двадцать с гектара. Значит...

Капитан запнулся и стал прикидывать, сколько гектаров пришлось убрать комбайнам, чтобы загрузить его СТ-781. В общем-то теперь это простенькая школьная задача. Но за ней — бессонные ночи и напряженные дни хлеборобов. И он, капитан Погожих, сейчас торопил свое судно, чтобы быстрее вернуться и вновь наполнить трюмы золотом полей.

— И знаете, сколько получается? — вдруг произнес он. — Получается ровно четыреста гектаров. Большущее поле...

Мы замолчали, и я представил себе это поле, и грохочущие комбайны на нем, и усталых комбайнеров. И на меня вновь как бы пахнуло дыханием жатвы...

На рассвете прямо по курсу вздыбились башни новосибирского элеватора. Сухогруз красиво развернулся и причалил к дебаркадеру, с которого опустились в трюмы толстые резиновые трубы. Они подключены к своеобразным зерновым насосам и с помощью сжатого воздуха способны перекачивать до 300 тонн зерна в час. Капитан вышел из рубки, подошел к рабочим, возившимся с этими трубами, и спросил:

— Когда закончите, ребята?

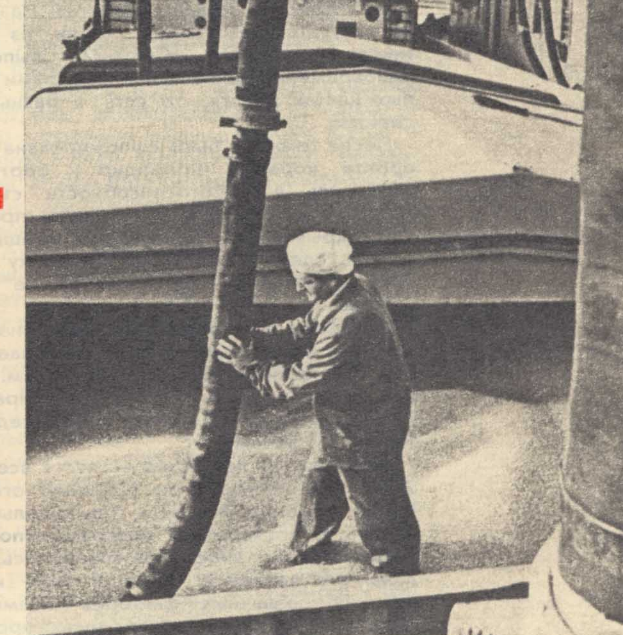
— К обеду отчалишь, — ответил кто-то. — Торопишься?

— Еще как. Там нас поле ждет... в четыреста гектаров.

Его слова приняли за шутку, но он не шутил.

Капитан А. И. Погожих.

По таким резиновым трубам всасывается зерно.

Новосибирский элеватор.

Экипаж корабля «Союз-22» — командир В. Ф. Быковский (справа) и бортинженер В. В. Аксенов в орбитальном отсеке корабля. (Снимок получен по телекосмической связи).

КОСМИЧЕСКАЯ «РАДУГА»

Вадим ЛЕВСКИЙ

Эксперимент назвали «Радуга». Назвали так потому, что фотосъемка Земли из космоса экипажем корабля «Союз-22» выполнялась одновременно несколькими камерами — в разных цветах радуги, то есть в разных лучах спектра.

После того как была сформирована рабочая орбита корабля, командир и бортинженер убедились в работоспособности съемочной аппаратуры. Они вставили кассеты, проверили, как открывается и закрывается крышка фотоотсека, сделали пробную протяжку пленки. «Все в порядке»,— доложил Земле Валерий Быковский.

Он вошел в историю как «космонавт-пять». До него были Гагарин, Титов, Николаев, Попович. Быковский стартовал следующим. Но слово «первопроходец» столь же справедливо применимо к нему, сколь и к ним, шедшим ранее. И вот почему.

Было это 13 лет назад — спустя всего лишь 2 года и 2 месяца после 108-минутного полета Юрия Гагарина. Все еще только-только начиналось. В объявленной программе полета корабля-спутника «Восток-5» говорилось, что целями его являются: «продолжение изучения влияния различных факторов космического полета на человеческий организм; проведение расширенных медико-биологических исследований в условиях длительного полета; дальнейшая отработка и совершенствование систем пилотируемого космического корабля».

Видите: «длительного полета». Мало что знала тогда наука о том, как сживется человек с космосом. Кажется, и само сочетание слов «космическая медицина» звучало в то время довольно странно. Быковский пробыл в космосе 5 суток. Тогда эта цифра была рекордной. Рекорд здесь, конечно, не самоцель, а средство познавания возможностей человека, которому предписано работать в космосе долго и плодотворно. И наверняка те, кто сегодня летает неделями, месяцами, с почтением смотрят на Валерия Федоровича. По моральной стоимости тот его рекорд вряд ли ниже нынешних.

Космонавты хорошо помнят, как еще в самом-самом начале, до полета Гагарина, Валерий Быковский «открыл» центрифугу. Правда, все они были уже с ней знакомы — проходили испытания на отборочной проверке. Но вот однажды было сказано, что теперь составлена новая программа тренировок на центрифуге со значительно большими нагрузками и, главное, с выявлением индивидуальных особенностей будущих космонавтов. Все помнили при этом, как кое-кто не выдержал куда более простых проверок, и потому без того побаивались центрифугу, как необъезженную лошадь. «На берег списываться» не хотел никто.

Подошло время испытаний. «Кто первый?»— предложил врач. Добровольцем оказался Быковский.

Первым из космонавтов он перенес испытания в барокамере, в термокамере, в «комнате тишины» — сурдокамере. Почти всякий раз перед новым испытанием он не знал, каково ему придется. И не только он — врачи тоже. Повторяю: все еще только начиналось. Но тем не менее всегда Быковский брался за ручку двери очередной камеры сухой ладонью. А выходил с неизменным смешком и прибауткой, уверяя товарищей, что это совсем не страшно. Что стоило это Валерию Федоровичу — только ему одному и ведомо, но другим потом уже всегда было легче.

В космонавты он пришел, будучи хорошим летчиком. Настолько хорошим, насколько позволял его возраст и сравнительно невеликий летный стаж. Летал он много и с наслаждением. Попадал в ситуации разные — у кого их не бывает! Но все обходилось наилучшим образом, чему везение способствовало отнюдь не в первый черед. Природа одарила его живостью ума, подчас даже горячностью, но в равной степени — умением вовремя охладить голову, осадить себя, мыслить и действовать строго и раскованно одновременно.

Тринадцать лет прошло с той поры, как Валерий Быковский спустился с орбиты в море широчайшей популярности. За эти годы он окончил академию, защитил кандидатскую диссертацию, участвовал в управлении пилотируемыми полетами, руководил подготовкой космонавтов по программе «Союз» — «Аполлон». Таковы некоторые факты тринадцатилетнего отрезка жизни. За ними виден человек — не музейная восковая фигура, закоченевшая под ослепляющими софитами славы. И то, что Быковский полетел сейчас,— лишь очередной этап в трудной биографии этого человека.

Нынче в космос по одному не летают — не те задачи, что во время «Востоков». Бортинженер корабля «Союз-22» — новичок в космосе. Но не в космонавтике. Владимиру Аксенову сорок один год, почти половину проработал в КБ, том самом — «королевском». До этого окончил машиностроительный техникум, потом пошел учиться на летчика. Но летчиком не стал — не его в том вина. Однако годы, проведенные в училище, дело свое сделали: космос для Аксенова начался с училища летчиков.

В конструкторском бюро он участвовал в работах едва ль не по всем объектам КБ — с первого спутника. Правда, тогда еще как деталировщик. Закончил заочно институт. Руководил лабораторией. Сейчас, перед полетом, Владимир Викторович перечислил вопросы, которыми в эти годы приходилось ему заниматься, и ответ его удивил: создание приборов системы управления кораблей, разработка элементов системы жизнеобеспечения и отработка методик работы человека на борту космического аппарата. Получается своеобразный «космический полиглот». Не удивительно, что со своим кораблем бортинженер сжился еще задолго до старта.

Как и положено, перед полетом космонавты сдают целую экзаменационную сессию, только после нее человеку дается право занять место в космическом корабле. Станислав Хабаров, принимавший экзамены по системе ориентации и управления движением, рассказывал мне о том, что Аксенов, получив билет, не вернулся на место для подготовки, а пожелал отвечать сразу. И отвечал блестяще.

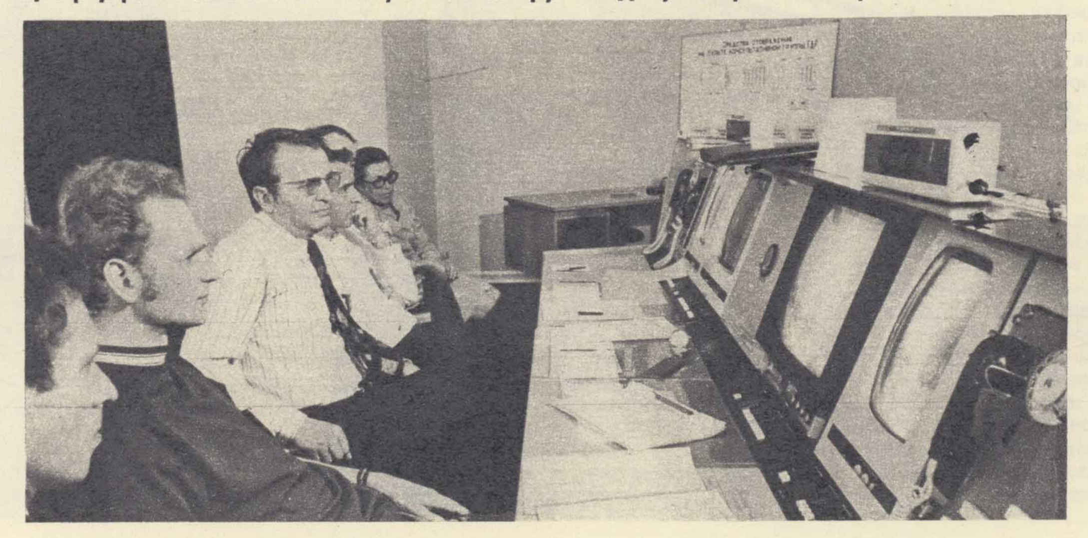
С Быковским Аксенов познакомился десять лет назад — на испытаниях одной из систем космического корабля. Позже совместная работа не раз сводила их вместе. Так, отрабатывали и испытывали систему перехода космонавтов из корабля в корабль через открытый космос, сотрудничали в Центре управления полетом на наземных станциях слежения, занимались методическими вопросами деятельности космонавтов на борту.

Естественно, что лететь в космос Владимир Викторович хотел уже много лет назад. Подал заявление в 1966 году, Королев завизировал. Но врачи поначалу не пропустили — не было тогда у Аксенова полного набора соответствующих медицинских показателей. Тем не менее он готовился. Достаточно сказать, что только на самолете-лаборатории, где воспроизводится кратковременная невесомость, он совершил 255 полетов. Девять часов «чистой» невесомости набрал тогда будущий бортинженер «Союза-22».

Наконец он стал полноправным членом космического отряда.

Люди, работавшие под его началом, всегда говорят о человечности Аксенова, незлопамятности. Но и о его неукоснительной твердости

Центр управления полетом. Консультативная группа ГДР у контрольного пульта. Фото ТАСС.

в вопросах дела. Все это сыграет не последнюю роль в космическом полете, который, как правило, стремится заострять грани человеческих отношений.

Любопытная деталь. И у Быковского и у Аксенова по двое сыновей: по Валерию и по Сергею. Сегодня они, наверное, самые гордые своими отцами сыновья на свете.

Говорят иногда, что космические полеты влияют на погоду на Земле. Правда, с той же серьезностью можно утверждать, что на нее влияет то или иное настроение вождя племени тараумару. Но вот что успех нынешнего полета в определенной степени зависел от погоды — это верно.

«Улыбнись, планета, снимаю!» — чьей-то руки веселый рисунок однажды во время полета даже высветили на большом демонстрационном экране Центра управления. Каждый день с телеэкранов улыбались нам командир и бортинженер. Дела у них шли неплохо, и планета, словно поняв это, приподнимала вуалетку облаков с лика своего и улыбалась.

— Облачность один-два балла,— передавал в эфир Аксенов,— ведем съемку... Горная местность. Видимость великолепная. Просматриваются горы, озера, реки. Прошли Якутск...

Край лесов. Край угля и нефти и других полезных ископаемых. А сколько в Якутии залежей пока «целинных» и неведомых, за семью печатями. И может быть, сейчас люди на орбите помогут расплавить их сургуч. А также наметить к ним трассы новых дорог, прокладывать которые в этих местах особенно трудно. Во всяком случае, недаром организаторы полета спланировали новую, не привычную для наших пилотируемых космических аппаратов орбиту. Наклонение ее к плоскости экватора 65 градусов. Следовательно, корабль на каждом витке добирался почти до Полярного круга, что открывало перед объективами и северные районы.

А объективы на этот раз были всемирно знаменитые — цейсовские. Как и сам фотоаппарат. Умудренные вековым опытом специалисты Германской Демократической Республики создали именно для работы в космосе уникальную аппаратуру. Метод съемки называется многозональным.

Съемочная аппаратура — МКФ-6 — состоит из шести камер. У каждой используется свой светофильтр. Следовательно, каждая камера в многоцветном оркестре земных красок выделяет только свою партию. И каждый цвет таит свои секреты. Но чтобы раскрыть их, нужно после проявления пленок совместить снимки, синтезировать цветные изображения. И тогда Земля предстанет уже иной. Такой, какой она недоступна ни простому зрению человека и никакому известному сегодня прибору.

Многие тонкости учли создатели фотоаппаратуры. Одна из них — автоматический учет орбитальной скорости космического корабля. За время выполнения одного съемочного кадра он пролетает около полукилометра, что снижает качество изображения — оно смазывается. И вот во избежание этого автоматика регулирует направление оси объективов так, что снимаемый участок поверхности как бы застывает, пока открыты затворы фотокамер. После этого, опять же автоматически, объективы перенацеливаются на другую съемочную площадь и снова ее отслеживают. Все это позволит различать на снимках мельчайшие детали.

Прошло совсем немного времени с того дня, как из космоса был сделан первый фотоснимок. Пройдут еще годы, и человек научится читать свою планету достаточно бегло. Космическая съемка переживает пока время своего отрочества. Человек еще только создает новый словарь земных красок. Словарь этот быстро пополняется.

— Как состояние?— спросили «Ястребов» на четвертые сутки полета.

— Кажется, слово «адаптация» мне следует исключить из своего словаря,— ответил командир.— Теперь даже не знаю, что это такое.

— Ну, а что касается меня,— вторил ему бортинженер,— то все, что было непривычным, уже давно стало обычным.

...Эксперимент назвали «Радуга». Это было подсказано содержанием основной задачи полета. Но думаю, что в названии есть и другой смысл: радужные надежды на дальнейшее проникновение в тайны Земли.

ВОЯЖ И МИРАЖ

Владимир НИКОЛАЕВ

Юг Африки объят пламенем гнева. Горит земля под ногами расистов, которые судорожно цепляются за давно уже прогнившие основы несправедливого режима, при котором незначительное меньшинство живет за счет подавляющего большинства населения. Террором и репрессиями отвечают власти на выступления африканцев в защиту своих прав. Только за последние дни в ЮАР карателями было убито несколько десятков человек.

Мировая общественность решительно осуждает политику апартеида, проводимую южноафриканскими расистами, но последние продолжают цепляться за старые порядки. Террор и упорство расистов свидетельствуют не только об их отчаянии. Дело в том, что они не теряют надежду на помощь со стороны определенных кругов Запада. Причем основания для таких надежд весьма реальны. Около пятисот корпораций США действуют в настоящее время в экономике ЮАР. Нефтяные концерны «Мобил ойл» и «Калтекс» поставляют в Южную Африку 55 процентов всей потребляемой страной нефти. Самыми крупными американскими партнерами ЮАР являются такие фирмы, как «Дженерал моторс» и «Форд мотор компани». Приток долларов нарастает. Ожидается, что в течение года американские капиталовложения в экономику страны увеличатся еще на 35 процентов. Такое тяготение заокеанских бизнесменов к югу африканского континента легко объяснимо. Их привлекает необычно высокая прибыль, получаемая за счет беспощадной эксплуатации дешевого труда коренного населения.

Южноафриканские расисты подводят под свою связь с Западом и политические мотивы. «Независимо от того, любит ли Америка ЮАР или нет,— заявил премьер-министр ЮАР Форстер,— эти две страны заинтересованы в борьбе с коммунистами... Соединенные Штаты — лидер западного мира. Поэтому США в этой роли являются в некотором роде и лидером ЮАР». Примечательно, что автор этого откровения во время второй мировой войны был заключен в тюрьму за принадлежность к пронацистской организации. Примечательно и то, что идея Форстера о «совместной борьбе с коммунизмом» пришлась по душе некоторым печатным органам в Вашингтоне и Лондоне. Английская газета «Таймс», например, считает, что коммунизм в Южной Африке нельзя сдержать без ЮАР. «Поэтому,— пишет «Таймс»,— Соединенные Штаты, как бы они ни рассматривали апартеид, уже связаны с ЮАР общей борьбой против коммунизма». Любопытная философия!

Давно затасканным призраком мнимой «коммунистической угрозы» расисты и им сочувствующие пытаются навести тень на ясный день. «Так называемое подавление коммунизма,— пишет танзанийская газета «Ухуру»,— это американский маневр, направленный на то, чтобы скрыть истинное положение вещей на юге континента. У Африки нет причин бороться с коммунизмом. Борьба, которая идет сейчас,— это борьба африканского большинства за восстановление своих прав».

В связи с крайне обостренной ситуацией на юге Африки не могут не обратить на себя внимание действия американской дипломатии. Государственный секретарь США Г. Киссинджер на днях в третий раз за последнее время провел переговоры с Форстером, а также встретился с главой родезийского режима Смитом. Во время той же поездки Г. Киссинджер имел беседы и с несколькими лидерами южноафриканских государств. «Весь ход событий,— пишет сенегальская газета «Солей»,— ставит под сомнение полезность «челночной дипломатии» Киссинджера, который совершает сейчас вояж по странам Африки. Давно следует понять, что в этом районе невозможны прежние порядки. Их не спасут ни кровавый разгул полиции и армии расистского режима, ни дипломатические усилия всевозможных посредников».

Спасти расистские режимы на юге Африки за счет некоторых частных уступок африканскому населению — такова цель миссии Г. Киссинджера. Исполняющий обязанности президента Африканского национального конгресса Южной Африки Оливер Тамбо заявил, что «любые перемены, вытекающие из соглашения Киссинджера с Форстером, будут лишь незначительными уступками, а не ответом на требования угнетенных масс».

Африканский континент уже совсем не тот, каким он был недавно. Это Африка, вставшая на путь самостоятельного развития и полная решимости покончить с последними остатками колониализма и расизма. Мнение этой новой Африки по поводу вояжа Г. Киссинджера хорошо выразила мозамбикская газета «Нотисиаш», которая пишет: «Африканская дипломатия Киссинджера направлена на то, чтобы помешать ликвидации последних бастионов колониализма и расизма на юге континента. Встревоженные ростом национально-освободительного движения, которое представляет угрозу стратегическим позициям и экономическим интересам американских монополий в этом районе, США вкупе с Англией хотят навязать Африке свой план «южноафриканского урегулирования». Этот план призван усыпить бдительность африканских народов и тем самым спасти расистские режимы, которые вполне устраивают империалистические государства. Поэтому «челночная дипломатия» Киссинджера в Африке не может отвечать интересам угнетенных народов. Империализм никогда не оказывал и не будет оказывать помощь делу их освобождения».

Какие бы иллюзии, какие бы миражи ни строили себе расисты и их покровители в связи с вояжем американского государственного секретаря, угнетенные народы Южной Африки будут продолжать борьбу до полной победы, которая уже не за горами.

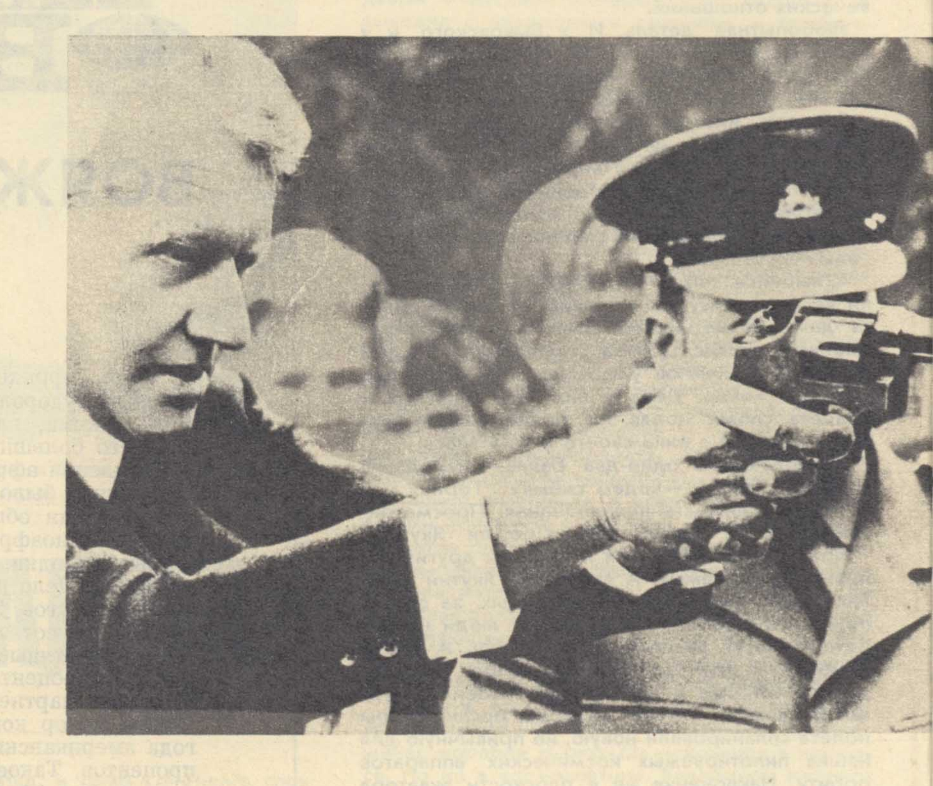

Фото ТАСС

РОДЕЗИЯ В ОГНЕ

Родезия стала английской колонией в конце прошлого века. Еще тогда колонизаторы увидели в ней «рай для белых людей». Это плодородная, богатая и очень живописная страна. Здесь добывают медную руду, уголь, золото, выращивают хлопок, табак, пшеницу. Природа не поскупилась на дары: есть великолепные заповедники, неповторимые пейзажи, почти не исследованные горные цепи. На границе с Замбией низвергается со 120-метровой высоты водопад Виктория, который африканцы называют «грохочущим туманом».

Теперь отряды национально-освободительных сил Зимбабве все чаще и чаще наносят удары по карательным отрядам Смита. Белые поселенцы ограждают свои фермы колючей проволокой на случай нападения партизан, превращая их в военные форты.

«Я не верю, чтобы африканское большинство пришло к власти даже через сто лет»,— упрямо твердит главарь родезийских расистов Ян Смит. Перед лицом внушительных успехов национально-освободительных сил Зимбабве расистские правители Роздеии продолжают лихорадочную деятельность по осуществлению широкой программы милитаризации страны. Резкое увеличение численности армии, полиции и «сил безопасности» за счет резервистов, создание специальных военизированных подразделений из белых поселенцев, вербовка наемников из других стран — все это расистам кажется уже мало. «Сражаться должен каждый, кто принадлежит к белой расе, здоров и пребывает в возрасте от 17 до 50 лет»— таков девиз расистов. Сколачиваются женские отряды под названием «Армия дочек и матерей», где домохозяек учат обращению со стрелковым оружием. Школьников знакомят с современным оружием, которое используется для борьбы против патриотов Зимбабве. Пример всем подает расист номер один, Ян Смит. Так, он практикуется ежедневно в стрельбе из револьвера (первый снимок). А его головорезы безжалостно расстреливают африканцев по малейшему подозрению в симпатиях к патриотам (второй снимок).

В. ДУНАЕВ

РЕЗУЛЬТАТЫ ХОЗЯЙНИЧАНЬЯ ХУНТЫ

Голодные дети роются в мусорных ящиках в поисках чего-нибудь съедобного. Тысячи людей в столице Чили Сантьяго и других городах стоят в очередях перед дверьми бирж труда и воротами предприятий в надежде, что сегодня повезет и найдется хоть какая-нибудь работа. Вооруженная до зубов пиночетовская солдатня на улицах — с закатанными рукавами, руки на автоматах — выискивает подозрительных лиц. Вот это картины повседневной жизни в Чили сегодня.

Фашистская клика генералов-изменников во главе с Пиночетом, которая 11 сентября 1973 года свергла законно избранное правительств Народного единства и убила президента Сальвадора Альенде, удержи вает власть только при помощи штыков. За это время хунта довела эко номику страны до развала. Ныне безработица в Чили превышает 20 про

ЧТОБЫ ДЕТИ РОСЛИ ЗДОРОВЫМИ

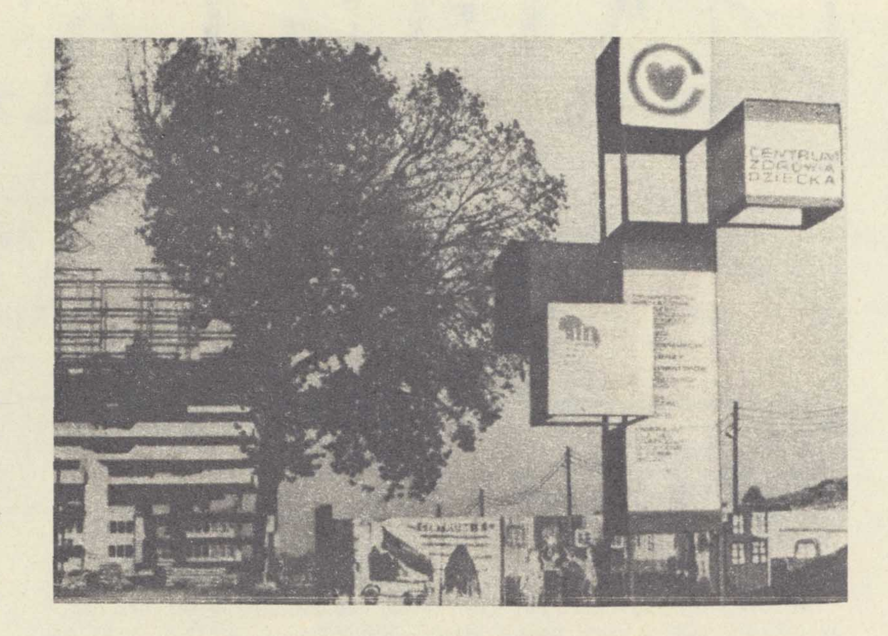
Анджею Болтуцу было 10 лет, когда его отец, офицер польской армии, погиб от рук фашистских захватчиков. Яцек Болеховский, год рождения — 1939-й, потерял мать во время Варшавского восстания. Анджей Зелинский, родившийся на год раньше, испытал в детстве голод, нужду, страх за жизнь — такова была участь целого поколения поляков.

Все трое сейчас архитекторы в Варшаве. Шесть лет назад они получили, по их словам, самое почетное задание в своей жизни. В Мендзилесье, восточном предместье Варшавы, строится необычный больничный комплекс — Центр здоровья ребенка. Он будет памятником двум миллионам польских детей, ставших жертвами войны.

Из 39 проектов, участвовавших в конкурсе, жюри выбрало работу Болтуца, Болеховского и Зелинского. Создание комплекса стало делом всего народа. Добровольные взносы уже составили более 583 миллионов злотых. Первый этап строительства закончится в этом году — откроет двери поликлиника. Весь комплекс, занимающий площадь 17 гектаров, вступит в строй в октябре 1978 года. Ежегодно здесь будут проходить лечение самыми современными методами около 70 тысяч детей и подростков.

На снимке: Центр здоровья ребенка поднимается в Мендзилесье, пригороде Варшавы.

Фото из еженедельника «Вохенпост».

ГДЕ РОДИЛСЯ ЩЕЛКУНЧИК?

Вы знаете, где родился сказочный Щелкунчик, которого так любят дети во многих странах мира? Его родина — маленький городок Зейфен на юге ГДР. Много лет назад здесь селились рудокопы. Они и придумали для своих ребят смешного деревянного человечка. А когда запасы руды в окрестных горах кончились, изготовление игрушек стало основным занятием жителей.

До 1945 года это был глухой, заброшенный уголок Германии. Здешние мастера за свой труд получали гроши.

Сейчас игрушки из Зейфена путешествуют в США, Канаду, Швейцарию и другие страны. Токари и резчики по дереву живут в современных домах, у них свой Дворец культуры, плавательный бассейн. Ежегодно здесь производится на миллионы марок веселых игрушек.

На снимке: Эрика Никиш — мастер из Зейфена.

«Панорама ГДР»

«ФРЭН» РАЗБУШЕВАЛСЯ

Сильнейший в этом сезоне тайфун «Фрэн» пронесся над Японскими островами. Улицы многих японских городов превратились в стремительные потоки. Согласно официальным данным, погибло свыше ста человек. Разрушено 2197 домов, под водой оказалось 80 тысяч гектаров полей. Около 300 тысяч человек остались без крова.

Фото ЮПИ — ТАСС

центов от общего числа трудоспособного населения, катастрофически возросли цены на товары массового потребления. Выпуск промышленной продукции уменьшился на четверть. Более половины чилийских трудящихся получают зарплату, недостаточную для прожиточного минимума. За время пребывания у власти военной хунты работы лишилась третья часть чилийских горняков.

Пиночет и его приспешники возвратили бывшим владельцам, в том числе иностранным, почти все медные рудники, шахты, заводы, фабрики, которые были национализированы правительством Народного единства. Земли, розданные ранее малоземельным крестьянам, теперь у них отобраны и переданы крупным помещикам-латифундистам. Это — убедительное свидетельство лицемерия Пиночета, когда он заявлял, что целью военного переворота было «обеспечение всеобщего права на достойную жизнь чилийского народа». Настоящей его целью было помешать чилийцам стать полноправными хозяевами своей страны, превратить их в бесправных рабов. Для этого хунта создала в Чили обстановку террора и страха. В концентрационные лагеря брошены тысячи патриотов: коммунисты, социалисты, просто люди, которые симпатизировали правительству Народного единства. Любой житель страны в любое время может быть арестован без малейшей надежды на юридическую защиту и почти наверняка подвергнут физическим и психологическим пыткам, писал недавно английский журнал «Коммент». Много заключенных не выносят зверских издевательств — избиений резиновыми палками, пыток электротоком, подвешиваний за связанные за спиной руки. «Из всех арестованных вместе со мной лишь я одна осталась в живых, остальные погибли под пытками» — это слова бывшего президента Чилийской федерации радиожурналистов Гладис Перес, которые она сказала корреспондентке американской газеты «Вашингтон пост» в концентрационном лагере «Трес-Аламос».

Несмотря на зверства и поддержку со стороны международного империализма, режиму Пиночета не удалось ликвидировать организации рабочего класса и политические партии страны. Опираясь на поддержку народных масс, они организуют в подполье широкое сопротивление хунте, они призывают к единству действий против пиночетовской клики. Все большее число простых чилийцев под руководством коммунистов включается в активную борьбу против антинародного режима. В этом залог неизбежного краха фашистской хунты. В труднодоступных местах — в горах, лесах — создаются партизанские отряды, в городах нелегально выходят и распространяются газеты и листовки.

Л. СКОБЕЛЬСКИЙ

Фото ТАСС

ИЛЬЯ ГЛАЗУНОВ

Василий ЗАХАРЧЕНКО

По-разному входят художники в большую жизнь. Одни медленно, изо дня в день, из года в год совершенствуют мастерство, чтобы неожиданно развернуться уже в зрелом возрасте, доказав свою самобытность... Илья Глазунов пришел в искусство иначе. Москва, 1957 год. Центральный Дом работников искусств. Никому не известный двадцатишестилетний студент Ленинградского художественного института выставил здесь около сотни своих работ, и немедленно вокруг них развернулись горячие дискуссии и споры. Равнодушных не было. Кто-то был категорически «против», кто-то выступал «за».

И хотя это было много лет тому назад, неожиданность первого глазуновского выступления перед нашим зрителем до сих пор жива в памяти.

Июль 1964 года, выставка в Манеже. Опять споры, опять накал страстей. Многотысячные толпы зрителей и длинные очереди.

В чем же таился секрет необычной силы воздействия выставок тогда еще совсем молодого художника?

Сейчас, когда Илья Глазунов находится в расцвете творческих сил и имя его широко известно у нас и за рубежом, когда выставки его картин прошли по многим столицам мира, мы можем спокойно оценить его место в нашем советском искусстве.

Я вспоминаю горячие обсуждения его картин «Сумерки», «Любовь», «Ушла», «Последний автобус», «Достоевский», «Юность Андрея Рублева». Что нового несли в себе работы молодого художника? Я бы сказал: беспредельную искренность, лирическую взволнованность, своеобразную философию творческих образов. Глазунов смело отказался от готовых решений. Его первые выставки открыли публике художника с ярко выраженным национальным самосознанием. Русские характеры, русская история... Художник глубоко вживается в радости, муки, надежды Руси... Сердце современного зрителя откликнулось эпическому пафосу исторических полотен Глазунова, благодарно вместило в себя лирическую поэзию других его работ. Строгие мелодии современного города, человеческое горе и счастье, одиночество, весенняя тревога, любовь...

Первые работы Ильи Глазунова несли в себе память войны, рано пережитой трагедии.

«Блокада». Глаза ребенка, в которых отражается пламя коптилки, устремлены на пустую тарелку, кругом холод и мрак. В темноте угадываются очертания умирающего человека.

Окруженный Ленинград... От голода погибает отец, затем мать. По ледовой дороге, по Ладоге, одиннадцатилетнего мальчишку, полуживого, вывозят в далекую новгородскую деревню Гребло, затерянную среди дремучих лесов на берегу озера Великого. Здесь он набирается сил, работает в колхозе вместе со своими сверстниками. На всю жизнь запомнился крестьянский дом, стоящий на берегу озера среди шумящих берез, где он два с половиной года прожил в семье Марфы Ивановны Скородумовой.

Это были годы, когда будущий художник приобщился к красоте русской природы. Навсегда остались в памяти вешние разливы, багрянец осенних лесов, бескрайние пустыни заснеженных полей с темной полоской леса на горизонте, белоснежные стволы березовых рощ, серебряные от дождей избы с резными наличниками.

После прорыва блокады Илья Глазунов возвращается в Ленинград. Средняя художественная школа. Нетопленные классы, ребята занимаются в пальто. Но жизнь, хотя и медленно, входила в свое русло. Открылись Эрмитаж и Русский музей. Годы учения стали годами освоения классического наследия русской и европейской культуры. Упорный труд в стенах Академии художеств превратил юного студента в истинного живописца и рисовальщика. Его рисунок «Руки» приведен в одном из учебных пособий для художественных вузов. Еще на студенческой скамье Глазунов стремится к отражению окружающей жизни, ищет свой путь в искусстве...

Я сижу в его мастерской. Из окна — широкая панорама проспекта Калинина. Это не только мастерская художника — это своего рода музей. Долгие годы Глазунов собирал образцы русского народного искусства. Прялки, вышивки, древняя живопись, литье, резьба по дереву, наличники, старинная мебель, инкрустированная чеканкой. На полках выстроились самовары, разнообразие их форм словно демонстрирует богатство народной фантазии. Все эти предметы, расставленные и развешенные по стенам согласно народным представлениям о красоте убранства, воссоздают мир и русской избы, и старинного терема, и палаты. Все, кто приходит в мастерскую, понимают, что это часть творческой лаборатории художника, которая помогает ему показать историческую правду прошлого.

Мы беседуем о новаторстве и традициях в искусстве.

— Я считаю,— говорит Илья Глазунов,— что, имея в руках такой компас, как национальные традиции, современный художник, как некогда легендарный Одиссей, должен невредимо проплыть между двумя чудовищными скалами: Сциллой и Харибдой — натурализмом и абстракционизмом. Я бы хотел говорить о реализме, как его понимал Достоевский, то есть как о выражении внутреннего состояния человека через правду внешнего, объективно существующего мира, о выражении идеи борьбы добра и зла, где поле битвы — сердца людей.

В средние века в Италии было заново открыто искусство древней, но вечно юной Эллады, и это послужило толчком к возрождению заветов антики. Отсюда, как известно, началась эпоха Ренессанса. В России во второй половине XIX века и на рубеже XX художники вновь открыли миру искусство Древней Руси. Его магическая сила, одухотворенность, удивительная гармония цветовых аккордов, глубоко национальное понимание задач искусства оплодотворили блестящую эпоху русского Возрождения конца XIX — начала XX века, оказавшего, как известно, огромное влияние на западноевропейскую культуру. Это была пора бурного расцвета нашей национальной школы живописи. Суриков, Врубель, братья Васнецовы, Нестеров, Левитан, Кустодиев, Коровин, Рерих, Александр Бенуа, Билибин, Головин, Сомов, Борисов-Мусатов...

Я рассказываю Илье Сергеевичу о том, что при встречах с художниками — нашими и зарубежными — мне часто приходится говорить об искусстве 20-х годов, которое теперь многими поднимается на щит как образец современного пути. Глазунов отвечает:

— Вот только что, этим летом, на моей выставке в ФРГ мне часто задавали вопросы о моем отношении к художникам-пролеткультовцам, так называемым «уновисам» — утвердителям нового искусства, модернистам с их знаменитым «Черным квадратом» Малевича. Но точно пропасть отделяет их от цветущего мира русской национальной живописи. Надо сказать, что сегодня европейская и американская живопись, скульптура, графика во многом переживают кризис наших 20-х годов. То было, как известно, время уничтожения основ и традиций искусства. Провозглашая лозунг создания новой, пролетарской культуры, художники этого направления с категорической нетерпимостью отрицали все культурное наследие человечества, подменяя его абстрактным формотворчеством. Я абсолютно не согласен с теми, кто сегодня пытается возвратиться к практике 20-х годов.

...Во время одной из своих поездок по Волге в крестьянской избе художник увидел небольшую икону в удивительном окладе. Таинственное мерцание голубых и розовых камней, перламутровые переливы речного жемчуга, яркое узорочье бисерного шитья своим красочным созвучием напоминали пленительную красоту морозного окна.

— Мы стояли завороженные возле удивительной работы древнего мастера,— вспоминает художник.— То была одна из форм понимания нашей национальной красоты.

Так родился цикл исторических картин, где Глазунов по-своему преломляет приемы древнего искусства, сочетая темперную живопись на доске с инкрустацией, цветными стеклами, парчой, металлом.

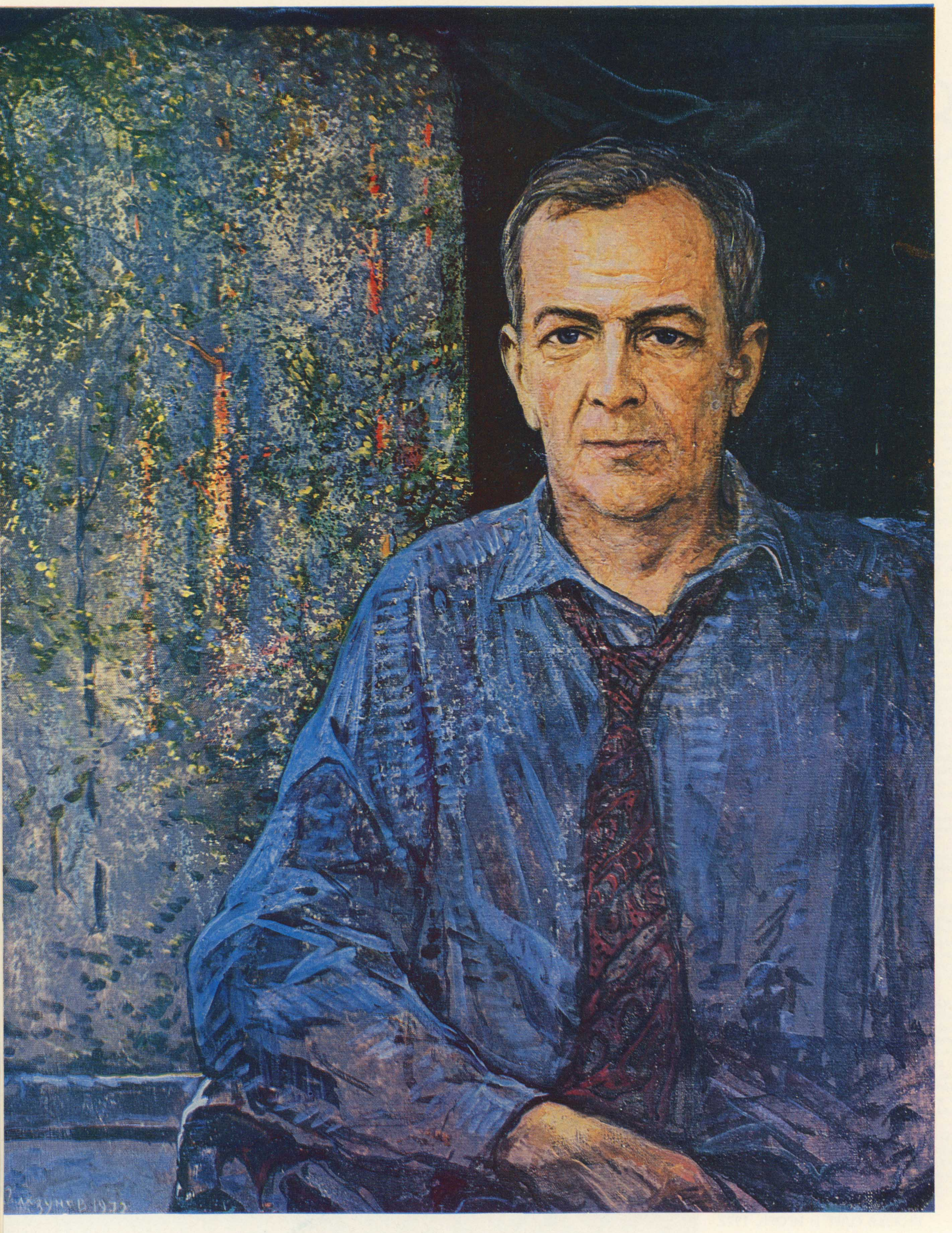
«Князь Игорь». Герой, идущий против сил тьмы. Караемый муками совести Борис Годунов. Народ безмолвствующий и народ, обличающий преступление. Царевич Димитрий — ребенок, убитый из-за политических козней. Девушка в русском национальном костюме, в сказочно красивом жемчужном кокошнике. «Князья Олег и Игорь» — суровое время становления русской державы... Для Глазунова история — арсенал, урок настоящему и грядущему, потому что нет будущего без прошлого.

С волнением смотрятся и глазуновские пейзажи России. Поэтическое воплощение образов русской земли связывает его пейзажи с традиционными, классическими, созданными Саврасовым, Ф. Васильевым, Рерихом, Нестеровым. Хрупкая, нежная красота северной природы, былинно раскинувшиеся просторы земли, низкая гряда тяжелых грозовых туч, тающие в небе вечерние облака, отраженные в тихих водах озера, расплавленное золото осени, бескрайние голубые дали, вросшие в землю древние, словно богатырские, храмы с надвинутыми шлемами куполов, величественные стены старых крепостей — все это живые свидетели нашей героической истории. Пейзажи художника овеяны чувством сыновней любви к Родине.

...В течение долгих лет вьетнамская проблема была в центре внимания всего мира. В многочисленных работах, сделанных буквально на поле боя, художник передал суровую правду военных будней страны: развороченные бомбежками руины городов, девушки, сжимающие в хрупких руках сталь автоматов, сведенные мукой лица раненых де-

Илья Глазунов. Род. 1930.
КНЯЗЬЯ ОЛЕГ И ИГОРЬ. 1972.

Илья Глазунов. ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА Л. А. АРЦИМОВИЧА. 1972.

МОЯ БАБУШКА

Моя бабушка. Она старая, за восемьдесят. Бабушка вырастила троих сыновей, троих внуков на ноги поставила. Сколько помню себя, мать с отцом — на работе, а я — с ней. И детский сад она для меня и воспитательница. Летом, когда все собираются под родительский кров, готова еще и за правнуками приглядывать.

В нашей стране трудно найти семью, куда бы в войну не приходила похоронка. Есть такая истлевшая бумажка и в нашем доме. Вручили ее бабушке зимой 1943 года — сын Яков Иванович пал смертью героя.

Дядю своего я знаю только по фотографии, которая висит над моей кроватью.

Бывало, рано утром бабушка подойдет к кровати и долго смотрит на портрет. Потом взглянет на меня. Заплачет. Тихо заплачет, глотая слезы. Чтобы меня не разбудить. Говорят, похож я на своего дядю.

...Утром на зорьке, за селом, немцы нашли двух своих убитых солдат. Их прикончили местные партизаны. Всю деревню выгнали фашисты в поле за село. На тридцатиградусном морозе стояли женщины, старики, дети. Они не чувствовали холода. Они смотрели туда, где кровавым заревом полыхали их родные дома. Немцы окружили пленников автоматчиками. У бабушки на руках годовалый Николай, у матери — грудной Владимир. Фашисты требовали выдать партизан, семьи коммунистов и комиссаров. Мать и жена коммуниста — они стояли рядом, прижимая к груди детей. Но не нашлось предателя среди односельчан. В ярости фашисты разогнали женщин. Подростков и стариков расстреляли.

— Николай, — спрашиваю старшего,— ты помнишь немцев?

— Нет, не помню. Я бабушку помню. Белую-белую...

Вот как. А я-то думал, бабушка недавно поседела. Оказывается, уже тридцать лет волосы белее снега. С того дня, когда глянул на нее смертным глазом ствол вражеского автомата.

Мы собираемся в кино. Два старших брата и я. Бабушка смотрит на нас и улыбается. Лицо ее разглаживается от морщин.

— Ты чего, бабуля? — спрашивает средний.

— Да гляжу, Мишка обогнал вас... Оброс...

И вдруг в уголках смеющихся глаз блеснет слезинка.

— Война,— тихо скажет бабушка и отвернется,— наголодались... Хлеб с мякиной, мерзлую картошку ели...

Случилось это в конце войны. На голых, пустых, выжженных войной, но освобожденных от врага землях заново рождалась жизнь. Копали землянки, лепили крошечные избы.

Тяжело с едой. Голодно. Вот тогда-то и прослышала бабушка, что верст за тридцать от города, в деревне, можно достать немного картошки. Она ушла затемно. Изголодавшаяся, оборванная, с котомкой за плечами. Вернулась поздно ночью. Упала на пороге. Долго болела. Но зато было чем кормить внуков. И когда они, чумазые от кожуры, испуганные, но бесконечно счастливые, напихивали рты картошкой, бабушка не в силах была сдержать слезы.

На всю жизнь запомнился братьям сладковатый вкус той картошки. И до сих пор нет для нас вкуснее блюда, чем обычная, испеченная в углях картошка.

У меня родилась дочь. Бабушка хотела правнучку. Очень хотела. До сих пор у нее были только внуки и правнуки.

На прогулке меня останавливают соседи. Обступив коляску, они гадают, на кого же похожа моя дочь.

— На деда! Смотри, глаза и брови...— категорически утверждает один.

— Да нет же, она больше похожа на папу,— возражает другой.

— А... Грамотеи! Неужели не видно? Вылитая мама...— горячится третий.

Улыбаюсь про себя. Я-то твердо знаю, на кого похожа моя дочь. Она похожа на мою бабушку.

М. БОЛТУНОВ

Львов.

ЧТО ОТВЕТИТЬ НАДЕ?

В № 34 «Огонька» было опубликовано письмо Нади Н. из г. Пржевальска «О девичьей скромности». Редакция пригласила читателей ответить Наде. И вот уже получено свыше ста откликов. Печатаем некоторые из них.

Больше всего меня поразило в твоем письме утверждение, что парням больше всего нравятся развязные, решительные девушки. Зачем же так безапелляционно? Если тебя интересует мнение двадцатилетнего парня, то скажу решительно: «Нет». Поверь мне, «развязные» не пользуются уважением у ребят. От души советую тебе оставаться такой, какая ты есть. Не нужно играть роль «смелой».

А. БОРОДИН

Гродно.

Надя, дорого обходится не скромность, а, наоборот, такая вот «смелость». Лишь на время решила стать «смелой» и потеряла самого дорогого человека.

У меня растет дочка, но у нее нет отца, а у меня любимого человека. И это действительно страшно, когда в душе и вокруг тебя пустота. Но ты не останешься одна, если не изменишь сама себе. Будь скромной. Счастья тебе.

К. ДИМИТРОВА

Балвы,
Латвийская ССР.

Конечно, человеческая психология сложна. Каждый человек — это особая индивидуальность. И есть такие люди, которым нравится броская, вызывающая красота, ярко выраженное кокетство, жеманство и т. п. Но чаще всего эти люди быстро разочаровываются и приходят к выводу, что главные качества — живой ум, доброта, отзывчивость, скромность. Пусть тебя не терзают сомнения. Одна ты не останешься. А скромность? Ее будут всегда воспевать, как и воспевали.

В. МАТЮШОНОК

Свердловск.

Я против развязности. Это безусловно. Но считаю, что девушке нужна смелость быть интересной. Посредственность не привлекает к себе, быть «как все» — это значит быть никем. И речь идет не только о внешней привлекательности. Надо прежде всего утверждать себя как личность: быть эрудированной, интеллектуально развитой. Надо любить людей, не замыкаясь в себе, стараться сделать жизнь ярче, интересней. А развязные девчонки с их ухажерами достойны сожаления, а не зависти.

Светлана К.

Владимир.

тей и изборожденные морщинами лица старых вьетнамцев, древние пагоды и ультрасовременные ракетные установки. Глубоко символична картина «Пробудившийся Восток», где на фоне горной гряды, напоминающей дракона, нескончаемым потоком движутся колонны ополченцев, исполненных решимости и непреклонной воли к победе.

О чилийской серии работ Глазунова Сальвадор Альенде, присутствовавший на открытии его выставки в Сантьяго, сказал: «Меня поразила удивительная творческая работоспособность художника, сумевшего за такой короткий срок раскрыть и передать душу и облик трудовых людей Чили».

Когда смотришь на лица рабочих и студентов, на картины, передающие пейзажи страны, перед глазами встают полные драматизма события в Чили. Портрет Сальвадора Альенде, созданный художником, был, к сожалению, уничтожен при штурме президентского дворца.

Обширна и многообразна галерея портретов, выполненных живописцем. Имя Ильи Глазунова-портретиста широко известно и за пределами нашей Родины. Он писал многих видных общественных и политических деятелей, людей искусства... Юрий Гагарин, рабочие Нурека и рязанские колхозники, Сикейрос, Джина Лоллобриджида и Феллини, писатели, ученые, артисты. За портрет премьер-министра Индии Индиры Ганди художнику Глазунову была присуждена премия имени Дж. Неру. Портрет Президента Финляндии Урхо Кекконена пользовался заслуженным успехом в Хельсинки.

Особо хочется сказать о Глазунове как об иллюстраторе. Мельников-Печерский, Лесков, Некрасов, Никитин, Гончаров, Александр Блок, Куприн, А. К. Толстой... Созданные им графические листы — это мир и образы России во всем многообразии исторического бытия, народные характеры, сложная канва человеческих судеб, точное знание русского быта, этнографии, архитектуры, костюмов, чувство эпохи.

Особое место в творчестве художника занимают произведения Достоевского. Глазунов дает свое прочтение книг великого русского писателя. Мне думается, что задача иллюстратора — прежде всего верно передать замысел писателя, создать языком изобразительного искусства образы, соответствующие внутреннему строю произведения, манере изложения.

Прекрасны «Белые ночи» с рисунками Глазунова, изданные Гослитиздатом. Там же выходит «Неточка Незванова». А в настоящее время Илья Сергеевич работает над романом «Братья Карамазовы», одним из самых глубоких и сложных произведений Достоевского. Он стремится выразить не только философские идеи писателя, но передает и среду, где живут, действуют его герои. Князь Мышкин, Рогожин, Настасья Филипповна, Ставрогин, Верховенский, Мечтатель, Настенька — такова неполная галерея образов, составивших заметный вклад мастера в искусство советской книжной графики.

Говоря о Глазунове-художнике, нельзя обойти молчанием его общественную деятельность, в которой проявляется его одержимость, энергия, умение убеждать в столь важном деле, каким является охрана памятников русской истории и культуры, его преданность, принципиальность в вопросах пропаганды древнего русского искусства.

Сегодня художник находится в полном развитии своего таланта. Уже не стоит вопрос о том, признавать его или отвергать. Имя Ильи Глазунова прочно вошло в современное советское искусство. Хотелось бы ему посоветовать больше смотреть в современность, острее поднимать ее проблемы, ярче ощущать величие сегодняшнего дня. Пришло время еще глубже окунуться в гущу нашей повседневной созидательной жизни. Может быть, писать на просторах Сибири и Дальнего Востока, на Крайнем Севере и в Средней Азии. Еще и еще встречаться с тружениками нашей страны, борцами за новую жизнь, ни на секунду не забывая, что поле этой героической битвы — сердца людей.

НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ — это древняя история наша, исторически сложившийся центр России; регион огромных потенциальных экономических возможностей.

НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ — это 2 миллиона 824 тысячи квадратных километров; 29 областей и автономных республик Российской Федерации с населением 60 миллионов человек; это Москва, Ленинград и еще до тридцати крупнейших городов; половина всех промышленных предприятий РСФСР; 136 тысяч сел и деревень; 52 миллиона гектаров сельскохозяйственных угодий.

НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ — это программа социально-экономических преобразований, рассчитанная до 1990 года.

НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ В 10-Й ПЯТИЛЕТКЕ:
35 миллиардов рублей государственных ассигнований;
2500 новых крупных механизированных комплексов и ферм;
25 тысяч километров современных автомобильных дорог;
1 миллион 800 тысяч гектаров будут осушены; более 700 тысяч гектаров станут поливными;
1 миллион учащихся — в новых интернатах и школах;
14 серийных типовых проектов и 4 экспериментальных проекта для застройки 29 тысяч перспективных поселков и новых агрогородков.

НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ — Всесоюзная ударная комсомольская стройка.

ВАЛДАЙСКИЕ

Вот она какая, страна Нечерноземья!

Николай БЫКОВ, фото Бориса КУЗЬМИНА, специальные корреспонденты «Огонька»

1. ЗЕМЛЯ ОТЧАЯ, ЗАПОВЕДНАЯ

Специальные корреспонденты «Огонька» вернулись из путешествия по Верхневолжью, лишь малой части той страны, которую называют Нечерноземьем. Все, что встретилось интересного окрест великого истока главной реки России,— в очерках и фотографиях, сделанных на благословенной, многотрудной земле Нечерноземья, такой древней и такой молодой.

Советские люди вершат свои дела с размахом поистине историческим. Последовательно осуществляется программа, принятая на XXV съезде КПСС. Одни кладут бетон в тела сибирских и заполярных плотин и атомных электростанций, другие дерзко погружаются в таинственный мир живой клетки, третьи и четвертые уходят в океанские просторы, несут вахту в космической лаборатории, варят металлы. А люди, чье призвание — современный крестьянский труд, остаются на земле.

Жизнь, судьба, сила обыкновенного хлебного колоса сегодня во многом определяют меру наших успехов на грандиозной строительной площадке Отечества. Партия, правительство прилагают большие усилия для того, чтобы добиться надежного роста сельскохозяйственного производства. Уже не первое десятилетие главный хлеб стране дают южные и восточные степи России, степи Украины и Казахстана. Аграрная политика КПСС в комплексе осуществляемых мер по подъему нашего сельского хозяйства имеет в виду и реставрацию обширнейших сельскохозяйственных угодий Нечерноземной зоны Российской Федерации, коренное преобразование здешних деревень. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР», по существу, открыло новую страницу в истории серединной и северной России с ее частыми лесами, тысячами рек и непроходимых болот, старыми, тесными пашнями, которая тем не менее на протяжении многих столетий была надежной кормилицей нашей. И хотя центры экономически выгодного машинизированного производства зерна сместились далеко к югу и на восток, сегодня нельзя решить проблему большого хлеба в столь многолюдной стране, как СССР, не решив всех проблем Нечерноземья в целом.

Речь идет не только о стимулах и мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства этого крупного и сложного по природно-климатическим условиям региона. Речь идет об изменениях экономических, социальных, об изменении самой географии России, лика ее полей и поселений. Важно и другое. Именно эти места хранят родники неисчерпаемых духовных ресурсов русского народа, который самоотверженно на протяжении долгих десятилетий помогал всем без исключения братским народам Советской страны встать крепче на ноги. Иначе нельзя было. И вот, образно говоря, пришло время перекатать-перебрать старую русскую избу. Отныне сыновьям предстоит подвести под родительский дом новый фундамент, выпилить заново широкие, для витринного стекла, окна на все четыре стороны. Такая работа глаз радует, душу отогревает, веселит сердце. Предстоит заново сотворить давно выпаханное, малоплодородное поле, заново перестроить деревню. Пусть она отныне красуется зеленым поселком, любовно ухоженным и благоустроенным по части асфальтированных дорог, водопровода и канализации, обеспеченным по всем городским меркам.

И такая работа началась, работа на много лет.

— Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу...

Из письма А. С. Пушкина к жене.

Писал Пушкин молодой жене с дороги, из имения Вульфа, что неподалеку от Торжка.

Нет другого пути из Петербурга в Москву опричь этого. Никто его при всем желании не мог бы миновать, направляясь из Северной Пальмиры к сердцу Родины нашей, никто — ни путешествующий соотечественник, ни гость, ни лютый ворог. Старая большая дорога, заповедные места — «друг милый, предадимся бегу...».

Валдай! У одних народов есть Джомолунгма, у других Килиманджаро, у иных Монблан... У нас, россиян,— Валдай. Отсюда хорошо просматриваются дали синей, в дыхании лесов, в разливах озер России, видны колыбель революции — Ленинград, Подмосковье, собирающее по 25 центнеров зерна с гектара, торжокская степь, раздвинувшая мелколесье, ослепительной белизны реставрированные храмы Суздаля, Ростова Великого, Углича, известью беленый склеп в Святогорье, зеленая могила в Ясной Поляне, заокские, заставленные стогами луга, что напротив села Константинова, и, конечно, державная, в рубиновых звездах Москва. А еще дальше — повзрослевшая Волга, сестра ее Ока и темная гряда Урала... Земля Афанасия Никитина и братьев Третьяковых. Земля Ивана Сусанина, Константина Заслонова и Лизы Чайкиной. Родина Пушкина, Некрасова, Толстого, Островского, Циолковского, Есенина. Валдайские вершины, валдайские родники... С этой зеленой земли отправились в космические дороги незабвенный Юрий Гагарин, ярославская комсомолка Валентина Терешкова... Берег Волги — родина В. И. Ленина.

Дорога напоминала, открывала, вела. Дорога останавливала: «Не спеши, помолчи...»

Родина Волги. Родник и медленный поначалу ручей. Вечное движение через время и пространство, через историю и поля России.

— Музей Волги! Вот о чем давненько мечтаю,— говорил мне Виктор Иванович Павлов, секретарь Осташковского горкома партии.

Музей Волги — славная идея, которую грех не реализовать. Нужда в подобном музее огромная. Волга — кормилица, поилица. Волга — бунтарь. Волга — солдат. Волга — голубоглазая старуха мать в многодетной семье народов России. Виктор Иванович Павлов уже и место присмотрел, где быть музею Волги.

А вот и она — еще в детском возрасте, в зеленой колыбели высоченного осота. Стрекозы, стрекозы... И не верится, что это она, наша Волга. Но это так, это ее короткое детство. Здесь пронзает простая неоспоримая мысль: в общем-то у нее, у Волги, миллионы сыновей и дочерей. Многие миллионы — в разных веках, в разных городах.

Волга впадает — нет, пока не в Каспийское море, что непременно случится через три с половиной

РОДНИКИ

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ

тысячи километров ее жизни,— а впадает Волга-дитя в озеро Стерж, перетекает в озеро Вселуг, потом разливается, поднимается Волгоозером. И всю-то юность ее оберегают стройные непроглядные леса по берегам.

В июле приволжские леса теплые, тихие, полные пьянящих запахов. Запахи лесов, вплотную подступающих к неоглядной воде Селигера, не отпускают даже в минуты быстрого лёта на катере с подводными крыльями. На Селигере свыше ста шестидесяти островов, а вдали колокольни и дома Осташкова. Не озеро — гирлянда озер. Здесь некогда ледниковый лед таранил сто кряжей Валдая. А недавно Валдай таранили орды фашистского нашествия. Селигер они не прошли. Набатно и горько звучит реквием Твардовского: «Я убит подо Ржевом...» Это рядом, на той же тверской земле...

«Источников Волги искать?— некогда осведомился губернатор у путешествующего А. Н. Островского.— Не найдете». Писатель нашел. В наше время сюда, к месту рождения Волги, паломничество. Однако добавлю к записи столетней давности: добраться до Великого родника и сейчас трудно. Свежая, залитая асфальтом дорога упирается в Осташков, а дальше — кто как сможет. Сухим летним днем еще удается дошагать до Волговерховья, а вообще-то нормальной для конца XX века дороги к нему пока нет...

— Слышите тишину?— спрашивал отдыхающий в Залучье профессор университета из Калинина Сергей Петрович Савельев.— Целительные места! Сосна, песок, тишина, большая вода, постоянная смена озер, излук, островов. Большой смысл, глубокая философия живой жизни во всем этом. Прекрасно! Слушайте тишину, и вам откроется многое, сокровенное...

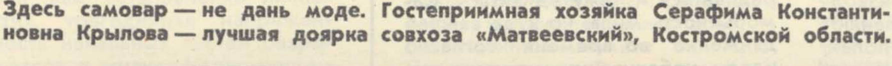
И открылось. Как когда-то открылось Есенину: «О Русь — малиновое поле и синь, упавшая в реку,— люблю до радости и боли твою озерную тоску...» Из-за рубежа сюда, в эти старорусские области, в города верхней Волги охотно едут и едут туристы, деловые люди, компаньоны по торговле. Улицы Осташкова, Торжка, Калинина, Углича, Ярославля, усадьбы в Карабихе и Щелыкове запружены приезжими. В глазах отечественных и иноязычных паломников — любопытство, удивление, восторг и попытка понять, разгадать, постичь. Как, кто, когда успел среди лесов и топей воздвигнуть все это непостижимое, прекрасное, вечное? Экскурсоводы еще и еще раз объясняют: русские мастера, гений нации. Народ! Экскурсоводы терпеливы. И все же для гостей такое непостижимо: супесь, подзол, на них трава либо лес непроходимый. А туда же, храмы воздвигнуты неписаной красоты, города какие! Русь сроду избяная, да рублена-то она из кондового дерева, не умеющего и через полтора-два века истлеть... Есть, есть чем гордиться, что показать, что беречь для потомков. Поистине Золотое кольцо — эти жемчужины древнего русского зодчества. Памятников старины много и в серердке того кольца и вне его. Реставраторы это знают. Знают и в городских, районных партийных комитетах; святым делом восстановления исторически ценных, дорогих русскому сердцу, русской памяти зданий заняты лучшие люди. Дело энтузиастов вызывает ответное чувство благодарности. В дневниках Л. Н. Толстого встретилась простая и великая мысль, которая вновь и вновь загоралась в дни путешествия по Верхневолжью: все недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в соприкосновении с природой — этим непосредственным выражением красоты и добра...

Глубоко человечно воздействие зеленого и голубого мира на человека. Сосны, черемуха, нагретые солнцем опушки лесов с земляникой, затаившийся еж, птичий пересвист, горькие дымы костров, мирные стада возле рек... Там и тут поля — небесной чистоты льны, овсы сизыми туманами клубятся, тропа во ржи, и рядом мощная озимая пшеница, переселившаяся из украинской степи. Полям тесно среди лесов, а в лесах — к счастью, все больше строго охраняемых — водятся и лоси, и бобры, и зайцы, и кабаны, и белки. Много птиц — более двухсот видов, в том числе языческая птица — глухарь. К слову, лишь в районе Селигера охотничьи угодья охватили более ста тридцати тысяч гектаров. Говорят, полсотни населенных медвежьих берлог известны сейчас егерям только в этом углу тверской земли, а в костромских-то дебрях их насчитали до пятисот. Вообще же здесь, например, в Калининской области, немало заповедников, заказников, в том числе и бобровых. Очам созерцателей отрада. А мужчинам, владеющим культурой охоты,— отдохновение и переживания чистой, корыстью не замутненной страсти, которую не раз испытал Некрасов, исходивший места между Ярославлем и Костромой. Это ему писал любезный приятель Гаврила-егерь: «Что шаг, то дупел али бекас, а уш этой белой куропатки так видимо-невидимо...»

Конечно, не надо бы эти места так умилительно славословить во всякое время года. Хороши они в июле, ну, еще в начале августа. Много пышной зелени, воды в прозрачных речках, нарядно, полетнему одетых людей на дорогах и улицах, большей частью дачников и туристов. Но для кого же тайна, что во все остальное время года — до и после лета — в областях Верхневолжья да севернее низкое несветлое небо, под ним бездорожье — бич глубинного края. У этих заповедных мест свои беды: скудные дальние поля, запущенность в лесах. Правда, сейчас в каждой области глубоко продуманы схемы социально-экономической планировки, по которым многие деревни уже наречены неперспективными («Неперспективные мы, стало быть, не на

Детство Волги.

Здесь самовар — не дань моде. Гостеприимная хозяйка Серафима Константиновна Крылова — лучшая доярка совхоза «Матвеевский», Костромской области.

Ярославцы заботятся о шедеврах зодчества.

проспекте деды построились, а жизнь, вишь ли, обошла наши Починки»,—слышал я в дальнем углу Ярославщины). Социологи и писатели, наши современники, со всей ответственностью свидетельствуют, что здешняя деревня намного отстала в нынешнем ее виде и состоянии от современной южной деревни. Это так. Но долго еще ей жить-быть в памяти, рассказах наших, в поэзии деревенской прозы. Да и как ей оставаться в прежнем качестве,— слишком многое и многих отдала здешняя деревня городу. И ничего не сделаешь, таков был ее долг. В первый раз деревню покидали еще в самом начале развития капитализма в России, вдругорядь и тоже вынужденно — в годы первой империалистической войны; а после гражданской крестьян с их тяглом позвали на восстановление разрухи, позже — на стройки пятилетки, еще позже — миллионы лучших, самых способных, самых здоровых, выносливых ушли на защиту социалистического Отечества. А тех, кто остался в живых, кто подрос солдатам на смену, поманили стройки послевоенных пятилеток, городские заработки...

И вот, казалось бы, неисчерпаемый источник рьяной, охочей до работы людской силы иссяк. Например, в костромской деревне, как сказали мне в обкоме партии, жителей за последнюю четверть века убавилось почти вдвое. Но и это бы не беда, да среди оставшихся-то больше половины людей пенсионного возраста и старше. Своих рук деревне все чаще не хватает, чтобы отбиться от нашествия кустарников, избавиться от болотины, одолевать с прежним упорством бездорожье и весной и осенью, чтобы вытеребить да расстелить под затяжные дожди и вновь собрать бесчисленные снопы льна. Постарела северорусская деревня, породившая немало городов наших, их мощь. Самое время позаботиться о второй ее молодости, новой долгой жизни. Концентрация людей в местах современных технологий естественна. Этот процесс необратим. И там, где былое село обернулось новым, красивым поселком с интересным производством, там по-прежнему пленяют новоселов картины русских полей, лесов, рек, пойменных лугов.

«Мирный» — так называется новый многоэтажный поселок возле древнего Торжка. По-новому спланированы поля Всесоюзного научно-исследовательского института льна в том же Торжке. Неузнаваемо изменились совхозные пригороды Калинина, где наука поселилась рядом с сельскохозяйственным производством. А как преобразили мелиораторы «Главнечерноземводстроя» пойму реки Яхромы! Первый секретарь Дмитровского ГК КПСС, Герой Социалистического Труда Нина Васильевна Кудряшова с гордостью за все сделанное показала нам широкий фронт наступления на знаменитые исаковские болота. Топи отступили — Подмосковье получило сотни гектаров новой зеленой нивы. И так повсюду, где созидание и мечта преобразуют отчие, заповедные земли родного Нечерноземья.

О Русь — малиновое поле... Пламенеют с восхода до заката солнца высоко взметнувшиеся султаны кипрея. Иван-чай!.. Куртины его, как сбившиеся вместе знаменосцы, попадались и возле темного ельника, и над карьером, где берут песок, и у речного обрыва. И где только не пламенеет вымахавший под облака цветоносный кипрей! Вот ведь многое видел я — мощные ГЭС, современные гиганты индустрии, машиноиспытательные станции,— а запомнились еще и малиновые куртины кипрея, и куница, молнией проскочившая однажды между медных ветвей сосняка, и жутковатое чудо завезенного из Франции стекловидного угря, и леса, обступившие, как и столетие назад, Кострому, и «Ракета» на ступенях волжских шлюзов под Угличем. А еще — зеленые лабиринты архипелага на Селигере и сам Селигер, который напоминает кусок неба, упавшего на кряж Валдая; упало и раскололось драгоценное зеркальное стекло! Земля пращуров наших, кривичей. Земля красивая. Земля, которая сегодня, как никогда, нуждается в помощи поколений деятельных и умелых, способных возродить былую славу этого края нашей Родины. К счастью, большие планы обновления его осуществляются на глазах. Именно этими принципами освещены известные решения партии и правительства, в частности о мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР. Именно поэтому устремились сюда эшелоны юных добровольцев из Азербайджана, Узбекистана, Армении...

Прекрасно, что человек может путешествовать! Так-то оно так, но глубоки ли впечатления путешествующего на современных скоростях? Имеет ли и он право на выводы достаточно серьезные? Впрочем, существует и другая точка зрения. Как-то в конце 20-х годов Пришвин писал Горькому в Италию, звал назад, в Россию, и, конечно, к себе в Загорск: «...Мне очень хочется пройтись с вами в Посад за баранками, по-моему, сразу все тут и увидите». Вот побывал один только вечер в Залучье, что на Селигере, и еще один день в Костроме — там и тут бросились в глаза приметы сегодняшней действительности, характерной для огромных пространств нечерноземной России. Было чему порадоваться и чему удивиться. Самобытность мила, но куда важнее движение во времени согласно идеям урбанизации и научно-технической революции.

Некрасов писал, мол, что ни мужик, то новость. Ему вторил путешествующий Островский: каждая мужицкая физиономия значительна (я пошлых не видал еще)...

Новостей, встреч и у меня было немало. Новости несли Е. Максимов, Н. Новожилов, В. Молчанов, П. Смирнов, Н. Абросимов — председатели колхозов, директора совхозов, в которых удалось побывать,— об этих встречах речь впереди. А пока течет Волга!..

Медленно минует нас и остается позади, хотя долго еще маячит у окоема между небом и землей старая колокольня, что оказалась почти по пояс в быстрой волжской воде — достопримечательность Калязина. Но вот и ее уже не видно, только ржаво-золотая маковка тлеет на закате. Да разливается уж очень широко, сколько глаз охватит, багряная вода. «Друг милый, предадимся бегу нетерпеливого коня...» Но коня-то как раз и не было. Лошади с путами на крепких ногах, изнывая от безделья, балуя и валяясь, пасутся по берегам и обочь дороги...

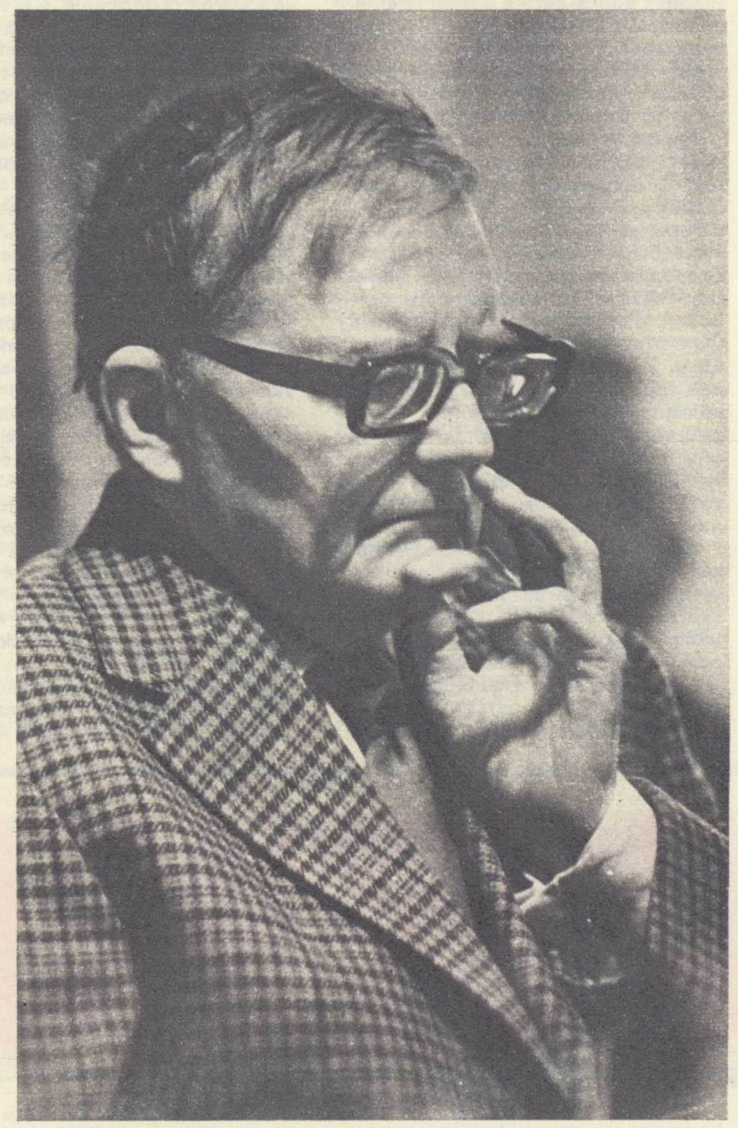

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. Д. ШОСТАКОВИЧА

Потом приходили восторг публики и споры критиков; потом скрупулезно исследовались особенности стиля и обнаруживались предтечи и последователи; потом определялось место в строю гигантов — творцов мирового искусства. А в тот момент, когда вдохновение и подвижнический труд рождали первые строки, когда ложились из-под пера на бумагу нервные, непостижимые в своей магической силе иероглифы нот,— тогда существовало только великое двуединство: Музыка и Время. Они сделали своим избранником Дмитрия Шостаковича на всю его жизнь.

Музыка и Время не дали ему ни мига покоя, довольства, умиротворения. Но одарили его величайшим счастьем художника: чувствовать плоть и кровь обновления, его дыхание. И выразить это чувствование в своих творениях.

Талант композитора настолько велик, что ему никогда и ни в чем не надо было искать «подход» к теме, к слушателю: его самовыражение в музыке всегда было значительно и прекрасно именно своей первичностью.

Как свежий и сильный порыв ветра, облетела весь мир Первая симфония Шостаковича, созданная в 1925 году. И его девятнадцать лет и бурлящая молодость его страны возникли в неудержимой смене музыкальных образов, их столкновениях, динамике. Счастливое дыхание свободы, смелость суждений и оценок юности, ее лукавая ирония, неожиданная причудливость и новизна формы звучали в музыкальной картине нового времени России. И уже здесь, в первой большой работе, обнаружился фундамент мастерства композитора: уверенное владение оркестровыми красками, добросовестность письма напомнили о школе русского симфонизма, которую прошел Шостакович в Ленинградской консерватории у прекрасного педагога М. О. Штейнбер-

ПАМЯТЬ, ВРЕМЯ, ЖИЗНЬ...

О. САХАРОВА

га, ученика Н. А. Римского-Корсакова.

Молодость музыки Шостаковича шла в ногу с молодостью советского искусства: они стали неразрывны в своих поисках, находках, ошибках... Шостакович уже и тогда должен был пройти через все сам. Ломка многих устоявшихся канонов, захватывающий молодые умы дух экспериментаторства будоражили мысль, требовали выхода и находили его у Шостаковича в блистательном гротеске и буффонаде музыки к мейерхольдовской постановке «Клопа», в работах для спектаклей знаменитого ленинградского ТРАМа. Рядом были и другие произведения, в которых потом Шостакович сам подчеркнет стремление к «оригинальности» и рассудочному эксперименту. Но Время требовало от композитора движения вперед, осмысления и воплощения в музыке поступи каждого часа, каждого дня. И музыка Шостаковича не входит, нет, буквально врывается в быт современников: «Песня о Встречном» стала не просто популярной в народе — она стала символическим образом самого народа. Мелодии фильмов «Одна», «Подруги», «Трилогия о Максиме» звучали из черных тарелок громкоговорителей и раскрытых окон заводских общежитий, разносились с экранов и патефонных пластинок.

Известнейший советский критик И. И. Соллертинский в 1934 году писал: «Можно утверждать с полной ответственностью, что в истории русского музыкального театра после «Пиковой дамы» не появлялось произведения такого масштаба и глубины, как «Леди Макбет».

Речь шла о новом произведении Шостаковича — опере «Леди Макбет Мценского уезда», теперь идущей под названием второй редакции: «Катерина Измайлова»,— сам композитор назвал ее «трагической сатирой». Это было началом темы, основополагающей в творчестве Шостаковича на долгие годы, темы острого и непримиримого осуждения всего, что направлено против свободы жизни, против того, что — нечеловек... Выбор сюжета, взятого Шостаковичем в 1932 году, не случаен. Увидев историю Лескова глазами художника нового строя, нового времени, композитор весь свой гнев направил не против отдельных особей «темного царства», а против общества, сломавшего и убившего Катерину Измайлову. По словам Соллертинского, он «изменил оценку ролей: жертвы становятся палачами, убийца — жертвой». Композитор не просто «обрисовал» характеры «палачей» — свекра и мужа героини, он отторгнул их страшный, глумящийся над человеком мир.

Зато Катерине композитор доверил лирическую, задушевно-певучую партию. Все остальные образы наполнены страшным в своей неприкрытости гротеском, едкой сатирой. Неизбежность трагедийного конфликта при столкновении двух этих начал Шостакович обуславливает не только фабулой оперы. Он вводит в действие два симфонических антракта: Пассакалию в I акте после сцены отравления Бориса Тимофеевича, и в III акте — после того, как обнаружено второе преступление Катерины. Драматизм музыкальной речи в этих симфонических картинах поднимает оперную коллизию до обобщения ее трагедийной сути: взволнованные голоса виолончелей, фаготов, контрабасов отметают сарказм бытовых сцен, открывая всю глубину, безысходность трагедии.

«Тема зла» еще не раз прозвучит в творчестве композитора. И это уже зло не бывшее, но сущее. На мир надвигалась страшная угроза фашизма, и композитор заговорил о ней задолго до того, как она обрушилась на его Родину. В Четвертой и Пятой симфониях он рисует страшный образ бездушной, тупой силы, грозящей живому миру. И если в Четвертой симфонии траурный марш становится финалом тревожных раздумий автора, то в Пятой, тему которой сам он определил как «становление личности», трагедийная напряженность начальных частей разрешается в жизнеутверждающем финале, в низвержении зла.

Когда пришло время величайшего испытания нашего народа в Великой Отечественной войне, когда в своей реальности, конкретности зло стало убийственным, именно вера в его одоление, в мощь Родины дала композитору силы для свершения подвига: создания Седьмой, «Ленинградской» симфонии. Она стала легендарной, как легендарны подвиги защитников нашей земли.

«Седьмая симфония возникла из совести русского народа, принявшего без колебания смертный бой с черными силами. Написанная в Ленинграде, она выросла до размеров большого мирового искусства, понятного на всех широтах и меридианах, потому что она рассказывает правду о человеке в небывалую годину его бедствий и испытаний. Симфония прозрачна в своей огромной сложности, она и сурова, и по-мужски лирична, и вся летит в будущее, раскрывающееся за рубежом победы человека над зверем»,— так сказал об этом потрясшем его произведении Алексей Николаевич Толстой.

Свет, чистота, которыми проникнуто начало симфонии,— не только воспоминания о мире. Это лирический образ Родины. И потому, когда в широту, русскую задушевность музыки сначала еле различимо, а потом все более назойливо и устрашающе вторгается тема нашествия, она леденит сердце, становится почти осязаемым образом фашизма. Раз услышав этот жуткий своей механичностью, холодно-наглой жестокостью марш, вы не забудете его никогда. Шостакович заклеймил своей музыкой врага, обнажив его сущность нечеловека. Но другая музыка, музыка огромной мощи, полная напряжения, борьбы и мести, отпора, останавливает маршевую дробь барабана, чтобы смести ее, очистить Время от зла. После кульминации опять прозвучит начальный распев. Но сколько теперь в нем горя, сколько сил и света отдано борьбе...

Все преклонение перед мужеством и скорбью Родины, всю любовь к тому, что есть наша земля, выразил Шостакович в глубоко лирической музыке II и III частей симфонии. И тогда, в начале войны, завершил ее суровой, но торжествующей музыкой финала...

Тема войны надолго станет центральной для композитора. Она прозвучит в Восьмой симфонии, названной Б. В. Асафьевым «величайшим трагическим эпосом только что пережитой человечеством страшной поры», и в фортепианном трио, посвященном памяти И. И. Соллертинского. Эта тема найдет свое радостное, ликующее разрешение в Девятой симфонии, написанной всего за двадцать пять дней в августе 1945 года.

Но пройдут годы, годы огромного труда, создания множества прекрасных вокальных, инструментальных произведений, и композитор напишет в 1953 году Десятую симфонию, где память, время и жизнь вновь обращают его к теме насилия, жестокости.

Как всегда у Шостаковича, музыка включает в себя несколько слоев существования, которые не подавляют, не исключают друг друга, но вдруг высвечивают то сосредоточенную скорбь, то светлую душевную гармонию, то будто скрытый вопрос. И все это рядом, вместе идет к общему звучанию во взрыве кульминации. А потом вновь раздумчивая, такая родная русская мелодия повлечет и в грезы и в печаль...

...Музыка Шостаковича никогда не сулит покоя. Особенная, только ему свойственная гармония, когда звуки то сходятся в благородном единении, а то вдруг взрезают душу вопрошающим диссонансом, следует за беспокойной, безостановочной мыслью художника: она уходит в себя, вспоминает и выплескивается в гневном, пронзительном вопросе: «Люди! Как может быть такое зло на земле?!»

Потому что оно есть, это зло, растоптанное победным маршем, но не убитое, живучее. Оно мозжит душу бесовской пляской II части симфонии, прорывается в ней откликами гортанных вскриков «Ленинградской» симфонии. И когда после короткого, мгновенного и страшного, как смерч, Allegro композитор придет к углубленной сосредоточенности и лиризму III и IV частей, в них прозвучит не то, довоенное, предчувствие беды и не гнев очевидца войны, а осмысленное, философское понимание суровой правды жизни, ее вечной борьбы.

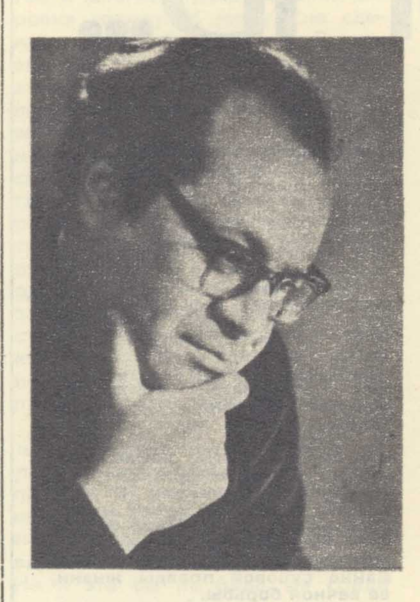
В 1957 году память опять вернет Шостаковича в прошлое: ведь революционные традиции были традициями семьи. Прадед композитора—участник Польского восстания 1831 года, дед за революционную деятельность был сослан в Сибирь; среди близких друзей отца были и те, кто томился в Шлиссельбургской крепости.

Одиннадцатая симфония, названная автором «1905 год»,— грандиозный музыкальный образ революции. Композитор продолжил и развил его в следующей симфонии, названной «1917 год» и посвященной памяти Владимира Ильича Ленина. Пафосом правды, пафосом очищающей мир, освобождающей человека борьбы пронизаны эти монументальные памятники великому делу, великому Времени.

Трудно представить себе, каким гигантским трудом стала жизнь композитора. Ведь, кроме пятнадцати симфоний, ораторий, кантат, опер, балетов, концертов, самых многообразных по форме камерных произведений, вокальных сочинений, масштабных работ для кино, театра, короче, кроме музыки сочиняемой, была еще и музыка, исполняемая превосходным пианистом Дмитрием Шостаковичем. Была трудная и благодарная работа педагога. И была жизнь страны, в которой Дмитрий Дмитриевич Шостакович никогда не оставался созерцателем, а всегда был деятелем, истинным Героем Социалистического Труда.

...Время продолжает свой путь. Оно несет с собой вперед человеческие дела и свершения. В нем навсегда останется музыка, запечатлевшая эту поступь. Музыка Шостаковича.

МНЕ ВСПОМНИЛ

Михаил
МАТУСОВСКИЙ

В ГОРОДЕ ПУШКИНЕ

Старожилы рассказывают, что в городе Пушкине во время оккупации памятник поэту служил мишенью для гитлеровских солдат.

Как будто воск сгоревшей свечки,
По берегам оплывший лед.
Все снова, как на Черной речке,—
Над ним все тот же небосвод.

И так же выглядит убого
Ненастных туч линялый хлам.
И та же санная дорога,
Где грязь со снегом пополам.

И кем-то брошенные в спешке
Ряды осинок с двух сторон.
И вдоль обочин головешки
Изголодавшихся ворон.

Сто раз подчеркнутая белым,
Рельефна чернота борозд.
Наверно, в прорези прицела
Сейчас он виден в полный рост.

Чуть лиловеет кромка леса,
За нею — больше ничего.
И только целый взвод Дантесов
Спокойно целится в него.

СТЕНЫ ГОВОРЯТ

Стихи, написанные после посещения бывших гестаповских подвалов в городе Могилеве в 1944 году.

Мы с улицы вступаем в этот дом,
ослепнув от внезапной перемены,
и с этажа ведет нас на этаж
мир одиночных камер и параш,
бумаг немецких, вышедших в тираж,
продавленных боками тюфяков,
не спящих никогда дверных глазков,
заржавленных задвижек и замков,—
когда мы попадаем в этот дом,
мы различаем в сумраке с трудом
полы, решетки, лестницы и стены.
Ручной фонарик вспыхнул и погас.
На всем пути сопровождает нас
невнятный шепот и крысиный шорох.
В кромешной тьме не различишь ни зги,
в глазах мелькают черные круги,
и глухо отзываются шаги
в бездонных, как колодцы, коридорах.

Осколки штукатурки, кирпичи,
застойный запах пота и мочи.
Чтоб можно было двигаться в ночи,
мы прибегаем к помощи свечи,
мы в двух ладонях свет ее несем.
И вот при вспышке отсветов мгновенных,
как смутный голос, слышимый сквозь сон,
как выстрел, пробивающий бетон,
как чей-то крик или предсмертный стон,
подстерегая нас со всех сторон,
вдруг проступают надписи на стенах.

Стараются застигнуть нас врасплох
то низкий свод, то каменный порог,
то из простенка выглянувший страх,
то номерные знаки на дверях,
то ребра нар, то ржавой цепи звенья.
Из темноты выхватывает свет
сырых подвалов сумеречный бред,
автографы людей, которых нет,—
и здесь я не газетчик, не поэт,
я только лишь свидетель обвиненья.
Вот это явно детская рука,
вот чуть дрожащий почерк старика,
а здесь незавершенная строка,
а здесь стихи бросаются в глаза нам.
«Всех увели, я в камере один»,
«Прощайте, мама, пишет вам ваш сын»,
«Да здравствует...» — и вдруг наискосок,
как будто пуля, бьющая в висок:
«Я был убит за помощь партизанам».
Как здесь писали, камень бороздя
осколком уцелевшего гвоздя,
как смерть сама была отсюда близко,
как много надо было им снести,
какие муки ждали их в пути,
чтоб, наконец, смогла до нас дойти
единственная в мире переписка.

Тюремный мрак уже в моем мозгу,
я разобрать ни слова не могу.
Уже я не шагаю, а бегу,
преследуемый по пятам кошмаром.
И долго будет сниться мне потом,
как молодым вошел я в этот дом,
как юношей вошел я в этот дом,
а вышел из него седым и старым.

БЕСЫ

В австрийском местечке Крумпендорф состоялся слет ветеранов гитлеровских дивизий СС.

Протянутых рук ощетиненный лес.
Сто глоток, орущих в восторге.
Торжественный слет ветеранов СС
Сегодня открыт в Крумпендорфе.

Как будто ворвавшись вдруг в город ничей,
Что сразу замкнулся и замер,
Идут кочегары особых печей,
Смотрители газовых камер.

Идут, засучив рукава, мастера
Допросов, арестов и ссылок,
Стрелявшие, кажется, только вчера
Своим заключенным в затылок.

Идут конвоиры — их строй образцов,
И держатся скромно в сторонке
Врачи, выдиравшие у мертвецов
Зубные мосты и коронки.

Спешат с сигаретами в желтых зубах
Охранников сытые рожи —
С годами они на служебных собак
Становятся сами похожи.

Как призраки без вести канувших дней,
Как прошлого страшный обрубок,
Идут блокенфюреры всех лагерей,
Водители всех душегубок.

Седые поклонницы лезут вперед,
Тесня представителей прессы.
Идет косяком человеческий сброд,
На шабаш слетаются бесы.

Давно, как известно, истек уже срок
Их власти и их своеволью.
Давно прохудились подметки сапог,
Мундиры их трачены молью.

Как в стареньком «телеке»,
сеткой сплошной
Морщины покрыли их лица.
Живут они в мире надеждой одной
Кому-то еще пригодиться...

ПАМЯТИ БРАТА

Страшнее всего посещенье больницы,
Когда уже, в сущности, нечем помочь.
И эти попытки врачам дозвониться,
И свет в изголовье, горящий всю ночь.

И эта в себя самого погруженность,
И лоб, становящийся все горячей.
И эта почти от всего отрешенность,
И эта зависимость от мелочей.

И вера, что все еще будет, как прежде,
Лишь только бы снова забрезжил рассвет.
И те переходы от страха к надежде,
Хотя и для них основания нет.

И эти за окнами призраки дыма,
И крыши Измайлова в сетке дождя.
И эта жестокая необходимость
Всегда улыбаться, глаза отводя.

И этих больничных часов равнодушье,
Медлительным ходом сводящих с ума.
И черные рты кислородных подушек,
В которых живет безнадежность сама.

ИСЬ СНОВА...

Халат на стене, как свидетель безмолвный.
И это бессилие всех докторов.
И чувство стыда и виновности полной
Хотя бы за то, что ты жив и здоров.

●

День теплый,
Хоть и ночь была холодной.
В испарине оконное стекло.
Варенье из рябины черноплодной
всех местных пчел
к нам в гости привлекло.
Опять не жизнь —
сплошное разоренье,
и хлопоты
в саду
и во дворе.
Опять на кухне варится варенье
в знак окончанья лета на Пахре.
До поздней ночи
пламя не потухнет,
на все кладя особую печать.
У этих сладких запахов
на кухне
есть верный способ
детство возвращать.
За часом час,
а там и год за годом
вступает и уходит в свой черед,
в гекзаметрах воспетый Гесиодом,
больших
и малых дел круговорот.
Все эти краски осени янтарной,
в сухой листве тропинки и пути
без указаний книги кулинарной
в рецепт варенья
следует внести.
Еще
добавьте терпкий воздух сада,
живую смену света и теней.
А мне
от жизни
большего не надо —
я и за это
благодарен ей.
Мы бродим в одурении веселом,
устав от неожиданных забот.
Здесь многое
должно достаться пчелам,
но кое-что
и нам перепадет.
Рябиной пахнут
лестницы и сени,
и мезонин,
и комнаты внизу.
А солнце светит с резкостью осенней
и, как варенье, плавится в тазу.

●

При сборе малины в саду не следует
быть суетливым:
Не каждому, кто б пожелал, достанутся
ягоды те.
Всецело себя посвятив приливам ее
и отливам,
Ты жизнь за какой-нибудь миг узнаешь
во всей полноте.

То прямо у нас из-под ног вдруг кто-то
внезапно шарахнет,
То зонтообразным кустом к нам Волчья
потянется Сыть.
А черной смородины лист так горько,
так горестно пахнет,
Что запах лесного клопа не может
его перебить.

Учти, что погожие дни стремительны и
торопливы,
Что свет их на убыль идет, что память
у них коротка.
И нам остаются от них лишь только
ожоги крапивы
Да всех сыроежек труха на сетчатом
дне туеска.

С азартом мальчишки следить за вылетом
стаи утиной,
Когда она тянет с утра, в сто весел
усердно гребя.
И вдруг ощутить на лице тончайшую
дрожь паутины,
Как будто бы чья-то душа неслышно
коснулась тебя.

И ягоды снова искать, стремясь заглянуть
за подкладку,
Уменье их прятаться в тень все время
имея в виду.
И слушать жужжание пчел, идущих легко
на посадку.
И главное — это молчать при сборе малины
в саду.

ГЖЕЛЬ

Про себя мурлыча что-то, там в клубок
свернулась кошка.
Спит, качаясь в колыбели,
неразумное дитя.
Пенсионных лет старуха тащит
полное лукошко,
Подосиновик и белый сыроежкам
предпочтя.

Там домой идет девица,
стан под тяжестью сгибая,—
Два ведра на коромысле чуть колеблются
в пути.
Там, устроясь на насесте,
квохчет курочка рябая,
Посулив взамен простого —
золотое нам снести.

Там на лавочке тесовой дед уселся
на минутку.
Там коня буланой масти держит парень
под уздцы.
Ну, а сани с подрезами так и мчат
по первопутку,
Только слышно, как смеются на морозе
бубенцы.

Я стою пред ней часами,
замерев от удивленья,
То и дело повторяя: неужели, неужель?!
Я измаялся, стараясь для нее найти
сравненье.
Я с ума схожу от «гжели», что за чудо
эта «гжель»!

Будто плещет сине море, покрываясь
белой пеной.
Будто в синий зимний вечер первый
снег полег уже.
Гжатск и Гжель — я повторяю,
ощущая неизменно
Напряженность и поджатость
сочетаний ГЖА и ГЖЕ.

...Труд горшечника простого чем-то схож
с трудом Родена.
Рано утром в Барбизоне,
как в Федоскине, светло.
И становится рекою ручеек обыкновенный,
И в высокое искусство переходит ремесло.

Сцена из спектакля «Таблетку под язык».
Фото М. Строкова.

гастроли

ИМЕНИ НАРОДНОГО ПОЭТА

Когда в 1926 году закончила учебу в Москве Белорусская драматическая студия, ее в полном составе направили на работу в Витебск и назвали Вторым белорусским театром. Имя народного поэта Якуба Коласа театр носит с конца 1944 года.

В те далекие двадцатые годы молодых актеров, переполненных всякими сценическими придумками, ставивших свои дипломные спектакли под влиянием выдающихся режиссеров — Вахтангова, Мейерхольда, Таирова,— провинциальный Витебск встретил настороженно. Зрители не понимали экспериментального характера некоторых постановок: им тогда нужна была не «высшая математика искусства», если можно так сказать, и театру пришлось перестраиваться, начав с воспитания зрителей, чтобы в будущем они стали тонкими, вдумчивыми советчиками и помощниками театра.

Современный репертуар коласовцев, о чем свидетельствовала их гастрольная афиша, многообразен. Московские зрители стали свидетелями народной трагедии горожан Витебска в XVII веке, их борьбы за свободу и достоинство человека. Пьеса В. Короткевича «Колокола Витебска» написана специально для этого театра к 1000-летию города.

Столичных театралов смешили и заставляли задумываться комедии А. Макаенка «Затюканный апостол» и «Таблетку под язык». Актеры показали трагизм героев «Власти тьмы» Л. Толстого, обреченность и слабость энергичных людей В. Шукшина...

Как видим, тут и пьесы белорусских авторов, и русская классика, и современность. Зарубежная драматургия представлена брехтовской пьесой «Матушка Кураж и ее дети» и польской пьесой «Шахматы» С. Гроховяка. Все они объединены темой нравственных исканий, показом человеческой подлости и трусости, с одной стороны, и человеческой красоты и благородства — с другой. И еще — пониманием человека, даже заблудшего, оступившегося.

Такой играет Анисью во «Власти тьмы» Галина Маркина, заслуженная артистка БССР. Неверный шаг, измена своему духовному «я» влекут за собой череду поступков, все больше затягивающих в трясину сделок с совестью. И если Анисье уже ничто не поможет, то Вера Сергеевна Кузькина из «Энергичных людей» (в том же исполнении), быть может, еще способна опомниться.

А другие «герои» этих же пьес? Еще и еще хотят они себе благ, хотят любым путем: и слабовольный Никита Л. Толстого, и «предприимчивые» деятели В. Шукшина. Кара настигает их не с приходом урядника или милиционера, а гораздо раньше: запутались, нет им счастья, нет покоя. И нет прощения.

«Архитрудное дело — любить человека» — это главная тема пьесы А. Макаенка «Таблетку под язык». Шутливая на первый взгляд комедия тоже затрагивает сложные человеческие отношения, глубинные процессы советской деревни. Сельский труд, призвание человека мастерски показаны замечательными актерами — И. А. Матусевичем (дед Цыбулька), Ф. И. Шмаковым (председатель колхоза), А. М. Трусом (Кренделев).

Много было приятных, волнующих встреч в Москве с театром, познакомивших зрителей со зрелым искусством. Москвичи от имени всех зрителей поздравили театр с близким золотым юбилеем. К этому событию коласовцы готовят спектакль «Симон Музыка» по поэтическому произведению Якуба Коласа.

Наталья БУМАГИНА

Юрий ПОПОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Какое мелодичное и вместе с тем гордо звучащее название и у самой страны и у ее столицы: Ангола... Луанда...

Сейчас ночь. Мы расположились в удобных шезлонгах на открытой веранде отеля «Континенталь». С моря дует прохладный бриз. Впереди сияет Южный Крест. Над головой — созвездие Скорпиона с рубиновым Антаресом, сзади — перевернутый ковш Большой Медведицы. Созвездия двух полушарий встретились в небе Анголы, а над заливом, в водах которого извиваются огни прибрежных фонарей, повис жемчужный диск нарождающейся луны с яркой серебряной каемкой понизу.

Тишина. Спокойствие. Умиротворенность. И как-то не верится, что не так давно здесь где-то рядом рвались снаряды, строчили пулеметные очереди, лилась человеческая кровь.

Впечатления первого дня, как правило, самые яркие. Мы бродили по улицам Луанды с раннего утра, стараясь вобрать в себя как можно больше деталей, жизненных сценок, запомнить лица людей, обрывки фраз, короче говоря, понять, чем дышит город, определить его лицо, почувствовать его пульс. То и дело вскидывал фотоаппарат, снимая все, что попадалось на пути: улицы, дома, соборы, памятники, прохожих.

Сейчас Луанда похожа на красавицу, медленно оправляющуюся от пережитой большой трагедии. Горькие складки залегли на ее челе. Но оно все еще остается прекрасным, неповторимым, тем более что его уже осветила улыбка надежды.

Может быть, это чересчур образно, но о столице Анголы и впрямь хочется говорить в возвышенных тонах. Город очень живописен: полукружие обширной голубой бухты, по мелководью которой разгуливают белоснежные цапли. Набережная с королевскими пальмами. Зеленые скверы и парки. Прозрачный и прохладный в это время года воздух.

Нижний город раскинулся на плоском песчаном берегу бухты. В колониальные времена он был центром деловой жизни, где сосредоточены здания банков, крупнейших промышленных и плантационных компаний, магазинов, ночных притонов, кафе, баров, многоэтажных шикарных гостиниц.

При колонизаторах этот город шумел, звенел, гулял не переставая всю ночь. Здесь властвовал порок и дух наживы. Это был город хозяев, город белых, где черные чистили башмаки, убирали мусор, подметали улицы, прислуживали в отелях.

Впрочем, и верхняя часть Луанды, поднимающаяся амфитеатром по склонам прибрежных холмов, также была городом для избранных, где в сени пышных тропических деревьев утопают шикарные виллы, а апартаменты многоэтажных домов оснащены всеми современными удобствами, включая установки для кондиционирования воздуха. Здесь же были воздвигнуты и учреждения колониальной администрации. Черная беспросветная нищета ютилась на окраинах — в трущобах и жалких хижинах.

Сейчас колониальному разгулу пришел конец. Окна ночных баров и ресторанов, а также многих банков и магазинов, принадлежавших португальцам, задернуты железными жалюзи. Стены, испещренные лозунгами и плакатами, кричат о схватках, происходивших на улицах: «Долой предателей ангольского народа!», «МПЛА — это народ, народ — это МПЛА», «Да здравствует наша победа!».

Луанда, как и вся страна, переживает переходный период — прошлое позади, а будущее только начинается.

Из всех колониальных империй португальская имеет самую долгую историю. Четыре столетия судьба Анголы была привязана к судьбе Португалии. Эта небольшая страна, прилепившаяся к западному выступу Пиренейского полуострова, открыла эру колониальных захватов еще в средние века — значительно раньше всех других европейских держав. В 1415 году португальская эскадра во главе с принцем Энрико, третьим сыном короля Португалии Жуана I, захватила внезапным нападением марокканский город Сеуту. Этот принц, получивший от историков имя Генриха Мореплавателя, всю свою жизнь посвятил португальскому флоту и завоеванию новых земель. В те времена, когда в Европе была в разгаре Столетняя война, а Московским княжеством правил Василий Темный, португальские корабли уже рыскали вдоль африканского побережья в поисках легендарных сокровищ. В Лиссабоне на берегу реки Тахо до сих пор сохранилось похожее на средневековый замок сооружение — башня Белем, построенная в самом начале XVI века. Она служила ориентиром для галеонов и каравелл, возвращавшихся из длительных экспедиций с награбленным добром и рабами.

Четыре столетия назад морской офицер Паулу Диаш заложил в Анголе, неподалеку от устья реки Кванзы, город Сан-Паулу-ди-Луанда. На Руси в это время царствовал Иван Грозный, а на Красной площади в Москве только что был воздвигнут храм Василия Блаженного.

Рядом с завоевателями шла церковь. Католические миссионеры огнем и мечом обращали местное население в лоно Христово. Это, впрочем, не мешало португальским негоциантам вести торговлю и вновь обращенными черными рабами, которых продавали плантаторам Северной и Южной Америки, островов Карибского моря.

Многочисленные памятники завоевателям, мореплавателям, генерал-губернаторам встречаются повсюду на улицах и площадях Луанды. Самих скульптурных изображений, правда, уже нет. Фигуры в пышных старинных одеяниях, в плащах и со шпагами совсем не гармонируют с духом новой Анголы. Их сняли и сложили в старой крепости, построенной на холме вблизи моря. Но пьедесталы остались. Остались керамические и чугунные доски на углах улиц, оповещающие, чьим именем они названы, и кратко перечисляющие заслуги удостоившихся этой чести. Португальцы хотели осесть здесь прочно, если не сказать навечно. Но вышло по-другому.

Четыре заглавных буквы пестреют почти на всех этих пьедесталах и стенах домов — МПЛА. Это начальные буквы от «Мовименту популар да либертасао ду Ангола», что в переводе значит «Народное движение за освобождение Анголы». Это движение возглавило борьбу за свободу и независимость страны. В его рядах сражались лучшие представители ангольского народа. Многие не дожили до сегодняшнего дня.

Я просыпаюсь с мучительной болью:
она заклинилась во мне,
как осколок,
как пуля,—
это воспоминание о тебе, Киболонго,
мой черный брат,
мой друг по оружию.
Тебе не видеть больше жизни,
друг мой Киболонго,
я не могу представить, что это случилось.
Я просыпаюсь и вглядываюсь в лицо твое,
я слушаю твой голос,
твой веселый голос —
как будто ты шагаешь вместе с нами
через заросли,
поешь и шутишь.
Ты всегда был самым веселым,
несмотря на то, что было трудно,
что дождь нас нещадно хлестал по лицу,
что солнце палило так, словно хотело нас сжечь.
Но золотилась настурция.
Выстрелом из засады
тебя сразила пуля,
ты уснул на носилках,
пытаясь улыбнуться
и тихо промолвив: «Пустяк».
Киболонго, брат мой!
Мы положили тебя в землю Анголы —
в твою землю,
в землю, где когда-то и мы будем лежать.
Ты страстно любил ее!

Эти строки принадлежат перу одного из тех, кто сражался в джунглях Анголы против португальских колонизаторов не только оружием, но и своими стихами.

Партизан, поэт, врач Нгудия Уэндел состоял в рядах партизанского отряда в лесах Первого района, а затем был командиром территории Иколо и Бенго. Его первый сборник был опубликован в Лусаке в 1970 году. Он назывался «Мы вернемся, Луанда».

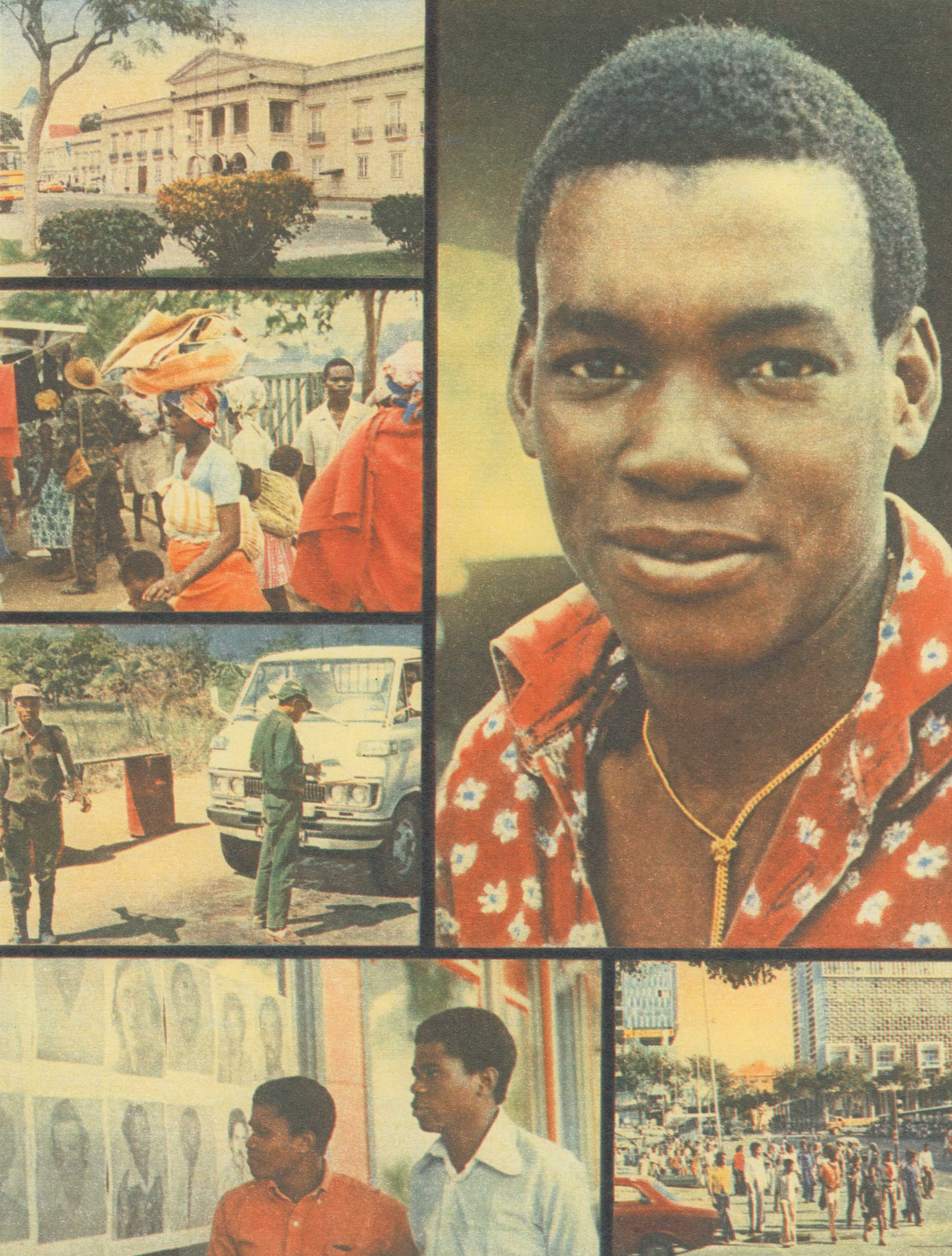
Они вернулись в Луанду, они освободили Анголу. Теперь взгляд в будущее: что же дальше? Президент Народной Республики Ангола Агостиньо Нето, выступая на массовом митинге в Луанде в июле, сказал:

— Мы избрали социалистический путь развития. Это означает, что основой нашего общества будут рабочий класс и крестьянство. Трудящиеся Анголы должны не только владеть орудиями производства, но и научиться управлять кооперативами, фабриками, заводами... В новых условиях МПЛА должно перестроить свои ряды в соответствии с нашей целью: строительство социализма под руководством рабочего класса. Необходимо преобразовать это движение в партию трудового народа.

Это стратегическая линия на многие годы вперед. Сейчас же страна делает первые самостоятельные шаги — трудные, мучительно трудные шаги.

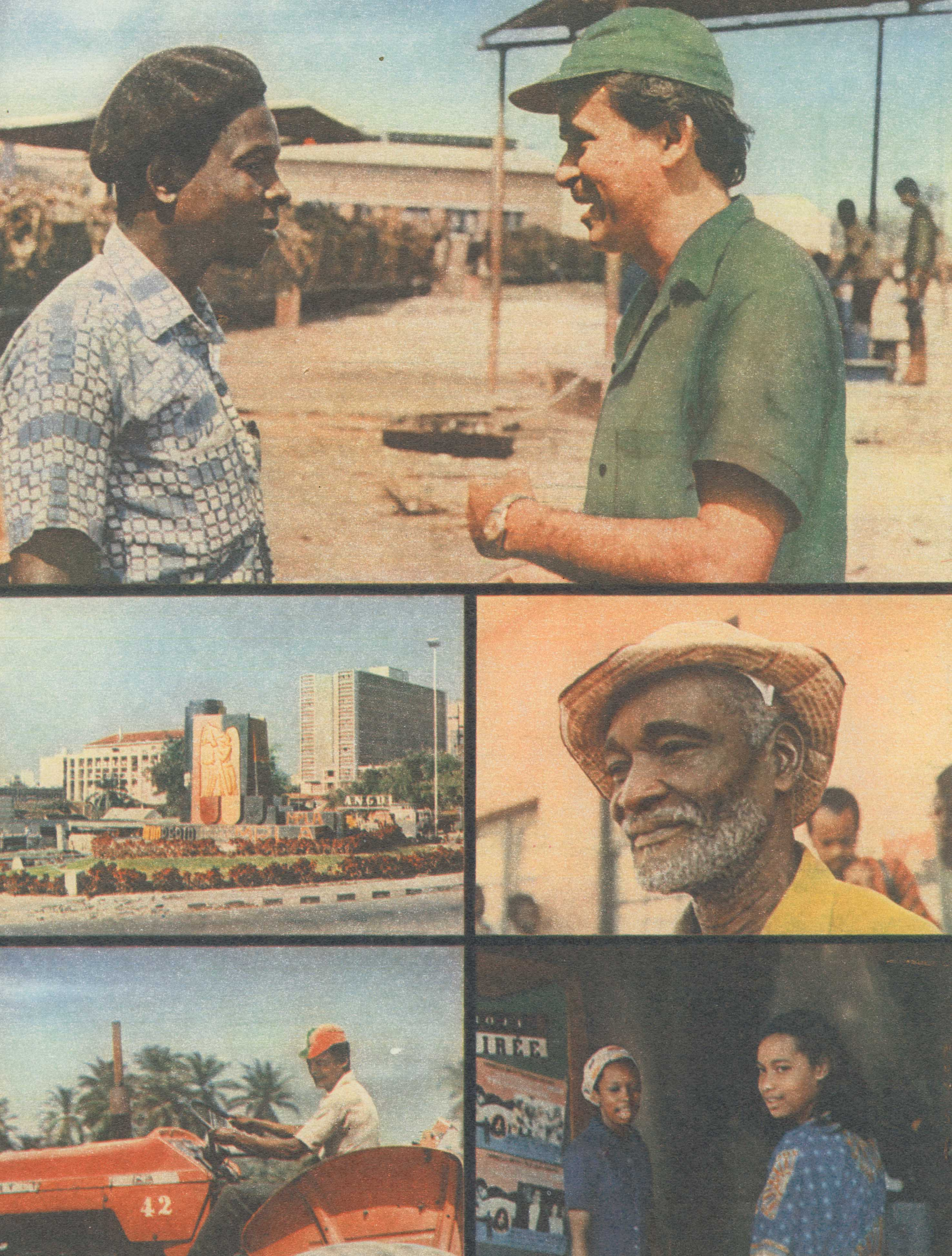
Левое крыло президентского дворца занято адми-

■ **Бывший дворец генерал-губернатора стал резиденцией президента независимой Анголы. ❊ У входа на рынок в Луанде. ❊ Контрольный пункт на дороге. ❊ Интересно, кого выбрали в муниципалитет! ❊ Жоки Мануэль — рыбак из поселка Какуаку. ❊ После рабочего дня улицы столицы заполняются народом. НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Материнская гордость. ❊ Урожай сахарного тростника в этом году отличный. ❊ Он охраняет дворец президента.**

42

нистративными учреждениями. У входа прямо на земле крупнокалиберный пулемет со вставленной лентой. Солдаты, охраняющие здание, вежливо спрашивают, кто мы и по какому делу идем. Мы объясняем: советские журналисты, к министру информации. Нас быстро пропускают. Молоденькая и хорошенькая креолка камарада (товарищ) Паула просит немного подождать в приемной (министр занят) и дарит нам широкую белозубую улыбку. Минут через десять она впархивает опять в приемную и просит следовать за ней.

С министром информации Жоао Мартинешем мне довелось встречаться еще раньше в Москве, где он находился с делегацией идеологического фронта Анголы. Пребывание в Советском Союзе произвело на него, как и на всех членов делегации, огромное впечатление, о чем он рассказал в своем интервью, опубликованном на страницах «Огонька».

Умные, немного навыкате, усталые, но веселые глаза, тонкая ниточка усов над пухлой губой, защитного цвета куртка и брюки. Бюст Ленина на столе. На стене карта мира и карта Анголы.

— Ну, что вас интересует на этот раз? Как вам понравилась Луанда, Ангола?— спрашивает министр.

— Луанда понравилась очень, а за пределы ее пока еще не выезжал.

— По правде говоря, не так уж просто выбраться за ее пределы. Дороги разбиты, мосты разрушены, средств транспорта не хватает — война всегда несет с собой жертвы и разрушения. Но что-нибудь придумаем.

Да, проблем у нас сейчас очень много,— продолжал министр.— Практически все приходится начинать с нуля. Тяжело было добиться независимости, но впереди не менее серьезная работа. Наследство мы получили небогатое: многие фабрики стоят, мало средств и, что самое главное, не хватает квалифицированных кадров. Основной костяк специалистов на фабриках и заводах, на плантациях состоял из португальцев. Более 90 процентов из них покинули Анголу, попросту бежали, бросив все позади, хотя в принципе для многих из них, если не для большинства, в этом не было никакой необходимости. В результате встали предприятия, снизились урожаи наших традиционных сельскохозяйственных культур. Снабжение городов, в том числе и Луанды, продовольствием постепенно налаживается. Но опять-таки дело упирается в транспорт и коммуникации. Восстановление разрушенного требует и времени, и средств, и людских ресурсов.

С министром мы беседовали довольно долго. Затронули много вопросов, много проблем. Из всех колонизаторов португальцы были, пожалуй, самыми безответственными. В английских колониях плохо-бедно, но все-таки создавалась какая-то промежуточная административная прослойка и даже готовились кадры для низших административных постов. В основе этого лежала, конечно, не забота о местном населении, а желание поменьше тратить денег на управленческий аппарат: местным платили гроши. Что касается Португалии, то для нее колонии были не только источником наживы, кстати, не такой уж большой, ибо львиная доля доходов попадала в руки американских и других западных компаний, орудовавших в Анголе и в других португальских владениях. Являясь одной из беднейших стран Европы, Португалия в условиях салазаровского режима сбывала излишки своего населения в заморские владения. Белые португальцы занимали все административные посты в Анголе. Но многие работали даже простыми рабочими на промышленных предприятиях и плантациях — те, кто не мог найти работу дома. В руках португальцев находилась не только крупная, но и мелкая розничная торговля. С их бегством из страны создался своеобразный вакуум и в сфере экономической жизни и административной структуры.

Кстати, эти простые трудяги-португальцы немало хлебнули страданий из-за своего легкомыслия. Позднее в Лиссабоне я встречался с ними не раз. Они остались без работы, без средств к существованию, без надежд. Тем не менее их отток из Анголы продолжался. В гостинице, в вестибюле их можно было видеть каждый день. Ребятишки возятся на креслах. Родители не обращают внимания на них. С озабоченными, отрешенными лицами они перебрасываются отрывистыми фразами:

— Когда следующий самолет? — доносятся слова.

— В четверг. Но билетов нет. Придется опять ждать.

Самолеты в Лиссабон идут пять раз в неделю. Но, когда я находился в Анголе, они были заполнены до последнего места. Как же все-таки глубоко укоренилось в этих людях чувство расовой несовместимости, вернее, расового превосходства, вдалбливавшееся прежними колониальными властями. Ведь правительство Анголы их не изгоняет. Наоборот, работа их ждет. Даже владельцы предприятий сохраняют на них право собственности. Правительство национализирует либо те плантации и предприятия, которые оказались брошенными на произвол судьбы, либо потому, что их хозяева саботируют производство. Мы работаем над тем, отмечал министр планирования страны Карлуш Роша, чтобы вновь привести в движение хозяйственный механизм с помощью ангольских кадров, а также с помощью оставшихся португальских специалистов. В большинстве своем это честные люди, а некоторые из них даже настроены революционно. Вместе с ними мы совместными усилиями можем взяться за решение проблем.

Сейчас началась работа по укреплению национальных государственных институтов и местных органов власти — это тоже серьезная задача. Выборы в местные органы власти Луанды, проходившие летом, показали, что народ легко мобилизуется для проведения политических кампаний. С большим энтузиазмом включилась в эту деятельность молодежь. Это и понятно: молодежь — будущее страны, ее надежда.

Настоящая Ангола начинается за пределами Луанды. Там в селах и деревнях проживает подавляющая часть населения. Эта сельская, провинциальная Ангола, как и в большинстве других африканских стран, еще очень далека даже от зачатков современной цивилизации. Поголовная неграмотность, тысячи предрассудков, темных поверий, дремучая отсталость. До сих пор деревня живет в условиях натурального хозяйства.

■

Сахар варить — непростое дело. Кубинские специалисты охотно делятся опытом. ❊ Памятники завоевателям сняты, остались лишь пьедесталы. ❊ Тракторист — почетная профессия. ❊ Много натерпелся за свою долгую жизнь старый Мартин Эшеру. ❊ Сегодня в кинотеатре новый фильм.

Побывать мне в тех отдаленных районах не довелось. Но о подготовке к наступлению на вековое невежество я и читал и слышал. В Луанде состоялась торжественная церемония вручения дипломов преподавателям начальных школ, окончившим первые курсы по подготовке кадров учителей, сформированные после завоевания независимости молодой республикой.

Вручая дипломы выпускникам, министр образования и культуры Антониу Жасинту ду Амарал Мартинеш сказал, что подготовка кадров для системы народного образования — проблема государственного значения. Только для начальных школ страны, которые должны сыграть главную роль в ликвидации неграмотности, требуется более 20 тысяч преподавателей.

В будущем в Луанде планируется организация специального института по подготовке преподавателей для начальных классов. Что касается первой группы учителей, получивших дипломы, то им придется работать, как подчеркнул министр, в крайне тяжелых условиях сельской местности. Но молодежь готова к трудностям. Ликвидация неграмотности рассматривается правительством как одна из важнейших предпосылок строительства новой Анголы.

Несмотря на трудности с транспортом, небольшой «ситроэн» был предоставлен нам для поездки на север, в район сахарных плантаций. Товарищ Кураду, сотрудник министерства информации, шофер, еще два ангольских товарища и я с трудом втиснулись в машину, и, миновав безжизненный, опустевший промышленный район города, мы вырвались на просторы саванны. Сейчас сухой сезон. Дождей нет — синее небо над головой со сверкающим солнцем. По обе стороны дороги — равнина с порыжевшей травой и толстыми, похожими на гигантские сардельки деревьями, на макушке которых, как изломанные пальцы рук, торчат пучки ветвей. Баобаб не баобаб, но что-то похожее. Рощи высоких кактусов странной формы придают пейзажу какой-то марсианский облик. Изредка попадаются глинобитные хижины возле дороги. Деревень практически нет, и поражает отсутствие скота — травы-то везде полно. Но скот не может здесь существовать. Страшный бич скотоводов — муха цеце завладела этими местами.

Дорога идет в гору, и вскоре открывается вид на голубоватую долину с такими же фантастическими пейзажами на фоне далеких пологих холмов. Мутная речка преграждает дорогу. По временной переправе переезжаем на другую сторону. Рядом повисли на опорах бетонные пролеты взорванного моста. Камарада Курадо толкает меня в бок и тычет в окно — в кювете подбитый броневик с торчащим вверх пулеметным стволом.

— Броневик отрядов Холдена Роберто,— поясняет Курадо.— Из него так никто и не успел выскочить.

Холден Роберто, как и Савимби, орудовавший на юге, один из ставленников международной реакции, агент американской разведки, отчаянно рвался к Луанде. Его остановили здесь части МПЛА.

Проезжаем развилку дорог. Слева транспарант с предупреждением: «Опасно, мины». Мы едем прямо. Вскоре — военизированная застава. Проверка документов. Солдаты в пятнистых маскировочных костюмах внимательно осматривают машину и пассажиров, потом машут рукой: «Проезжай».

По дороге заехали в деревушку со смешным названием Какуаку. Не так давно это был один из крупных центров рыболовства и рыбопереработки. Жоки Мануэль, курчавый, симпатичный парень, рыбак и по совместительству электрик на фабрике, производящей, вернее, производившей рыбную муку, разводит руками: фабрика стоит, рыбы нет. То есть в море ее сколько угодно. Но ловить нечем.

— Посмотрите,— показывает он в сторону моря,— ни одного сейнера не осталось. Все угнали португальцы.

Действительно, на волнах покачиваются только маленькие, утлые лодчонки, и то их и дюжины не наберется.

— Но ничего, рыбу мы все-таки будем ловить,— говорит рыбак.— Сначала на лодках, а потом и сейнеры будут. Ведь у нас теперь здесь создан кооператив, и мы его хозяева.

До поселка Тентатива добрались в полдень. Сахарный завод дымит вовсю, словно изголодался по работе. Прежний хозяин бежал, и все специалисты бежали. А на полях зрел урожай сахарного тростника. Выручили специалисты, присланные из Кубы,— они-то умеют варить сахар. За короткий срок завод был пущен и уже полным ходом дает продукцию.

— Ангольцы работают хорошо и навыки перенимают быстро,— говорит руководитель кубинских специалистов Диас Риверо.— Через некоторое время будут работать самостоятельно.

Плантации сахарного тростника «Мартиреш ду Кашиту», ставшие сейчас государственной собственностью, занимают окрестное пространство. Рубка тростника в самом разгаре, и крошечный, как игрушка, паровозик то и дело подтаскивает к заводу длинные составы с вагонетками, заполненными толстыми сладкими стеблями. Идет сахар, идет свой ангольский сахар.

В ангольских газетах прочли потом послание президенту НРА А. Нето: «Товарищ президент, от имени трудящихся сахарной промышленности страны преподносим вам символический подарок — мешок сахара первой продукции, произведенной в условиях свободы. В связи с этим мы еще раз подтверждаем свою решимость добросовестно трудиться, отдавая все усилия для того, чтобы трудовая кампания 1976—1977 годов принесла практические плоды победы ангольского народа в борьбе за построение общества, свободного от эксплуатации».

...Из окна гостиницы в Луанде было интересно наблюдать сценки уличной жизни. Несколько школьниц, босоногих, в коротеньких платьицах уселись прямо на тротуаре и начали нехитрую игру в камешки. Потом вскочили и стайкой, вприпрыжку побежали дальше. Группа молодых ангольцев из соседнего гаража весело толкала взад и вперед по переулку красный «мерседес» с разбитыми стеклами и погнутым багажником. Гоняли долго со смехом и шутками. Открывали капот, ковырялись внутри и опять гоняли. Наконец «мерседес» взревел, завелся, и все запрыгали от радости. Машина будет двигаться, стекла вставят, багажник выправят — езжайте на здоровье.

Почему-то эта сценка особенно ярко запечатлелась в моей памяти. Может быть, из-за ее символичности?

Луанда — Москва.

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ДЖУЛИ ОТРЕШЕННЫЙ

Так Джули провел тот воскресный день, когда Бетт терпеливо ждала его в кухне миссис Кристо. Бетт рассказывала: когда жильцы собрались за столом, она пела благодарственные песнопения, и они были в восторге, что милая гостья присоединилась к их хору, и совсем забыли про Джули. Миссис Кристо разливала чай и вообще держалась так, словно Джули побежал в соседний дом по какому-то ее поручению и с минуты на минуту вернется.

— Он такой забывчивый,— огорченно сказала она, когда больше уже невозможно было делать вид, будто он вот-вот придет.— Ему просто необходим хороший друг его лет, который научит его, как себя вести. Как надо себя вести приличному молодому человеку.

— Джули всегда ведет себя прилично, миссис Кристо,— сказала Бетт.— И все его любят. Так что, пожалуйста, не беспокойтесь об этом.

— Ну да, милочка, я знаю, все его любят. Он хороший мальчик. Но последнее время я все боюсь, как бы с ним не приключилось что-нибудь ужасное. Вот чего я боюсь.

— О чем вы, миссис Кристо? Что с ним может случиться?

— Прямо не понимаю, что с ним будет. Он совсем не знает, что делать, когда кончит школу. Он такой способный, но ему не всякое дело дается. Он не хочет заниматься лишь бы чем. Оттого мне и страшно. Наверно, это все его музыка...

— Какая музыка?

— Он играет на всех этих инструментах, вот которые ему дал мистер Хики. Но я не люблю его слушать. Это ведь дурно, а Джули не понимает, вот мне и хочется, чтоб вы ему сказали.

До этой минуты Бетт не знала, что Джули увлекается музыкой и музыкальными инструментами, этого никто в городе не знал, только Билли да я.

— Джули играет? — не веря своим ушам, спросила Бетт.

— Да. Но это плохая музыка, Бетт. Он играет джазовую музыку и еще другую...

— Джули?

— Да. Только никому про это не говорите.

— Нет, конечно, не скажу.

Но Бетт никогда не замечала ничего дурного, ни о чем дурном не помышляла и оттого не могла понять, почему миссис Кристо чуть не плачет.

А та спросила, когда Бетт придет к ним помогать Джули заниматься.

— Мне надо поговорить с Джули, миссис Кристо. Я с ним самим сговорюсь.

— Так оно будет лучше,— со вздохом сказала миссис Кристо и, когда обе они встали из-за стола, обняла Бетт.— Но вы поможете ему, Бетт? Пожалуйста...

— Я спрошу его завтра.

— Возьмите для отца ломоть моего домашнего хлеба. У нас дома он всем по вкусу, особенно мистеру Мейкпису. Он хотел бы, чтоб я пекла хлеб каждый день, но я пеку только по субботам, чтоб хватало на воскресенье и понедельник,— ведь в эти дни пекарь выпекает вдвое меньше.

Миссис Кристо взяла длинный кухонный нож — Мейкпис сделал его из немецкого штыка, сохранившегося со времен первой мировой войны,— и разрезала пополам один из своих караваев.

— Это слишком много, миссис Кристо,— сказала Бетт.

Но миссис Кристо положила хлеб в полотняный мешочек, сшитый из старой простыни, и затянула тесемки.

— Мешочек можете завтра отдать Джули,— сказала она.

У ворот она уже готова была крепко обнять гостью, но вдруг как из-под земли вырос Джули и остановился перед матерью, словно запрещая ей прикасаться к Бетт.

— Господи! — испуганно и смятенно воскликнула миссис Кристо.— Как ты нас напугал, Джули.

— Здравствуй, Джули,— сказала Бетт.

И тут на беду вмешался Скребок. Он весь ощетинился, припал к земле и зарычал на Бетт.

— За что он меня не любит? — спросила она у Джули. Она шагнула было к Скребку, хотя он щерился совсем по-волчьи.

— Не трогай его,— сказал Джули.— Он тебя боится.

— Да почему?

— Не знаю. Но он боится. Так что не трогай его.

— Но я хочу с ним подружиться. Я уж все перепробовала, а он рычит и рычит на меня, я же не виновата, Джули.

Скребок все еще угрожающе ворчал, а Джули даже не пытался его утихомирить, словно не замечая, что перепуганная мать пятится по дорожке.

— Пойдемте назад в дом,— позвала она Бетт,— Джули вернулся, и вы можете с ним поговорить.

Но Джули уже уходил в сторону поленницы.

— Мне надо приготовить отцу чай, миссис Кристо, — сказала Бетт. — А с Джули мы увидимся завтра.

Миссис Кристо глянула через плечо, убедилась, что Джули не видно и, наклонясь поверх калитки, мягкими любящими руками обхватила голову Бетт, прижала к своей груди. Наконец Бетт высвободилась и по пустынным воскресным улицам почти побежала домой, озадаченная и огорченная слезами миссис Кристо, а главное — самим Джули.

Быть может, будь я более преданным другом, я бы энергичней постарался побороть внезапную и непреклонную враждебность Джули к Бетт, но наши юношеские неписаные законы не позволяли вмешиваться в подобные дела. Притом начался второй этап экзаменов, и меня больше всего занимали мои собственные затруднения, а Джули все равно всегда поступал посвоему — теперь он отказывался от нашей помощи не потому, что не желал иметь с нами дело, но скорее потому, что пропасть между его знаниями и знаниями всех остальных была слишком глубока и наши неумелые попытки перебросить мост и дать ему то, чего не сумели дать учителя, были, конечно же, обречены на неудачу. Бетт снова попыталась отворить запертую дверь, чтобы помочь, но Джули замкнулся наглухо. От нее он не желал больше принимать никакой помощи и кончилось тем, что на экзаменах по истории, математике и английскому язы-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 35—38.

ку он не написал ни слова — сидел и чертил странные вертикальные, а не горизонтальные линейки-струны и на них изображал свои музыкальные значки. Когда я кончил и подал свои листки, Джули положил свои в карман.

Все это, в сущности, не имело значения. С учением Джули покончил давным-давно, и официальное окончание было пустой формальностью, которую мы отпраздновали на свой лад: уговорили грустного, но безотказного Джули прокатиться по школьной территории в директорском «крайслере».

То была наша последняя общая с Джули забава, на этом мы надолго простились с ним, а он с нами. Он понятия не имел, как водить машину, и, когда мы завели мотор и, объяснив для чего педали и тормоз, отбежали в стороны, Джули понесся на такой скорости, что мы кинулись вслед, выкрикивая советы и наставления.

— Выключи мóтор! — помню, орал я.

Но он был уже слишком далеко. Он мчался прямо на велосипедный навес и чуть было его не разнес, но в последнюю секунду ухитрился резко свернуть, машину занесло и теперь он уже несся прямо на нас. Мы разлетелись в стороны, точно воробьи — у нас просто ноги подкашивались от испуга и от смеха. Ему не миновать бы разбиться о школьную ограду, но тут лопнула одна шина. «Крайслер» крутанулся на месте и замер, и мы, все двадцать пять человек, с восторженным воплем кинулись к машине. Мы подняли тощее, угловатое тело Джули, кое-как упрятанное в дешевую одежонку и изношенные башмаки, потащили на лужайку перед школой и там принялись любовно поливать его из шланга. Джули невозмутимо стоял под струей воды, он промок насквóзь, волосы прилипли к гладкому белому лбу, казалось, природа создала его для чего угодно, только не для отрочества, не для юности, только не для знаков нашей мальчишеской привязанности. Но он терпел их. Знал, почему мы суетимся вокруг него, знал, что это все любя, что мы всегда на свой лад дорожили им и берегли его. Только Бетт (к нам уже присоединились и девочки), глядя на это, почувствовала за него боль, и муку, и унижение.

— Какие же вы безжалостные! — горько сказала она Бобу Ньюлендзу, который все это затеял.

Боб рассмеялся:

— Джули не против.

— А машина, что скажет директор? — требовательно спросила Бетт.

Об этом стоило подумать. Но когда мы все вместе сменили шину, все вместе откатили машину на место, в угол школьного участка, все вместе решили принять вину на себя и огляделись, собираясь сказать об этом Джули, его и след простыл.

То был последний час нашего лета, нашей школьной поры, и отсутствие Джули отчасти омрачило эти минуты. Нам хотелось, чтобы он был с нами, но он исчез: как всегда, поступил по-своему. Итак, нашей давней решимости оберегать Джули от всех бед настал конец. Теперь он предоставлен самому себе, и все мы невольно задумывались, как-то он будет жить и что с ним станет.

ГЛАВА 9

Следующие два года всем нам, только еще вступающим в жизнь, дались нелегко, а запомнились плохо, и вспоминать о них сейчас всего трудней: мы так были заняты собой, что в памяти у каждого остались лишь своя боль, свое смятение и отчаяние.

В те пропащие годы я поначалу пытался

изучать право в отцовской конторе, но всякий раз, открывая свод законов, чувствовал: это не для меня. Юристом следовало бы стать не мне, а моему младшему брату Тому. Но чуть ли не целый год я держался за правоведение, потому что, как все мое поколение, чувствовал себя песчинкой, подхваченной ураганом. Иные из моих сверстников уехали в поисках работы в соседние города. Другие продолжали слоняться по улицам нашего оцепеневшего от безработицы городка. Трое из богатых семей уехали в Мельбурнский университет, а Бетт Морни и еще две девушки отправились за сто миль в Бендиго, в учительский колледж.

Что до Джули, об этих двух годах его жизни известно, пожалуй, меньше всего: если кто из нас и виделся с ним, то лишь изредка, случайно, и мы мало о нем знали. Пока мы учились в одном классе, мне легко было поддерживать нашу дружбу, но теперь, когда я уже не видел его всякий день, не осталось причин заходить к нему, сидеть с ним на деревянной колоде, заглядывать в дверцы и окошки его внутреннего мира, едва он на миг их приоткрывал и — не успеешь что-либо толком разглядеть — тут же захлопывал. И постепенно я стал отвыкать от своей близости к нему, вернее, все меньше ее ценил, и понял, насколько от него отдалился, лишь когда однажды мать спросила меня, как живет Джули.

— Совсем не могу представить его за прилавком, — сказала она, — или учеником плотника или часовщика. По правде сказать, совсем не представляю его в каком-нибудь обычном, практическом деле.

— Он работает у Джо Хислопа, — сказал я.

— У объездчика лошадей?

— Да.

— Вот бы никогда не подумала.

И не только моя мама, никто бы не подумал. Джули никогда не имел дела ни с каким зверьем, кроме Скребка, но Скребок не в счет: он был даже не пес, а морока для всего города.

— Ты ж даже не любишь лошадей, — сказал я Джули, когда встретил его у фуражной лавки Дормена Уокера. Он грузил нарезанную солому на грузовик Джона Хислопа, причем руками махал, точно ива на ветру, а ногами работал, как бамбуковыми шестами.

Джули только плечами пожал.

— Ну и что? — возразил он. — Лошадь никого не обидит.

— Как сказать, — не согласился я.

Среди необъезженных лошадей Джо Хислопа (многие с конского завода Эллисона Айра из Заречья) были и совсем бешеные, а Джули приходилось их поить, кормить и чистить, если только они его к себе подпускали. Как-то я увидел его в загоне. Он так был беспечен, настолько ничего не понимал в этих своенравных, неприрученных животных, что едва он подходил ближе, они начинали волноваться. Лошади, даже дикие, требуют от человека уважения и понимания, а Джули ходил среди них сам по себе, даже не пытаясь завязать с ними хоть подобие дружбы. Ко всему Джо Хислоп нарочно держал их впроголодь и не давал вволю пить, чтоб с помощью корма добиваться от них послушания, и потому, когда Джули, пошатываясь под тяжестью ноши, тащил по загону бачок с едой или воду, они обступали его со всех сторон и теснили. Это было опасно, и когда я видел, как норовистые кони вздергивают головы, вскидываются всем могучим телом и яростно бьют копытами, меня жуть брала.

— Поосторожней, черт возьми! — кричал я, стоя в безопасности, за колючей проволокой, которой обнесен был загон Джона Хислопа. — Держись подальше от задних ног...

Джули спокойно стоял и принюхивался.

— Знаешь, я и не думал, что есть столько разных лошадиных запахов. Все пахнет по-разному. Даже вот эта солома. Но все равно это лошадиные запахи...

У Джули это звучало очень книжно, и я подумал — как-то к нему относится Джо Хислоп? Джо был жилистый, сморщенный, кривоногий человечек, жесткий, беспощадный, в городке нашем весьма известная личность, ибо нам с детства внушили, будто таков и есть истый австралиец. Но сам я никогда не мог понять, отчего земляки так нежно относятся к «миляге Джо», любуются им, как воплощением истинно австралийского непокорного духа. Наверно, тут помогли его лошади, да и сам он лихо играл свою роль. А мне мешали обольщаться мои наклонности будущего литератора, и я видел Джо таким, каков он был на самом деле — заурядный человечек, весь как на ладони: дважды сидел в тюрьме, азартно играл на бегах, в сущности, всего-навсего отличный конюх, который и вправду знает толк в лошадях. Первый сквернослов на весь город, уже пожилым человеком он вдобавок пристрастился к выпивке и в последнее время субботними вечерами сидел в своей тележке у гостиницы «Белый лебедь» (внутрь он не заходил) и вместе с дружками тянул прямо из бутылки легкое пиво.

— Миляга Джо! — с нежностью говорили все, кто видел, как он сидит там в неизменных своих техасах, пьяный и обмякший. Бывало, он напьется уж вовсе до бесчувствия, и тогда застоявшийся старый конь сам трогает с места и везет его домой, и если Джо на полпути вдруг проснется, то непременно накинется на коня с бранью и побоями, лупит почем зря. Если же кто вмешается, поток самой забористой ругани обрушится уже на голову смельчака, но вмешаться решались немногие, так как в драке Джо не признавал никаких правил и подличал. В глазах жильцов миссис Кристо он был настоящим исчадием ада, так что я должен был бы спрашивать себя, не что Джо думает о Джули, а как относится к работе сына у Джо миссис Кристо.

— Что говорит мама о твоей работе у Джо? — спросил я.

— Она тут ни при чем. — Так Джули всегда отвечал на любой вопрос о его матери.

— Наверно, у вас в доме боятся, что он тебя совратит с пути истинного? — удивлялся я.

— Мое дело — лошади, — ответил Джули, и этим вопрос для него был исчерпан.

— Прямо не пойму, как это Джо допускает тебя к лошади, — не отставал я.

Джули молчал.

— Ну, а как вы с Джо умудряетесь столковаться? — спросил я.

Об этом можно было и не спрашивать: ведь я понимал — разговор у них может быть только односторонний. У себя в конюшне Джо был царь и бог, и, конечно, Джули он спуску не давал и ругательств на него не жалел. А Джули слушал всю эту брань и повиновался, но общего у него с Джо было еще меньше, чем с лошадьми. Доведись им повстречаться где-нибудь на улице, Джули, наверно, просто не заметил бы Джо Хислопа или не вспомнил бы, кто он такой.

Понятно, когда в городе прослышали, что Джули работает у Джо, на время это стало у нас притчей во языцех: парнишка из библейского квартала работает на самого что ни на есть закоренелого грешника. Насколько мне известно, никто не мог да и не пытался это объяснить. Но я хорошо знал уклад его дома и постепенно начал понимать, что объяснение все-таки есть. Как видно, то было еще одно сражение в давней борьбе не на жизнь, а на смерть, которую он вел и теперь, в слепой борьбе с добром и злом, которые по-прежнему спорили в душе его матери — минута за минутой, час за часом, день за днем.

Я ушел, оставив Джули наедине с бешеными тварями, которых он безуспешно пытался чистить щеткой, и все думал, долго ли еще он продержится в конюшне у Джо.

А потом я снова о нем забыл, пока однажды в четверг утром не столкнулся с Билли Хики. Я шел по главной улице и высматривал Пиларио, нашего городского итальянца-мороженщика. Пиларио продавал мороженое с ярко разукрашенной тележки, в которую был запряжен шетлендский пони, и дела у него шли так хорошо, что один коренной австралиец задумал перехватить его торговлю и для этого обвинил Пиларио в том, что, набрав порцию мороженого, он потом каждый раз облизывает ложку. Отец мой взялся защищать мороженщика и подал на австралийца в суд за клевету, отчего в городе к нам отнюдь не стали относиться лучше. Я разыскивал Пиларио, чтобы сказать ему, что нам нужны кое-какие свидетельства, и тут из лесного склада на другой стороне улицы вышел Билли и окликнул меня:

— Кит...

— Привет, Билли, — отозвался я. — Ну, как, поймал парня, который ворует у тебя доски?

— А, плевать, — ответил Билли, перешел через улицу и заговорил вполголоса:— Кит, ты хоть раз слыхал, как Джули Кристо играет на старом кларнете, который я дал ему сто лет назад?

— Раньше слыхал. А что? Ты сам, наконец, его услышал?

— Черт возьми, то-то и оно...

— Ага! Помнишь, что я тебе говорил?

— Знаю. Знаю. Но, черт подери, Кит, он, видно, чокнутый. Как это он выучился так играть?

Я засмеялся. Но Билли не находил тут ничего забавного.

— Ты просто не представляешь, что он выделывает на этой штуке, — сказал Билли.

— Еще как представляю.

— Но понимаешь, он пристал ко мне с ножом к горлу и, если я поддамся, втравит он меня в историю.

— Да почему? Что он такого натворил?

— Пока ничего. Но он хочет, чтоб я взял его в мой джаз.

— Значит, все-таки решился, — сказал я. — А я думал, он выбросил это из головы.

Но Билли был не на шутку встревожен.

— Я-то не против, — сказал он. — Но что завопят эти его одержимые — евангелисты? Мы ж играем на танцах с выпивкой, которые они всегда клянут.

— Что еще за танцы с выпивкой?

— Сам знаешь, что у нас говорят про танцы под навесом, особенно эти психи-евангелисты. Мне от них житья не будет.

— Ты про его мать?

— Нет, про этого фрукта Хоумза. Он заставит их выйти на Кемпбел-стрит с плакатами против меня, а Библейский Бен пойдет катать по всему городу на своем мотоцикле и призывать господа поразить меня насмерть.

— Нет, Билли, ничего такого они не сделают, — сказал я.

— А ты почем знаешь?

— Джули тебя в обиду не даст.

— Да разве они его послушаются?

— Они его побаиваются, — сказал я и, сказав, понял, что отчасти так оно и есть.— И огорчать не захотят.

— Ну, если он начнет с нами играть, они просто взбесятся.

— Насчет Хоумза не скажу, а все остальные ничего не станут делать против Джули. Даю голову на отсечение.

— Не желаю, чтоб они опять на нас напустились. В прошлый раз они нас с Джеком Бизли совсем со свету сжили. Все прошлое лето проходу не давали, только покажешься на улице — сразу прицепятся.

— Верю. Но во вред Джули они ничего не сделают, — стоял я на своем. — Вот бы ты и взял его, раз он хочет с вами играть.

Билли решительно прижал локти к бокам, покрепче насадил на нос очки.

— Ладно, положусь на тебя, ты их знаешь лучше моего, — сказал он. И, отходя, пробормотал: — А все-таки хотел бы я знать, как это он ухитрился. — Потом вернулся и сказал почти шепотом: — И знаешь, Кит, он играет все как-то совсем по-другому, чем мы. Уж очень чуднó играет. Понимаешь, про что я?

Я понимал. Понимал, чтó «чудно» в игре Джули на кларнете. Джули тут же на ходу перестраивал всю музыку. Но объяснить это Билли я не сумел бы, потому и не пытался, да и вообще он уже шагал своей дорогой.

И опять я забыл про Джули, ведь в ту пору я неистово ссорился с отцом: я уже ненавидел всякую минуту, потраченную под

его нажимом на поиски сокровища, которое, по его словам, погребено где-то в дебрях нашего английского свода законов и общего права.

— Ничего я тут хорошего не вижу, — с горечью неосторожно сказал я однажды. — По-моему, это просто груда старого хлама... чудовищная путаница, разве на такой основе можно строить правосудие?

Зря я это сказал: в ответ отец битый час сурово просвещал меня, объяснял, какую исключительную роль сыграло английское право в истинном, точном определении виновности и невиновности, справедливости и несправедливости.

— А меня все эти бумажные горы научили только одному,— сердито сказал я.— В жизни все невиновны до тех пор, пока не окажутся виноваты. Вот и все, что я из них пока почерпнул.

У отца лопнуло терпение и, не боясь, что его услышат на улице, он закричал:

— Я толкую о нравственной основе права, а не о том, каким способом оценивать каждого отдельного человека.

Спор наш продолжался многие дни и недели, и все мои мысли были об одном: ни за что не стану адвокатом! А снова задумался я о том, в какой переплет попал Джули (когда о его игре узнал весь город) во время праздничного шествия, которое устраивали раз в год в помощь нашей больнице. Местная наша газета насмешливо называла его Mardi gras [1]. Но от настоящей масленицы с шествием ряженых нас отделяли века, континенты и разница культур. У нас это была всего-навсего добропорядочная процессия — ехали грузовики и открытые повозки, разукрашенные пестрыми щитами, которые на все лады восхваляли наши мастерские, маслобойки, шерсть, пшеницу, изюм, гаражи, апельсиновый джем и лимонную шипучку, сельскохозяйственные машины, автомобильные агентства; в этот поток вливалось все и вся: разукрашенные велосипеды, ряженые, шотландские дудочники, местная реклама, бывали и религиозные действа.

В этом году в процессии участвовали три платформы, которые взбаламутили души горожан. На первой платформе катили псалмопевцы-евангелисты, в том числе мисс Майл и мистер Мейкпис, а прицеплена она была к мотоциклу Библейского Бена, сплошь разукрашенному призывами спасти души своя. На второй платформе высмеивали евангелистов: там стояла жестяная лохань, а вокруг нее — трое городских гуляк, игроков и пьяниц. Они завернулись в белые простыни и в этой помятой, видавшей виды лохани «крестили» городского героя Джо Хислопа. Третья платформа чуть приотстала. На ней ехали «Веселые парни» Билли Хики, и она-то всех и ошарашила: среди музыкантов оказался Джули.

Даже я был ошеломлен. А для прочих горожан, которые ничего знать не знали о пристрастии Джули к музыке, это было сногсшибательным, развеселым, невероятным поводом для насмешек, еще невероятней, чем его работа у Джо Хислопа.

— Черт возьми! Да ведь это Джули! Старик Джули играет в богом проклятом джазе! — воскликнул один из сыновей Мэтью.

— Мамочка, мамочка, мамочка, мамочка! Где твоя дорогая мамочка, Джули?

— А Хоумз-то, Джули! Вот погоди, задаст он тебе жару, дитятко!

Джули сидел невозмутимый, словно его все это не касалось. Его осмеивали, дразнили, поздравляли, над ним потешались всю дорогу до ипподрома, где решалось, какая повозка лучше всех. Я пожалел Билли, он явно растерялся под этим градом насмешек — он смотрел не в небеса, куда обычно устремлял взор, играя на кларнете, а неуверенно шарил глазами по толпе. Игру Джули, казалось, никто не замечал. Я и сам ее не заметил, да и как тут было что-нибудь расслышать среди общего галдежа. Но настоящая заваруха началась на ипподроме, где все три платформы — евангелистская, пародийная, снаряженная Джо Хислопом, и джазовая были поставлены треугольником в ожидании решения жюри. Евангелисты продолжали распевать псалмы, Джо Хислопа всё окунали в корыто, а «Веселые парни» по-прежнему наяривали вовсю.

— Без драчки не обойдется, — сказал мой брат Том.

Теперь здесь толпились человек сто в ожидании, к чему приведет опасное соседство трех платформ.

— Джули еще не видел те две платформы, — сказал я Тому.

— Хорошо бы и вовсе не увидел, — сказал наш рассудительный Том. — Он не выносит, когда потешаются над его верой.

Но я понимал Джули лучше.

— Вот смотри! — крикнул мне на ухо Том среди оглушительного джаза и радостных песнопений.

Джули перестал играть и встал. Бросил кларнет на платформу (он всегда небрежно обращался с музыкальными инструментами) и спрыгнул наземь. Свист и смех смолкли: все явно ждали, что будет дальше. Джули взобрался на грузовик Джо Хислопа, и, хотя злые насмешники в белых простынях попытались обратить его появление в шутку, они, видно, еще не понимали, чего от него ждать.

— Давай, Джули, действуй! — выкрикнул кто-то.

Нам не было слышно, что они там кричали друг другу на платформе, но Джули вдруг наклонился над лоханью, ухватил Джо Хислопа за поседевшие пятнами волосы и рванул, да так, что чуть не на фут приподнял его над лоханью. Клок волос остался у Джули в кулаке, а Джо отчаянно завопил от боли и злости, вопль этот не могли заглушить ни джаз, ни песнопения.

— Молодчага, Джули! — вместе с другими орал Том.

На платформе все пришли в смятение, но вот Джо наконец выбрался из корыта. Он вцепился в Джули, которого уже держали его дружки, и мигом сбросил с платформы.

Я думал, Джули тотчас полезет назад. Кое-кто из зрителей подбивал его на это и подзадоривал. Но у Джули вид был такой, словно он свое дело сделал. Он повернулся и, никого не замечая вокруг, пошел сквозь толпу прочь с ипподрома, а его одобрительно хлопали по спине и весело смеялись.

— Я так и знал, что он им этого не спустит, — сказал Том.

— Ничего ты не смыслишь! — крикнул я среди шума и гама.

— То есть как?

То есть Джули возмутился не потому, что насмехались над его верой, а потому, что в это впутался Джо Хислоп. Джули не желал ничьей поддержки, в особенности же поддержки вот такого Джо. Он не желал, чтобы в никому не ведомую, тайную, его одного касающуюся войну вступил и испакостил ее своим грубым шутовством Джо Хислоп.

— Они вмешались! — крикнул я Тому.— Оттого он и налетел на них.

— Во что вмешались?

— Да какая разница?

— Ну, с этой бражки как с гуся вода,— сказал Том.

На своей платформе евангелисты продолжали распевать псалмы, «Веселые парни» знай наяривали на своих инструментах, дружки Джо все кривлялись, изображая обряд крещения, а толпа по-прежнему изощрялась в непристойных шуточках, порой очень даже забавных.

Но напряжение уже спало. Главным событием дня был Джули: он дал горожанам новый повод посмеяться, посудачить и почувствовать себя оскорбленными в лучших чувствах. Теперь что бы Джули ни сделал, его судили, исходя из его забавного, греховного, постыдного, потешного, шумного отступничества, и, хотя только я один знал, чем оно на самом деле вызвано, у меня не было надежды унять поднятую этим днем волну и зыбь, которые в конечном счете очень ему повредили.

Перевела с английского
Р. ОБЛОНСКАЯ.

Продолжение следует.

[1] Mardi gras (франц.) — последний день масленицы: в некоторых городах карнавал.

Прощанье с летом

Вадим САБИНИН

●

Костры на берегу,
сентябрь,
прощанье с летом.
За всем, что было, следом
иду и берегу.
Над этим память шефствует —
глаза ее остры.
Как факельное шествие,
костры, костры, костры.
Ночь на воде.
Все спят
на яхте, как сурки,
и с головы до пят
укутались в мешки.
Чуть бьет волна, куражится,
весь мир слегка качается.
И снится мне и кажется,
что лето не кончается.
Но за ночь, лето смыв,
хозяйкой станет осень.
И сразу новый смысл
придаст молчанью сосен.

●

Полустанок Ревельский —
Уголок укромный.
Крохотные рельсики,
Лес огромный.
Здесь болота, как обман,
Заблудился — не ори.
Здесь такая глухомань.
Здесь такие глухари.
Из-под ног тетерева
Рвутся.
Бей.
Востро бы ухо.
Нервы, словно тетива
У нацеленного лука.
Только тетерев к зиме
Опытный, стреляный.
Здесь бы домик заиметь,
Спрятаться за елями.
На охоту походить,
Из ружья поцелиться.
Что бы ни было,
Поди,
Все потом оценится.

●

Неуверенным карандашом
Ряд холмов вдали очерчен.
Ветер стих.
Унялся шторм.
Вечер.
День почти исчерпан.
Кое-где, дырявя склон,
На холмах огни возникли,
И, как в исполинском тигле,
Море замерло стеклом.

●

Я уехал, уехал,
не случилось иначе.
Пожелай мне успеха,
пожелай мне удачи.
Трудных дней пожелай —
не умру, не заною.
Чтоб надежда жила
и скиталась со мною.
И, как высшую милость —
чтобы ты позабылась.

У толстых в Пирогове

Л. Н. Толстой и Мария Михайловна.

Один из лучших снимков Марии Львовны.

В этот дом не раз приезжал писатель «пожить над ключом».

Пирогово, расположенное неподалеку от Тулы, в 35 верстах от Ясной Поляны, было связано для Льва Николаевича Толстого с самыми дорогими ему людьми. Имение купил его отец в 1837 году. Позднее, по семейному разделу, бо́льшая часть его (Большое Пирогово) досталась брату писателя Сергею Николаевичу, а меньшая — (Малое Пирогово) — сестре Марии Николаевне, которая после ухода в монастырь в конце 1890-х годов продала принадлежавшую ей усадьбу дочери писателя, своей племяннице Марии Львовне Оболенской. Теперь, бывая в Пирогове, Толстой почти всегда останавливался у дочери в небольшом кирпичном домике под зеленой крышей. Парк Малого Пирогова напоминал лес. Совсем рядом протекала речка Упа (приток Оки), а под усадьбой был сильно бьющий родник. Этот замечательный ключ Толстой увидел когда-то в юности. Он посоветовал тогда посадить здесь деревья и разбить аллеи, а потом с удовольствием приезжал «пожить над ключом» в тишине и уединении, которых ему не хватало в Ясной Поляне.

Поездка в Пирогово в августе 1906 года, во время которой сняты публикуемые нами фотографии, была для Льва Николаевича особенно приятной. После года разлуки ненадолго из Англии приехал его друг Владимир Григорьевич Чертков. Он жил в Ясной Поляне и сопровождал Толстого в Пирогово, где в это время находилась приехавшая из монастыря Мария Николаевна. Живя у дочери, Толстой каждый день ходил или ездил верхом за три версты в Большое Пирогово проведать вдову брата[1] и племянниц. Стояла ясная, теплая погода. Крестьяне косили гречиху, сеяли рожь, в садах убирали яблоки. И кто мог знать тогда, что несколько счастливых дней, проведенных Львом Николаевичем среди близких ему людей, окажутся его прощанием с Пироговом?.. Через три месяца не стало Марии Львовны — главного, что связывало его с этим имением.

В конце октября В. Г. Чертков прислал из Англии целую пачку фотоснимков. «Вчера вечером все разбирали и рассматривали фотографии,— пишет ему Софья Андреевна Толстая,— и, пожалуй, что больше всех радовался сам Лев Николаевич. Особенно привела его в восторг группа, в которой он стоит поодаль от других лиц с Марией Михайловной в Пирогове».

Брат писателя Сергей Николаевич в молодости очень увлекался «цыганизмом» и даже женился на цыганке. Мария Михайловна, рожденная Шишкина, была настоящей полевой цыганкой, певицей из тульского хора. Лев Николаевич тепло относился к ней и не раз говорил: «Мария Михайловна — мудрая». Фотография Толстого с Марией Михайловной снята одновременно с группой, о которой упоминает Софья Андреевна в письме к Черткову.

Ценность этих снимков не только в том, что они связаны с последним пребыванием Толстого в Пирогове и малоизвестны. Фотографии Черткова — наиболее удачные изображения Пирогова, которые мы вообще знаем. Снимков же Л. Н. Толстого в Пирогове всего четыре.

Среди присланных Чертковым фотографий были и снятые им тогда же в Ясной Поляне, в том числе публикуемый нами снимок Марии Львовны — один из лучших ее портретов... Мария Львовна умерла 27 ноября от крупозного воспаления легких в возрасте 35 лет. «Живу и часто вспоминаю последние минуты Маши...— пишет Толстой месяц спустя в дневнике.— Она сидит, обложенная подушками, я держу ее худую милую руку и чувствую, как уходит жизнь, как она уходит. Эти четверть часа — одно из самых важных, значительных времен в моей жизни».

Дочь Маша была для него самым духовно близким в семье человеком и как никто умела давать отцу ласку и тепло, так необходимые ему в старости. В одном из писем к Марии Львовне Толстой как бы определил суть и итог ее жизни: «На мои глаза, ты жила хорошо... с любовью к людям, давая им радость, первому мне».

Однажды, вскоре после смерти Марии Львовны, кто-то в разговоре упомянул о ее последних фотографиях, снятых Чертковым. «Какие хорошие!» — сказал Лев Николаевич и прибавил со слезами на глазах, что не мог долго смотреть — отложил»,— вспоминает Д. П. Маковицкий.

Мария Львовна была простой, скромной, естественной — такой, какой она вышла на фотографии Черткова. В серьезном, задумчивом взгляде светлых глаз, во всем ее облике видна цельная, чистая, глубокая натура.

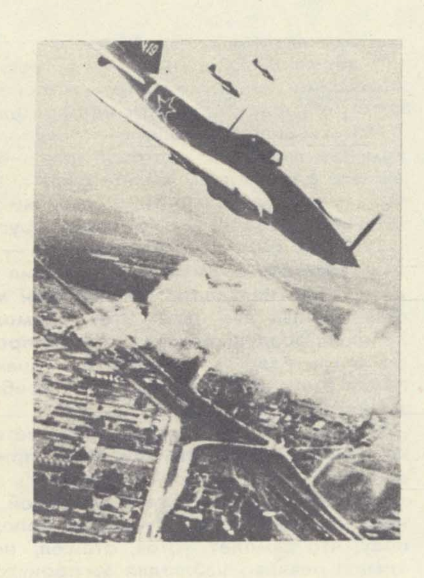
И от этого портрета и от других фотографий: пироговских далей с церковью, домика Марии Львовны, окруженного березами, двух «старичков», трогательно держащихся за руки,— веет той светлой грустью, какую оставляет по себе все прекрасное, уходя в прошлое...

Снимки Черткова запечатлели то, что было очень дорого Толстому: русскую природу и теплоту человеческих отношений. Они дают возможность ощутить полную поэтической прелести атмосферу места, связанного с жизнью писателя на протяжении долгих лет, в окрестностях которого он в юности не раз охотился, а позднее гулял, заходил в деревни и разговаривал с крестьянами, вникая в их нужды и заботы. Пироговскими впечатлениями овеяны страницы его книг. Здесь однажды он увидел и тот знаменитый репейник, который подтолкнул его к созданию одного из самых прекрасных произведений — повести «Хаджи Мурат».

О. ЕРШОВА,
научный сотрудник
Государственного музея
Л. Н. Толстого.

[1] Сергей Николаевич Толстой умер в 1904 году.

ТОГДА, В 42-М...

Михаил ОДИНЦОВ, дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации

Митрохин все же решился на пробу новой тактики. Однако после вынужденной посадки, а может быть, и оттого, что пришлось пережить в последнем вылете, спина болела — радикулит донимал по-настоящему. Поэтому не он, а комиссар повел утром в бой оставшуюся в полку сборную эскадрилью. Выруливая для взлета, Мельник с грустью осмотрел пустой аэродром, вспомнил Киев и Днепр сорок первого, последний вылет Прокотова, смерть Чумакова, прощание при развернутом полковом знамени с последними экипажами, убывающими в другой полк.

Воспоминания и сравнение прошлого с настоящим испортили ему настроение — желание лететь пропало. Но он переборол себя и, пока пилоты устанавливали за ним свои машины для взлета, немного успокоился, рассудив, что теперь с ним идут опытные бойцы, поэтому больше шансов вернуться с победой. Сегодня все новое: высота полета, боевой порядок, способ атаки и маневрирование. А главное — это неожиданно для противника.

В воздухе волнение улеглось, не относящиеся к полету посторонние мысли ушли, и Мельник уловил в себе обычный деловой ритм. С ним были сейчас истребители, которые зигзагами ходили над ИЛами. Это еще больше укрепило уверенность в благополучном исходе полета.

Мельнику все было пока непривычным: триста метров, на которых он вел группу, представлялись ему большой высотой. Казалось, его сейчас видят за добрую сотню километров. Два мнения боролись в нем: лучше или хуже? Впереди появились дымы линии фронта, и комиссар перевел группу в набор высоты.

В наушниках шлемофона послышался щелчок (кто-то включил передатчик), а за ним и голос командира истребителей:

— Вы что, низом не пойдете?

Мельник ответил:

— Нет. Работать будем с пикирования. Если обстановка позволит, сделаем два захода.

— Ладно. Вам и нам будет лучше. А то у земли уже все животы ободрали.

На тысячу метров ниже самолетов осталась линия фронта. Огня с земли не было. Наверное, немцы не разобрались, чьи машины над ними, или посчитали, что нет необходимости стрелять, раз их не бьют. Земля спокойно плыла навстречу, а хорошая видимость позволила Мельнику еще издали узнать определенную ему для штурмовки дорогу. В десяти километрах от линии фронта она была сплошь занята войсками, которые шли на восток тремя колоннами.

Комиссар перестроил самолетный клин в пеленг и приготовился к атаке. Но немцы опередили его, поставив между ним и собою стену заградительного огня. Пикировать было рано, и Мельник повел самолеты выше разрывов. До начала атаки еще оставалось несколько секунд. Осмотрелся. В воздухе были только свои, а четверка ЛаГГов — сзади и выше его летчиков. Он остался доволен обстановкой и вновь бросил взгляд вниз. Теперь уже никакой огонь с земли не мог заставить его свернуть с курса. Мельник нажал кнопку передатчика, выждал, пока лампы прогреются.

— Атака по дороге, прицеливание самостоятельное. Второй заход правым разворотом.

Комиссар ввел самолет в пикирование и про себя отметил, что времени на прицеливание из такого положения уйма, все видно, особенно зенитные пушки. Нажал для острастки раза два на пулеметные гашетки и сбросил бомбы. Снижаться дальше было нельзя — бомбы с мгновенным взрывателем, и он вывел машину из пикирования. Посмотрел через правое плечо назад: ИЛы, косо перечеркнув небо и горизонт, углом шли к земле, зенитного огня не было видно. Когда последний из них сбросил бомбы, Мельник дал мотору полные обороты и полез вверх. Пока самолет набирал высоту, он перевел взгляд в левую форточку, но ничего не увидел: крыло и кабина закрыли почти все небо. С этой стороны он и его летчики были слепыми.

— «Маленькие», смотрите слева по развороту, а то нам тут ничего не видно.

— Смотрим. Давай потарапливайся, «худые» появились.

— Далеко?

— Если покруче разворот, успеете.

Мельник посмотрел вправо, но ИЛов не увидел. Взглянул в заднее бронестекло — они шли у него в хвосте, чтобы не отстать, да так и ему и им было лучше маневрировать. Вновь в прицеле дорога, но теперь на ней дым и огонь от сброшенных бомб.

— Атака и уход змейкой. «Маленькие», прикройте замыкающих.

— Давай, давай. Смотрим.

Пошли в ход РСы, пушки, пулеметы. А потом началась вертушка, именуемая змейкой. Он был спокоен за летчиков, знал, что опытные пилоты не оставят без защиты впереди идущего. ИЛы ниже, ЛаГГи чуть выше и замыкают их кордебалет. «Мессершмитты» еще выше и ныряют по очереди то на одного, то на другого. Наблюдая за боем и руководя им, Мельник понял, что немецкие летчики боятся попасть кому-нибудь в прицел и поэтому ведут огонь с больших дистанций и углов пикирования, а это уже выигрыш.

...Наконец выбрались на свою территорию: Ме-109 отстали, а ЛаГГи «закричали», что нет горючего, и сразу пропали — ушли на посадку.

На душе у Мельника был праздник. Удар по колонне получился, и воздушный бой сегодня тоже выиграли — все возвращаются назад. Пусть и мы ни одного не сбили, но перед нами стояла другая задача. А раз так, то это уже победа.

Ему было жарко. Комиссар откатил назад боковой фонарь, поставил его на стопор. В кабине забурлил свежий воздух, стало легче дышать. Оглянулся на товарищей — пилоты сделали то же и отдыхали. Он решил промолчать, тем более, что первым нарушителем оказался сам. Немного отдышался, захлопнул фонарь и посмотрел назад — самолеты шли с закрытыми фонарями.

Улыбнулся весело:

— Молодцы, спасибо!

Радость успеха не могло омрачить и ранение Ловкачева в голову. Действительно, сегодня всем сопутствовала удача. Рослый летчик сидел в кабине высоко, и осколки снарядов от задней наклонной бронеплиты бензобака рикошетом пошли в щель фонаря и попали в кабину. Мельник радовался: жилистый парень! Надо же такому быть — располосовало голову в двух местах, а он не упал и не жаловался.

Спросил:

— Как же ты вытерпел?

— А что делать? Жить захочешь — вытерпишь, может, и больше.

— Ну-ну. Я очень рад. Спасибо за терпение. А теперь давай на перевязку.

После доклада и разбора, когда остались втроем с командиром и начальником штаба, Мельник в раздумье спросил Митрохина:

— Как докладывать о новой тактике будем?

— А чего о ней докладывать? Из пушек, пулеметов и эрэсов по земле можно по-другому как-то прицельно стрелять, кроме пикирования или планирования? Нет, нельзя. Надо идти носом вниз, а хвостом держаться за небо. Но ведь для этого нужно сначала набрать высоту. А где ее набирать, в приказах и боевом уставе не сказано.

И командир засмеялся, довольный своей изворотливостью, юмором, возвращением Ловкачева и тем, что сегодня первый вылет получился как нельзя лучше.

Для Осипова и еще трех летчиков отдых оказался коротким. Нужно было снова идти в бой. Цель — та же колонна. Матвей понимал, что теперь их туда так просто не пропустят. Поэтому, получив задание, он спросил у Русанова:

— Как вы думаете, что сейчас лучше? Поставить бомбы на замедление и бросать с бреющего или повторить с пикирования?

— Я думаю, мелкого огня там очень много. Давай сверху, только повнимательней, чтобы истребители раньше времени не поймали.

— Постараюсь.

...Линия фронта за эти несколько дней почти вплотную приблизилась к аэродрому, и полет

Окончание. См. «Огонек» №№ 37, 38.

на задание стал занимать всего двадцать минут времени. Двадцать минут, если удастся проскочить зенитные завесы и фейерверки, а потом обмануть немецких истребителей.

Матвей шел к самолету с тревожным чувством. Его машина с чертовой дюжиной на фюзеляже в последнем вылете была побита и теперь стояла на ремонте. Лететь же на чужой явно не хотелось. Он прятал от других тревогу, но сам себя спросил: «Что это — привычка или суеверие?» Усмехнулся и решил ответа на «или» пока не давать. Беспокоил и малый состав группы: две пары. Что ими можно сделать? Ни воздушного боя толком провести, ни по земле ударить с чувством. Однако силы в полку были на исходе, а земля требовала помощи. Надо лететь.

Петров оказался уже на самолете Русанова, который выделили Матвею,— пришел проводить в полет. В полку сложилась традиция, что летчика всегда провожает в бой свой техник. Поэтому техник Русанова, доложив Осипову, что самолет готов, отошел, но, стоя у крыла, ревниво наблюдал за происходящим в кабине, чтобы оказать помощь, если в том появится необходимость...

— Командир, ремнями поплотней притянись. Застегни нагрудный ремень — что мы, зря его делали?— сказал Петров.

— Давай твой ремень, чем черт не шутит.

— Черт не черт, а в случае чего лоб о прицел не разобьешь. Ну все, давай запуск...

Осипов пришел на аэродром к истребителям неожиданно,— иначе их поведение объяснить было нельзя. Четверка штурмовиков выполнила уже три круга над ними, но никто на сопровождение не взлетел. Наконец в наушниках послышалось:

— Хватит ходить, давай ложись на курс. С тобой пойдет пара.

— Хорошо, тогда поехали. Цель старая.

Посмотрел на аэродром: две пыльные ниточки, тянувшиеся по земле, оборвались, а на их конце, как две иголки, заблестели зеленью остроносые истребители.

— «Маленький», твой позывной?

— Сто пятнадцатый и сто двадцатый.

— А мой семьсот десятый.

— Ладно. Как пойдем: верхом, низом?

— Бомбы без замедления.

— Понял...

Линия фронта. Она вновь сдвинулась на восток и теперь своим острием перерезала железную дорогу, идущую из Волчанска на Купянск. Горели хаты и скирды старой соломы, горели машины, а местами и сама земля. Дым сносило к югу разноцветными хвостами, которые вдали от огня растрепывались ветром вширь, становились прозрачными, и сквозь них было видно, что делается внизу. К фронту тянулись вдоль дорог пыльные шлейфы.

Матвей, осмотревшись вокруг и убедившись, что в воздухе врага близко нет, добавил скорости и пошел наискось через пылящие дороги, выбирая, где больше войск. На глаза попала речушка с двумя рядом лежащими мостиками. Западный берег был запружен войсками, которые подходили быстрее, чем переправлялись.

Немцы увидели самолеты и открыли заградительный огонь, пытаясь сбить их с курса.

Матвей положил группу в змейку, а сам лихорадочно думал, что ему делать. Неплохо бы ударить по мостам, но ведь если не попадешь, бомбы уйдут впустую. Нет, лучше по войскам, тут промаха не будет.

— Приготовились. Бомбы серией на войска.

Проскочил еще один огненный частокол и пошел в пикирование. Бросил быстрый взгляд назад — ИЛы висели рядом, опустив свои железные носы к земле.

И снова глазами в прицел: машины и танки быстро росли в размерах. Наконец угол прицеливания и высота сброса совпали.

— Приготовились! Бомбы!

Вышел из атаки. Дал мотору полную нагрузку — и боевым разворотом вверх, чтобы ударить по фашистам еще раз.

— Семьсот десятый, закругляй. Я тебе помочь уже не могу. Со мной четыре «шмитта».

— Не вижу. Теперь уже надо доделать атаку.

— Подо мной еще четыре на тебя пошли.

Матвей посмотрел, но «мессеров» не увидел. Если немцы не ждут от них новой атаки и построят свой маневр на их уход, то он успеет без помех выполнить вторую атаку.

Передал:

— Давай покруче, залпом все эрэсы, а потом к земле и змейка парами.— Снова посмотрел назад — не видно сверху. Подумал: «Плохо, если они сзади и под нами. Побьют на пикировании или на выходе из него».

Впереди показалась дорога, и штурмовики пошли вниз. Прицеливаясь, Осипов отметил про себя, что огня с земли нет, значит, «мессершмитты» рядом. Но сделать что-либо по-другому было уже нельзя, теперь все решали секунды. Переставил прицел на стрельбу и дал залп из всех видов оружия: взвизгнув, словно огненный бич, ушли РСы, зарычали пулеметы, загрохотали пушки. Самолет от их работы дрожал. Начал вывод из атаки, и в это время чем-то гулко ударило сзади. Смотреть было некогда. Резкое движение ногами — и машину вынесло юзом из очереди в сторону.

— Ниже к земле! Я пошел верхом направо! — Он положил самолет в разворот и оглянулся. Вторая пара цела, а он один. Еще круче разворот. Напарника нет, а на хвосте четыре «мессера»: двое за ним и двое за ведомыми. Вторые оказались перед ним боком, но прицелиться Матвей не успел. Дал длинную очередь. Немцы дрогнули и вышли из атаки. Теперь быстрее влево. Но сзади опять хлестануло железом. Отметил машинально: «Пока жив». И снова наискось Осипову неслись два штурмовика и пара «мессеров» за ними. Он почти в лоб открыл огонь. Немцы отвернули. А теперь в обратную сторону! Не разворот, а дикость! Руль поворота ногой до отказа — и самолет каким-то немыслимым пируэтом занес хвост в сторону и помчался в новом направлении, а очередь врага — мимо. Еще раз вышел в лобовую. Поймал-таки одного «109-го» с большим упреждением в прицел и с остервенением нажал на все гашетки. «Мессершмитт» неуклюже дернулся, а потом перевернулся брюхом вверх, точно оглушенная рыба. Сзади тянулось пламя.

Осипов засмотрелся и сразу был наказан: в ИЛ впились огненные струи. Самолет затрясло и потащило вверх. Матвей отдал ручку от себя — никакого эффекта. Тогда он убрал обороты, и самолет стал выравниваться. И тут только понял, что управление перебито. А ИЛ уже шел к земле. Осипов сунул сектор газа вперед. Мотор взвыл, и нос начал подниматься. Еще одна очередь сзади. Земля совсем рядом. Дал мотору форсаж, и «илюха» послушался: в лобовом фонаре кабины показался горизонт. Подсознательно отметил, что до земли метра два-три, и выключил мотор. Теперь уже будь что будет. Матвей бросил ручку управления — она сейчас не нужна. Уперся руками в головку прицела и приборную доску. Потянулись длинные-длинные секунды. ИЛ вновь начал опускать нос и пошел к земле. Глаза Осипова закрылись помимо его воли. Удар он уже услышал потом, когда понял, что на земле и жив. Привязные ремни лопнули от резкого торможения, и он полетел куда-то вперед. Кругом темно, полный рот и нос пыли, а над ним жужжат приборы. «Если вверх колесами и горю, то каюк... Не паникуй! Дыма и огня вроде бы нет...» Наконец Матвей разобрался, что он не перевернулся, только в кабине полно пыли и земли да фонарь весь забросан землей и травой. Он расстегнул парашютные лямки, сунул летную карту за голенище сапога, вытащил из кобуры пистолет и прислушался: вокруг стреляли. Решил фонарь не открывать, а вылезать в форточку — так будет незаметней, если за ним следят. Раз стреляют, значит, где-то рядом свои. Осипов высунул голову — никого не видно. Вывалился из кабины на то, что осталось от крыла, потом сполз под мотор. Полежал, слушая бой, и понял, что оказался на ничьей земле. А раз так, то скоро им заинтересуются и свои и фашисты. Надо уходить, но куда? Наверное, туда, куда направлен нос самолета. Там должен быть восток, так свои. Полз и думал: «Лишь бы шальной пулей не убили или на минное поле не попасть. Теперь у меня с трех сторон враги: впереди, сзади и снизу. Если выползу, еще повоюю...»

И тут услышал:

— Давай, летчик, давай! Только не торопись. Сейчас мы тебя прикроем.

Над головой застучал «максим», а потом левее, редкими очередями, как отбойный молоток, заработал «дегтярев».

Матвей приподнял голову, бросил взгляд вперед и метрах в пятидесяти увидел бруствер окопа. Это была уже жизнь. Глаза защемило от пыли, а горло сдавило так, что стало трудно дышать...

Светлану будто током ударило известие: «Матвей не прилетел!» Бессмысленно смотрела она на Шубова, который продолжал говорить, но слов его не было слышно.

Борис же, увидев, как розовое лицо девушки заливает бледность, а широко открытые глаза смотрят куда-то мимо него, понял, что она сейчас его не слышит, и растерянно замолчал. Он стоял перед Светланой и не знал, что ему делать: уйти, побыть с ней, говорить о возможном возвращении Матвея или просто молчать.

Неловко переступив с ноги на ногу, Борис пожалел, что сказал о Матвее, и мысленно выругал себя за прямой ответ на ее вопрос. Только теперь, увидев, как огромные глаза наполняются слезами, он понял жестокость своего ответа. Шубову стало стыдно перед девушкой, как будто бы его уличили сейчас в чем-то нехорошем. И он понял: это нехорошее есть то, что он просмотрел отношения Светланы и Матвея, не увидел глубины их чувства. Светлана стояла вполоборота. На неподвижном лице не было выражения страдания, но слезы, заполнившие ее глаза, капля за каплей скатывались по щекам, оставляя мокрые дорожки.

Борис молча пододвинул стул, не говоря ни слова, взял Светлану за плечи и так же молча посадил. Потом принес воды, которую она безропотно выпила.

— Светлана, вы раньше времени не волнуйтесь. Еще, может, все обойдется.

— Не надо, Боря... Я пойду...

— Я провожу вас.

— Нет, нет. Я одна.

Светлана шла, как старушка, не поднимая и не сгибая ног. Борис, решив все же проводить, вернее, присмотреть за ней, шел в отдалении, стараясь в темноте не потерять ее из вида. И теперь, оставшись наедине с собой, он поражался своей житейской близорукости. Он вспомнил, как однажды обратился к девушке с шуткой или комплиментом. Она ответила ему, а он в ее словах, кроме игры слов, ничего больше не увидел.

Она поразила его привлекательностью и ярко проявившейся на лице радостью, и он тогда шутливо обратился к ней:

— Светланочка, здравствуй! У меня такое впечатление, что внутри у тебя солнышко светит.

А она шутливо ответила:

— Светит, потому что я Света,— и счастливо засмеялась.

Оказывается, то был свет любви, свет радости жизни. И вот теперь он оглушил ее горем. Гибель Матвея тяжко ранила ее, а он, балда, нанес ей своей бездумностью еще одну рану.

...«Надо подумать...» Но в голове у Светланы была тяжелая пустота, которая вытеснила мысли, оставив лишь какие-то обрывки их.

Калитка. Крыльцо. Двери. Свет от лампы в глаза. Мама у стола. Добрый и самый родной с детства человек. Светлана подошла и молча опустилась на пол. Она обхватила мамины ноги и положила голову на колени. И тут девушку обожгла боль непоправимой утраты. Из груди вырвался сдавленный крик:

— Ма-мо! Ой, лихо мне!

И женщина, мать солдата, жена солдата, испугалась.

— Доча? Что случилось, родная? — прошептала она.— Микола? Тату?..

Она пыталась справиться с волнением, но голос дрожал.

— Говори скорее, что случилось? А то сердце разорвется.

— Матвей не вернулся... Улетел и не прилетел.

Сначала она обрадовалась: не то, не то! А потом: «Что ты, сумасшедшая баба? Дочь плачет, парубка убили, а тебе радость?..»

И сказала вслух:

— Света, может, он живой? Может, только самолет? Ведь приходили другие пешком, при-

«НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА». 1970.

Илья Глазунов. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

«БЕЛЫЕ НОЧИ». 1970.

Илья Глазунов. ВАНЯ. ПОРТРЕТ СЫНА. 1976.

езжали машиной, кто в госпиталь попадал. Сама же говорила.

Мать положила руки дочке на голову и стала гладить, перебирать волосы. «Пусть поплачет, облегчит душу. Парубок был хороший — добрый да скромный, даже не верилось, что он на войне и летает. Ох, дочка, дочка. Полюбила ты на свое несчастье, не жена, а овдовела».

Светлана приумолкла. От матери шло тепло и спокойствие, тихая уверенность и надежда. Руки были легкими, нежными и такими домашними. И показалось ей, что она вновь маленькая, что нет никакой войны и сейчас мама будет рассказывать сказку или говорить о том, что она сегодня делала и что еще осталось сделать.

Так и сидели, не меняя позы. Мать боялась испугать наступившее успокоение. Не торопясь перебирала волосы, разделяя их на прядки, передвигала от одной ладони к другой. Ее руки сейчас жили самостоятельной жизнью, а в голове текли привычные мысли: где же Миколка, что с мужем? Живы ли? Так давно нет писем...

Она глубоко вздохнула. Светлана подняла с колен голову и посмотрела в глаза матери.

— Доченька, вставай, родная, а то снизу холодом тянет.

— Ничего, мама, не холодно... Как же теперь?..

— Не торопи судьбу. Надейся. Я, что ни день, одно думаю и надеюсь. Мне еще твоя бабушка говорила: не каждый, кто с войны не пришел, мертвый...

•

Матвей хотел остаться на передовой, чтобы взять парашют из самолета. Попал он в окопы к обстрелянным, знающим войну людям, которые не боялись смерти, но и не искали ее. Комбат Ахмед Юсупов воевал с первого дня и уже выработал свои правила поведения.

— Знаешь, летчик, ты наш гость, и желание гостя — закон. Но у нас дела пехотные, а тебе надо в небе летать. Башка цела, кости тоже, живи тьму лет, поэтому давай на вторую позицию и там передохни.

— Да я лучше с вами вместе здесь до вечера повоюю. А стемнеет — сползаю к самолету.

— Нет, мы и сами справимся. За помощь спасибо, но оставаться тебе нельзя. Зацепит шальной осколок или пулька — мы себе не простим тогда. Нет, давай на отдых.

Матвею пришлось подчиниться обстоятельствам. Капитан и летчик на прощание обнялись и по-братски расцеловались.

Вскоре Осипов вместе с сопровождающим оказался на командном пункте командира полка, где его поздравили со вторым днем рождения. Пехотные командиры руководили боем, и Матвей в одиночестве выпил из солдатской кружки водку, закусил салом, хлебом и луком, запил теплой водой. Расторопный начальник штаба подготовил справку с полковой печатью, в которой говорилось, что они наблюдали воздушный бой и видели, как Осипов сбил немецкий истребитель. Однако просьба Матвея разрешить ему остаться с ними до вечера, чтобы попытаться спасти парашют, ни к чему не привела. Командир полка был неумолим:

— Эх, летчик, что теперь значит твой парашют, когда кругом все горит, люди гибнут тысячами, а добра пропадает на миллионы! Никого я за парашютом к самолету, вернее, к тому, что от него осталось, не пущу. Жертв и так хватает... Давай маршируй к себе на аэродром да бей немцев сверху покрепче.

Матвей вынужден был согласиться с этой житейской и солдатской мудростью и несколько успокоился.

— Хорошо, командир. Спасибо за гостеприимство. А если все же парашют будет у красноармейцев в руках, так смотрите на него, как на подарок. Шелку там много, пригодится.

— Вот это другой разговор!

...Вечерело. Небо успокоилось: самолетов не видно и не слышно. Заглохли за спиной и артиллерийские громы — линия фронта осталась далеко позади. Ежедневное недосыпание, дорожная сутолока, пережитое волнение и выпитая на передовой водка сделали свое дело: страшно хотелось спать. Матвей решил немного передохнуть. В стороне от дороги он набрел на остатки прошлогодней копны соломы, сгреб ее и соорудил постель. Потом лег на спину, увидел над головой темнеющее небо и подумал: «Отдохну немного и по холодку пойду дальше...»

Он проснулся уже под утро. Хотел встать, но от сильной боли вскрикнул удивленно и остался лежать. Болело все: ноги, руки, спина. Матвей с трудом приподнялся и сел.

«Что же случилось? Вроде бы и не замерз...» Он вспомнил вчерашний день и мгновение перед приземлением. Именно это мгновение, потому что самого удара он не ощутил, не помнил, наверное, от огромного нервного напряжения — ведь в тот миг решался вопрос жизни и смерти.

«Вот в чем дело! — понял Матвей.— Здорово стукнулся — лопнули все привязные ремни. А теперь вот напоминание, почему ты жив. Спасибо техникам за нагрудный ремень, а то бы...»

Став на ноги, он отряхнулся, немного размялся и заковылял к ожившей по-утреннему дороге. Ступни, колени и мышцы ног, принявших через педали управления удар на себя, пронизывала острая боль. Кое-как добрел он до перекрестка, где был контрольный пост дорожной комендатуры, и рассказал старшине, в чем дело.

Через полчаса Матвей сидел в кузове полуторки вместе с ранеными. Машина быстро катила по пыльной дороге. Скоро должна была показаться речка Оскол, а за ней и аэродром полка. Откуда-то с востока донесся отдаленный гром, и Матвей удивленно осмотрел ясное небо. Кто-то из раненых сказал:

— Опять где-то бомбят. Вот, сволочи, сыплют. Хоть бы наши им давали сдачи побольше да почаще.

— Даем сколько можем,— ответил Матвей,— только не всегда получается, как надо и где надо.

Настроение у Осипова улучшилось, как у всякого путника, который после долгих дорожных мытарств предчувствует конец пути. Навстречу поднималось солнце, и Матвей, закрыв глаза, подставил ему лицо. Сквозь шум работающего мотора и погромыхивание кузова он услышал гул немецких самолетов. Еще не видя их, Матвей определил, что самолетов много. Машина остановилась.

«Юнкерсы» летели метрах в пятистах от земли, а над ними ходили парами «мессершмитты». Потом к низкому прерывистому гулу бомбардировщиков прибавился высокий и звонкий рев моторов И-16[1]. Четыре истребителя, прижимаясь к земле, шли наперерез «юнкерсам»— лобастые, коротенькие. Вот они догнали строй немцев и враз пошли вверх, показав свои зеленые спинки, коротенькие закругленные крылья и скошенные под лепесток ромашки хвосты. Матвей услышал выстрелы авиационных пушек, рычание скорострельных пулеметов «ШКАС» и ответное дробное, волнообразное выстукивание очередей немецких пулеметов.

Наши истребители снизу вверх проскочили строй последней семерки «юнкерсов» и, накренившись на правое крыло, опрокинулись на спину, блеснув на солнце синью фюзеляжа и крыла. «Мессершмитты», как испуганная стая воробьев, разлетелись в разные стороны, а потом, разобравшись в обстановке, бросились вниз.

Матвей, сжав зубы и кулаки, наблюдал за боем. В голове была только одна мысль: успеют или не успеют немцы выйти на дистанцию огня до того, как И-16 атакуют «юнкерсов»? Осипов понял замысел командира наших истребителей — его тактика основывалась на внезапности. Он будет вести оборонительный бой, но только после удара по головной группе. «Ишачки» открыли огонь раньше, чем «мессершмитты», и, закончив атаку, нырнули под бомбардировщики. Немцы за ними. Матвей стучал рукой по борту кузова и твердил: «Разворот, разворот вправо, разворот круче!»

И его словно бы услышали. Юркие коротышки круто легли в разворот, но враги все же успели дотянуться до них своим огнем. Рокот пушек еще не закончился, а один И-16, вспыхнув оранжевым пламенем, кинулся вверх. Дыхание у Матвея остановилось: «Убит или сам тянет?» Самолетик все больше и больше задирал нос кверху и закручивался на правое крыло, а за ним хищно устремилась пара «мессеров». Наконец, И-16 лег на спину, и из него выпал черный комочек. Долгие секунды ожидания — и вот на солнце блеснул белый шлейф шелка, а потом раскрылся парашют. Только теперь Матвей выдохнул, смог видеть и слышать остальное. Тройка И-16 в сумасшедшем вираже носилась друг за другом, выше их шестерка «мессеров» ходила парами и выбирала удобный момент для удара. Там, где наши истребители впервые атаковали, поднимался к небу столб черного дыма — горел упавший «юнкерс». Правее, отстав от головной группы, шел над самой землей дымящийся немецкий бомбардировщик — было видно, что домой ему уже не дотянуть. Горящий И-16 врезался в землю, летчик на парашюте приземлился, а девять самолетов продолжали свою двухъярусную карусель. Изредка параллельность вращения нарушалась, немцы пикировали на нашу тройку. И тогда один или сразу два коротеньких торопыги устремлялись своими моторами вверх на пикирующих, которые тотчас прекращали атаку и снова взмывали вверх.

— Ну что, летчик, выкрутятся твои хлопцы? — спросил раненый.

— Если горючее есть, то все будет нормально. Немцы должны раньше уйти. Они же с задания.

Вскоре «мессершмитты» перестроились клиноподобной шестеркой и исчезли в голубом мареве неба.

«Ишачки» сбавили обороты моторов — звук их понизился, ослабел, успокоенно сделали круг над районом боя, снизились над местом приземления своего товарища и ушли на восток.

А на дороге был всеобщий праздник. И хотя до летчика, приземлившегося на парашюте, было не менее трех километров, многие устремились туда. Матвей был бы рад броситься вслед, но машина тронулась, и он не стал прыгать — не смог бы, ноги очень болели.

Через час машина спускалась с холмов правого берега Оскола. Под кручей дорога упиралась в понтонный мост через реку, берега которой буйно заросли ракитником и кустами. За ней — старицы, луг, утопающие в зелени садов белые хаты и красная школа, их общежитие. А дальше виднелись две железнодорожные станции и между ними аэродром, на котором стояли самолеты.

Но тут радость сменилась тревогой: южная станция подозрительно дымилась и постройки около нее выглядели как-то необычно. Осипов понял, что станцию недавно бомбили, и сразу же уловил связь между последними событиями: далеким громом среди ясного неба, двумя группами «юнкерсов», идущими с востока, воздушным боем. Шофер не торопясь вел полуторку вниз. Берега Оскола как бы поднимались вверх, закрывая окружающее, и Матвей не успел увидеть домик, в котором жил самый дорогой для него человек.

Неизвестность волновала все больше. Хотелось бежать туда, где среди зелени вишен и яблонь стояла хата Светланы. Однако нужно было сначала явиться в штаб, доложить командиру полка о своем последнем вылете. Ему еще предстояло рассказать о потере ведомого летчика. Вдруг его обвинят в этом? И чем ближе был аэродром, тем тревожнее становилось на сердце. Чувство вины за неудачу в последнем вылете заслонило радость возвращения. Матвей задумался и не заметил, как машина подошла к шлагбауму, перекрывающему въезд на аэродром.

Осипова в полку никто не ругал. Его появление было для всех приятной неожиданностью — ведь по докладу пришедших домой летчиков он уже «приказал долго жить».

Когда Матвея отпустили на отдых, комиссар полка, потирая руки, радостно заявил:

— Конечно, теперь мне могут и не поверить, но я был убежден, что он вернется. Я техника расспрашивал, как Осипов готовился к полету. Петров рассказал все, а потом говорит: «Товарищ комиссар, командир так привязался, что он из ремней ни в коем разе не выскочит». Вот я и ждал его.

— А почему же молчал?

— Такие события торопить нельзя. Пусть теперь он про эти ремни, которые ему жизнь спасли, и расскажет всем летчикам...

Выйдя от командира, Осипов попал в руки к Ведрову. Полковой врач с пристрастием осмотрел и ощупал его. Не найдя ничего, кроме

[1] И-16 — одноместный истребитель Поликарпова.

растяжений и ушибов, он решил потуже перебинтовать ступни ног и отправить летчика в госпиталь. Но Матвей уговорил Ефима Ивановича оставить его в части, чтобы иметь возможность встречаться со Светой и оставшимися в живых товарищами.

Однако в школе было пусто. Матвеем овладело тревожное желание немедленно увидеть Светлану, и он заковылял по знакомой улице. Остро пахло пожарищем, едким, дерущим горло дымом сгоревшей взрывчатки и еще чем-то зловонным.

Повернув за угол, Осипов остановился пораженный и растерянный. Крупные бомбы сделали свое дело: от улицы остались поваленные деревья, дымящиеся обломки, горы вывороченной земли, а подальше — закопченная станция с темными, обгоревшими вагонами, между которыми сновали люди... Надо было идти. И он пошел.

Когда Осипов остановился на рыхлой земле, окаймлявшей воронку, он вспомнил, что есть еще погреб. Вход в него оказался заваленным свежей землей и опаленными обломками саманного кирпича — остатками стен хатенки. Матвей спустился по ступенькам вниз, но никаких признаков жилья в погребе не нашел. Он вылез наверх и решил поискать кого-нибудь из соседей. Осмотрелся и только теперь увидел в конце разбитой бомбами улочки группу людей. Женщины, мужчины и ребятишки разбирали завалившуюся хату, но Светы и ее матери среди них не было.

Железнодорожник — видимо, старший команды — пошел навстречу.

— Здравствуйте. Кого командир ищет?

— Людей вон из той хаты.

— А кто вы им будете?

— Хороший знакомый.

— Плохи твои дела, товарищ летчик: нету их совсем. Бомба прямо в дом угодила.

— Может, ушли куда?

— Нет, мы проверяли. Все, что можно было сделать, уже сделали. Помощников тут...

Выяснять подробности не имело смысла. Матвей повернул обратно. Едва передвигая ноги, он шел по земле, опаленной взрывами и обагренной кровью ни в чем не повинных людей, с горечью смотрел на воронки-могилы, на развалины и видел вокруг кладбищенские кресты.

Прилетели две вороны, и их появление больно резануло по сердцу — почуяли смерть! Осипов взял палку, бросил в них. Птицы поднялись и бесшумно перелетели на другое место. Тогда он вытащил пистолет. Вороны, видимо, уже знакомые с этим предметом, поднялись и полетели к станции.

В это время из воронки послышалось какое-то бормотание. Матвей подошел ближе и увидел на дне женщину в светлом, испачканном сажей и землей, порванном по подолу платье. Она перебирала скатывающиеся к ней сверху комочки земли и непрерывно, быстро говорила: «Детки, где вы? Идите скорей ко мне. Детки, где вы? Идите скорей ко мне...» Матвею стало трудно дышать. Бессильный помочь чем-нибудь этой раздавленной горем женщине, он пошел дальше, и ноги вновь привели его к тому месту, где земля была разворочена самой страшной для него воронкой. Обессиленный, Матвей сел, и тишина окружила его со всех сторон... Он не помнил, о чем думал и думал ли вообще — время текло мимо него. Может быть, приходили люди, но он их не видел, а они все понимали и не мешали ему.

Потом он услышал звук работающего мотора, погромыхивание и дребезжание кузова. За поворотом показалась видавшая виды санитарная машина. Шофер остановился. Подошел Ведров.

— А я тебя ищу...

Положил руку на плечо. Потом достал папиросы и молча дал закурить.

— Кругом теперь столько горя. Ты потерял и знаешь — где. А я даже и не знаю...

— Ефим Иванович, как же так? Почему?..

— Мы с тобой солдаты... Надо ехать. Смотри, уже день к вечеру покатился...

Эта короткая летняя ночь показалась Осипову неимоверно длинной. Перед открытыми глазами белел потолок, и он видел на нем Светлану, сидящую на берегу, и яркую луну за ней. Огромные девичьи глаза стали надвигаться и оказались рядом с его лицом. Матвею почудилось дыхание Светланы, а потом он явственно почувствовал на щеке ожог поцелуя и услышал слова: «Я буду ждать тебя всегда». Он шевельнулся, и видение пропало...

Прошли долгие или короткие бездумные минуты, и Матвей увидел черные руины улицы, землю в воронках и узнал среди них самую страшную. «Не воронка, а могила. Как у летчика: вместо холмика земли — кратер от упавшего самолета». Матвей прикрыл глаза рукой. «Она ждала меня. А я не мог прийти к ней на встречу. Я должен отомстить фашистам за нее, за всех, кого уже нет в живых, и за тех, которые еще погибнут. Мстить, пока ни одного оккупанта не останется на нашей земле...»

Начало светать. Матвей больше не мог лежать. Он встал и, стараясь не шуметь, вышел на улицу. Школьное крыльцо напомнило о Светлане, и ему захотелось еще раз побывать на улице горя, чтобы запомнить ее навсегда. Все еще спало. Но вот тишину нарушили петухи. Их звонкое кукареканье в предрассветных сумерках утверждало и пробуждало жизнь.

Он подошел к знакомому повороту — запахло гарью. Дальше все было мертво. Тихо, как на кладбище.

Матвей опустился на колени, взял горсть земли и высыпал в воронку. Она тонкой струйкой побежала по скату, несколько крупинок ее докатилось до самого дна, а потом все опять успокоилось.

«Светланочка-цветочек, ты не умерла, ты на всю жизнь со мной... Прими мою клятву: я буду мстить сколько хватит сил... Прости, но мне пора...»

Русанов закончил подготовку группы к боевому вылету.

— Товарищи летчики. Вы видите, что аэродромы врага вплотную придвинуты к полю боя — он готовится и дальше наступать. В приказе Народного комиссара обороны сказано: «Ни шагу назад!» Так вот, мы должны сделать все, чтобы помочь пехоте выстоять.

...Осипов в этот раз шел ведомым у Маслова. Страха, сомнения и напряженности не было, хотя такое иногда и случается в первом вылете после того, что с ним произошло. Он желал одного: быстрее увидеть и бить врага.

Показалась линия фронта, и в наушниках Осипов услышал голос Маслова:

— Матвей, смотри не зарывайся. Одним вылетом всего не сделаешь. Держись пошире.

Осипов качнул самолет с крыла на крыло и отошел немного в сторону, чтобы можно было свободнее маневрировать и прицеливаться. Немцы не обратили внимания на высоко идущие самолеты — пропустили их в тыл без сопротивления. Тыл сегодня исчислялся пятнадцатью километрами, а там — немецкий аэродром. Он увидел его издали — пыль и самолеты на голой степи — и обрадовался, потому что искать другую цель было не нужно.

Передняя четверка повернулась на левую окраину аэродрома и ринулась вниз. Только теперь с земли увидели ИЛы, и по небу сумасшедше заметались эрликоновские красноватые трассы. Поздно. Уже ничего нельзя было изменить: Маслов повел свою четверку в пикирование. Матвей в прицеле увидел землю и на ней близко стоящие друг к другу самолеты с прямоугольным крылом, Ю-87. Поймал в прицел одного «лапотника», пустил два реактивных снаряда, но услышал команду:

— Прекратить! Только бомбы!

Матвей со злостью выругался, перевел взгляд на машину командира. В это время от нее отделилась первая черная капля — «сотка». Перехватив ручку управления самолетом в левую руку, Осипов правой что было силы рванул рычаг аварийного сброса — бомбы ушли на врага залпом. «Получайте, гады! Это только начало!»

Новый заход.

Матвей ничего не видел, кроме «юнкерсов» на аэродроме. Молния ненависти рвалась из пушек и била по земле, где сейчас в страхе ползли, разбегались и падали грязно-зеленые фигурки людей — смертельных врагов его Родины.

— Матвей, выводи!

Осипов опомнился и вывел машину из пикирования. Быстро крутанул головой: все восемь на месте, а выше — свои ЛаГГи. «Это вам не сорок первый!» — обрадованно подумал он.

Сейчас, в этот миг, Матвей был счастлив. Да, в своем горе, которое суждено ему пронести через всю жизнь, он был счастлив.

Литературная обработка
Е. ОЛЕЙНИКА.

ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Писатель Виктор Астафьев однажды сравнил память со старательским лотком: то, что остается в ней навсегда, и есть золотые крупицы истинного, нетленного и вечного.

Более чем тридцать лет спустя после Великой Отечественной Яков Цветов обращается к теме войны. Долгие десятилетия вынашивал он в себе пережитое. Что-то отсеивалось, не выдержав испытания временем, но память продолжала тревожить невыполненным долгом перед теми, кто, подарив нам будущее, ушел навсегда.

Писатель не воскрешает события, участником которых ему довелось быть: они для него не умирали. Вслед за своими героями он входит в прошлое как в реальность и ведет читателя за собой в четком перекрестье взгляда «сегодня» и ощущения «тогда». Незримые, но прочные нити связывают современность с далекими событиями начала войны, создавая особую атмосферу и исторической и человеческой достоверности изображаемого.

Роман «Синие берега» не повторение пройденного. И не только потому, что оборона Киева летом и осенью сорок первого года, о которой повествует автор, еще мало исследованная художниками страница войны, но и потому, что описываемое в романе оплачено самой фронтовой судьбой писателя и равносильно для него, изложенное на бумаге, пережитому дважды.

Роман не претендует на эпический охват событий, цель художника — показать мужание советских людей в горниле войны, постижение ими науки ненависти к врагу, без чего победа над фашизмом была бы невозможна.

Стрелковой роте, которой командует лейтенант Андрей, дан приказ прикрыть отход наших войск на левый берег Днепра. Самоотверженно выполняют солдаты опаснейшее задание. Перед нами в озарении подвига проходит картина сражения. Мы вместе с писателем в некоем замедлении переживаем то, что в те моменты протекало в молниеносной стремительности. Вот мгновенно и длительно, не веря в свершающееся с ним, как-то удивленно умирает Рыбальский... Вот по-крестьянски просто, подавляя в себе то, что было сильнее его,— желание жить, принимает смерть Тимофеев.

Всего шестнадцать бойцов осталось в роте после первого боя. И они начинают тяжкий путь к своим, «к синим берегам» (синим цветом в штабных картах отмечалось расположение наших войск).

По дороге к ним присоединяются два красноармейца — пожилой Данила и девятнадцатилетний Сашко — и девушка Мария.

Она единственная из всех остается живой...

Сурово описывает Цветов кровавые будни войны. Порой хочется даже просить пощады у этой суровости, упрекнуть автора в некотором натурализме, в жесткой решимости все досказать до конца, расставить все точки над i, от чего страдает художественная ткань романа. Ощущается это в целом ряде эпизодов и, например, в эпилоге, где несколько прямолинейно утверждается глубоко верная мысль, которая пронизывает и скрепляет воедино все произведение: прошлое отцов принадлежит детям. Эстафету они принимают как наказ, как ответственность за все, что есть и будет на земле.

Лиана ПОЛУХИНА

Яков Цветов. Синие берега. Роман. Журнал «Москва» №№ 2—4, 1976.

СЕМЕРО СМЕЛЫХ

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

В этом обзоре двух крупнейших турниров мы не будем рассказывать о тех, кто хотел попасть в тройку (все хотели), кто мог попасть (таких было много), кто обязан был попасть (как, например, Л. Любоевич и Б. Спасский), кто заранее объявил, что попадет, и не попал (как, например, У. Браун). Не будем мы растравлять раны тех, кому не хватило пол-очка, чтобы попасть в заветную тройку (Р. Бирн, В. Смыслов, Р. Хюбнер, В. Цешковский). Подумайте только: пол-очка! Но что делать? Таков суровый закон отборочного турнира. Обидно? Да, очень обидно. Но ради справедливости надо отметить, что в шахматном турнире пол-очка вовсе не мелочь, а целая партия.

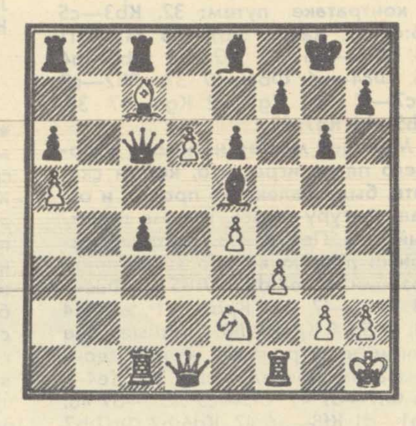
В этой статье рассказывается лишь о тех, кто, отлично выступив в межзональных турнирах, попал или почти попал в турнир претендентов (пока еще не ясно, чем закончится матч-турнир Т. Петросян — Л. Портиш — М. Таль).

Анализируя результаты двух межзональных турниров, в которых участвовали шахматисты разных континентов, приятно отметить, что в Европе по-прежнему отлично играют в шахматы: лишь один неевропеец — Энрико Мекинг — будет играть в турнире претендентов. Бразильский гроссмейстер заранее объявил, что попадет в тройку, и свое слово сдержал. Ему удалось повторить свой успех 1973 года в межзональном турнире в Петрополисе и подтвердить высокий класс.

Участники турнира в Маниле дают Мекингу хорошую характеристику: как шахматист он за три года явно вырос, и с ним надо серьезно считаться. Как человек, Мекинг стал солиднее, менее экспансивен. И все же нельзя сказать, что Мекинг полностью вылечился от шахматного звонарства. Он на весь мир заявляет, что доберется до Карпова.

Приводим окончание партии победителя турнира в Маниле с чемпионом США У. Брауном.

Э. Мекинг

У. Браун
Ход черных

Мекинг жертвует качество путем: 24. ...Лс8:с7 25. d6:c7 Фс6:с7 26. Фd1—c2 Ла8—с8 27. f3—f4 Се5—d6 28. Фс2—с3 Се8—b5 29. е4—е5 Cd6—с5 30. Ке2—g3 Cb5—c6 31. Лf1—е1...

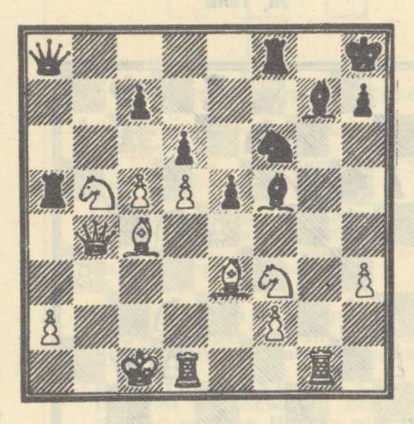
(После 31. Ф:с4 Cb5 Браун теряет качество, но в этом случае он не проиграл бы партию, закончив ее, вероятнее всего, вничью.) 31...Фс7—b7 32. Фс3—с2 Сс5—b4 33. Ле1—е2 Сс6—d5 34. Kg3—е4 Cd5:e4 35. Фс2:е4 Фb7—d5 36. Фе4—с2 Лс8—d8 37. h2—h3 Фd5—с5, и Браун, у которого позиция хуже, но не безнадежна, просрочил время. Чемпион США — один из крупнейших цейтнотчиков нашего времени.

* * *

Из нашего квартета в Маниле, к сожалению, лишь Л. Полугаевскому удалось войти в тройку. Он превосходно провел весь турнир и, так же, как Мекинг, проиграл только одну партию в выигранной позиции, зевнув Горту ладью. Московский гроссмейстер играл в Маниле, по-моему, интереснее и содержательнее всех остальных. Полугаевский уже много лет показывает высокие результаты, отличную, стабильную форму, и никого не удивило, что мы его снова увидели среди претендентов.

В Маниле он сыграл с хозяином поля — Э. Торре — одну из самых головоломных партий последних лет. Приводим окончание:

Э. Торре

Л. Полугаевский
Ход белых

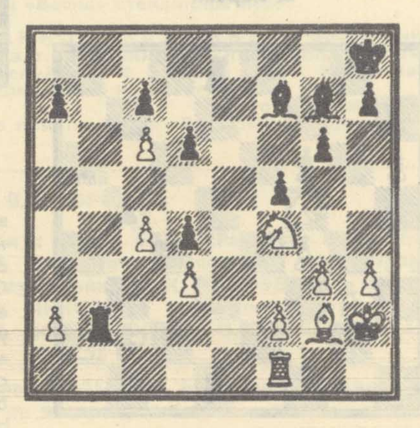
Ради атаки молодой филиппинец пожертвовал фигуру. Следующим ходом Полугаевский отдает качество. Удар следует за ударом, и вы смотрите эту партию, как напряженнейший детективный фильм.

21. Лg1:g7 Kpg8:g7 22. Kf3—h4 Cf5—e4 23. c5:d6 Ла5:а2. (Если до сих пор Торре атаковал темпераментно, то теперь он атакует яростно.) 24. Cc4:a2 Фа8:а2 25. Kb5—a3 c7:d6 26. Лd1—g1 + Kpg7—h8 27. Фb4:d6 Лf8—c8+ 28. Kpc1—d1 Фа2—а1+ 29. Kpd1—e2 Фа1—b2+ 30. Ce3—d2 Kf6:d5. (Какие надо иметь крепкие нервы, чтобы пойти на позицию, в которой результат висит на волоске. Во время и после партии кое-кто в Маниле считал, что Торре якобы путем 30...Cd3+ даже мог выиграть, ибо в случае 31. Кр:d3 Фd4+ 32. Кре2 Ке4 белым действительно плохо. Однако и в случае 30...Cd3+ был найден изумительный путь к выигрышу белых вот каким образом: 30...Cd3+ 31. Kpf3 Ke4 32. Фе7 К:d2+ 33. Kpg2 Ke4 34. Kc2!! Лg8+ 35. Kph2 Л:g1 36. Фf8+ Лg8 37. Kg6+ hg 38. Фh6 мат. Полугаевский рассказал, что эффектный ход 34. Kc2!! был найден Любоевичем.) 31. Лg1—g4 Kd5—f4+ 32. Kpe2—e3 Kf4—d5+ 33. Kpe3:e4 Фb2—d4+ 34. Kpe4—f3 Лс8—с3+ 35. Cd2:c3 Фd4—d3+ 36. Kpf3—g2 Kd5—f4+ 37. Лg4:f4 Фd3:d6. (Итак, Торре «выиграл» ферзя, но по дороге Полугаевский забрал у филиппинца слишком много дерева. Торре уже нечем играть.) 38. Kh4—f3 Фd6:a3 39. Cc3:e5+ Kph8—g8 40. Лf4—g4+ Kpg8—f7 41. Лg4—g7+ Kpf7—e6 42. Лg7:h7, и Торре сдался. В этой напряженнейшей партии Полугаевский продемонстрировал крепкие нервы и ...хороший аппетит.

* * *

В. Горт уже хорошо играл в шахматы, когда ходил в коротких штанишках в чехословацком городе Кладно. В течение нескольких лет он показывал первоклассные, но не такие высокие результаты, чтобы ворваться в турнир претендентов. Впечатление было такое, что Горт даже и не хочет этого. Его всегда устраивает третье место. Как-то его спросили: «Властимил, почему вы не показываете большой спортивной злости?» Добродушный гроссмейстер ответил: «Зачем? Я ведь чемпионом мира не буду». Похоже на то, что Горт изменил свои планы. В Маниле мы увидели совершенно нового Горта. Обычно миролюбивый гроссмейстер, теперь он страстно боролся и одержал наибольшее количество побед — девять! Так Горт показал, что в Чехословакии есть выдающийся гроссмейстер — участник турнира претендентов. На следующем примере вы увидите образец высокой техники Горта.

У. Браун

В. Горт
Ход белых

У черных слабость на с7. Но как ее использовать? Использовать слабость пункта в лагере противника — это большое искусство. Последовало: 22. Cg2—d5 g6—g5. (Вынуждено, ибо коня белых на d5 никак нельзя пускать. Надежда Брауна — разноцветные слоны.)

23. Kf4—e6 Cf7:e6 24. Cd5:e6 Cg7—e5 25. Ce6:f5 Лb2:a2 26. Cf5—e4 a7—a5 27. Kph2—g2 a5—a4 28. Лf1—b1 d6—d5. (Браун по-хорошему отдает пешку, чтобы его слон получил поле d6.) 29. Ce4:d5 Kph8—g7 30. Лb1—b8 a4—a3 31. Лb8—g8+ Kpg7—f6 32. Лg8—e8! Лa2—e2 33. Лe8—e6+ Kpf6—g7 34. c4—c5! Лe2—c2. (Черные попали в своеобразный цугцванг. Ладейный эндшпиль для них после 34... a2 35. C:a2 безнадежен. Ход в тексте тоже не помогает.) 35. Лe6:e5 Лc2:c5 36. Лe5: g5+ Kpg7—f6 37. f2—f4 a3—a2 38. Cd5:a2 Лc5—c2+ 39. Kpg2—f3, и черные сдались.

* * *

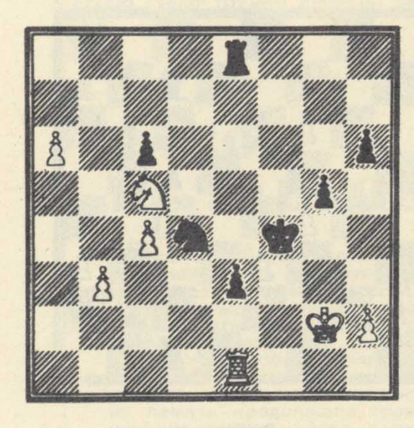
Манильская тройка моложе швейцарской. Э. Мекинг в карповском возрасте: ему 24 года, В. Горту — 32, Л. Полугаевскому — 42. Но к теории возраста мы еще вернемся, когда речь пойдет о турнире в Биле.

Бильский турнир протекал более напряженно, драматично, чем манильский. До последней минуты вариантов было много, и, как известно, вопрос решится лишь в добавочное время во встречах Петросян — Портиш — Таль.

Бент Ларсен — старый турнирный волк. От него можно ожидать всего; он способен на срыв, но чаще на блестящие достижения. В Биле Ларсен оказался в отличной спортивной и физической форме. Мы видели Ларсена на протяжении многих туров лидером, затем после нескольких поражений он скисал и снова поднимался. Еще много лет тому назад мы назвали датчанина «Ванькой-встанькой», и таким он остался. Как ни в чем не бывало он в последнем туре с Хюбнером добился того, чего раньше не умел делать по заказу: сыграл вничью. Эта ничья и позволила Ларсену первым порвать финишную ленту, занять первое место.

У Ларсена есть в творческом отношении несколько хороших партий. Приводим окончание его партии с Я. Смейкалом из предпоследнего тура. В этот напряженный и в какой-то степени критический для Ларсена момент он показал огромную выдержку.

Б. Ларсен

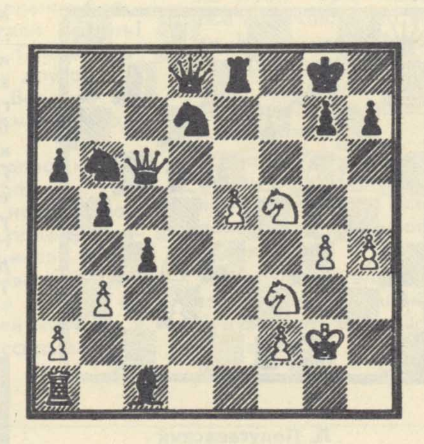
Я. Смейкал
Ход белых

В этой позиции играющий «на флажке» Смейкал сделал свой последний, контрольный, 40-й ход. В практике часто именно этот ход оказывается роковым, поскольку шахматист больше, чем на доску, смотрит на шахматные часы. Смейкал сыграл 40. a6—a7. (Пешка скоро погибнет. Лучше было 40. Kd3+ или 40. Лf1+.) 40... e3—e2. (Контроль кончился, и чехословацкий гроссмейстер продумал 37 минут над записанным ходом, затем часами искал спасение, анализируя отложенную партию, но спасения не нашел. Вот что наделал его плохой ход 40. a7.) 41. Kpg2—f2 Лe8—a8 42. b3—b4 Лa8:a7 43. b4—b5 c6:b5 44. c4:b5 Лa7—c7 45. Лe1—c1 Лc7—f7 46. b5—b6 Kpf4—g4+ 47. Kpf2—g2 Kd4—c2 (Грозит мат. Смейкал старался, старался, но все напрасно.) 48. h2—h3+ Kpg4—h4 49. Kc5—d3 Kc2—e3+ 50. Kpg2—h2 h6—h5 51. b6—b7 (Ларсен грозил путем 51...g4 заматовать короля белых. Другой защиты не видно, поэтому Смейкал вынужден отдать свою гордость — проходную пешку. Теперь окончательно все ясно: белым надо сдаваться.) 51... Лf7:b7 52. Kd3—e1 g5—g4 53. h3:g4 h5:g4 54. Лc1—c3 Лb7—e7 55. Лc3—a3 g4—g3+ 56. Kph2—g1 Kph4—h3 57. Лa3—a8 Ke3—g2 58. Лa8—h8+ Kg2—h4 59. Лh8—f8 Лe7—e5, и белые сдались.

* * *

Изучая партии турнира в Биле, приходишь к выводу, что, по-видимому, некоторые гроссмейстеры играли солиднее, прочнее, капитальнее, чем Михаил Таль. Но никто не станет отрицать, что рижский гроссмейстер играл смелее, интереснее, изобретательнее. Талю аплодировали. А как же иначе! Ведь энергичные атаки Таля против Бирна и Хюбнера и особенно эффектный финал во встрече с Портишем хоть кого могли привести в восторг. Посмотрите и судите сами.

М. Таль

Л. Портиш
Ход белых

В позиции на диаграмме каждый взял бы слона на c1. Каждый, но не Таль! У него свой стиль: он любит больше отдавать, чем брать. Экс-чемпион сыграл 32. e5—e6! Kd7—b8? (Портиш хочет удержать лишний материал и удивительно быстро погибает в огне сокрушительной атаки. Правильно было 32... Фf6.) 33. Фc6—b7 Cc1—b2 34. Фb7—f7+ Kpg8—h8 35. Лa1—d1 Фd8—c8 36. Kf3—g5 Cb2—f6 37. Kf5—h6!..

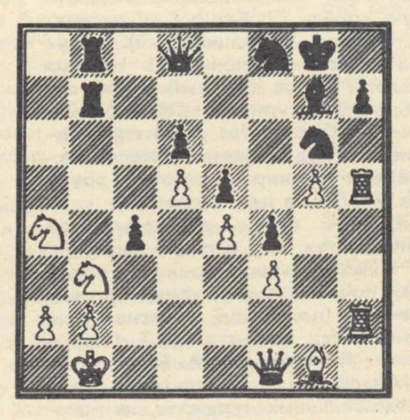
Изумительный заключительный ход! На созданном Талем полотне возник старинный классический мотив — спертый мат. После 38. Фg8+ Л:g8 39. Kf7 мат. От этой угрозы нет защиты, ибо на 37...Лe7 следует 38. Ф:e7. Поэтому Портиш, продумав всего четыре минуты, сдался.

* * *

Железный Тигран Петросян уже около четверти века действует на межзональном, претендентском и чемпионском уровне. Петросян хорошо знает, что требуется от участника таких серьезных турниров. В Биле для выполнения плана требовалось выиграть пять партий. По такому графику и действовал экс-чемпион мира. Но неожиданно взбунтовался один из аутсайдеров турнира — О. Кастро, нарушив расписание Петросяна. Что делать? Неудачу надо компенсировать. Как? Взять потерянное очко у Ларсена и Хюбнера, с которыми у Петросяна, возможно, и были запланированы ничьи. Как известно, богатые не очень любят отдавать бедным, но Петросян их заставил отдать.

Приводим окончание встречи экс-чемпиона мира с И. Диасом.

И. Диас

Т. Петросян
Ход белых

Диас, как известно, занял последнее место и, может быть, для Петросяна не был бы слишком серьезным партнером, играйся партия в первом туре. Но она игралась в последнем. Диасу терять было нечего, а Петросян мог потерять все. В такой ситуации преимущество скорее бывает на стороне слабого. А вообще-то Диас не такой уж и слабый. Петросян должен был учесть и то, что именно Диас в предпоследнем туре отнял ценнейшие пол-очка у Смыслова. Одним словом, в напряженной обстановке последнего тура решили прежде всего нервы. По характеру позиции на диаграмме видно, что Диас настроен вовсе не миролюбиво. Он был не прочь после Смыслова обидеть и другого экс-чемпиона мира. Диас ради атаки пожертвовал пешку, а своим последним ходом 31...c4 отдавал и вторую. И в этот острый момент Петросян перешел к контратаке путем: 32. Kb3—c5 d6:c5 33. Ka4:c5 Лb7—b5 34. Фf1: c4 Фd8—b6 35. b2—b3 Лb5—b4 36. Фc4—a6 Фb6—c7 37. Лh2—c2 Фc7—f7 38. Cg1—f2 Kg6—e7 39. Лh5—h1 Ke7:d5.

Молодой мастер не нашел хорошего плана игры, что, кстати сказать, было далеко не просто, и отдал фигуру—жест, весьма приятный для Петросяна, который отложил партию в явно выигранной позиции. 40. e4:d5 Фf7:d5 41. Фa6—d3 Фd5—f7 42. Kpb1—c1 e5—e4 43. Kc5:e4 Kpg8—h8. Черные уже ничем не угрожали, и при доигрывании последовало: 44. Ke4—d6 Фf7—d7 45. Cf2—c5 Лb4—b7 46. Лh1—d1 Kf8—e6 47. Kd6:b7 Фd7:b7 48. Фd3—d5 Ke6:c5 49. Лc2:c5 Фb7—a6 50. Kpc1—b1 Фa6—a3 51. Лc5—c2 Лb8—e8 52. Лc2—h2. И черные сдались.

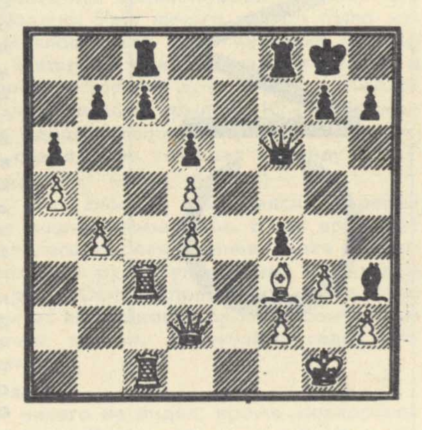
* * *

Нужно отметить, что наша тройка экс-чемпионов мира Петросян—Смыслов—Таль мужественно сражалась в Биле: у каждого только по одному проигрышу, причем единственное поражение Таль потерпел от своего же коллеги — Смыслова.

Неровно, с переменным успехом выступал Лайош Портиш. Против первых шести победителей он достиг немногого — проиграл Ларсену и Талю, а в шестнадцатом туре его противник А. Ломбарди поставил под вопрос его выход в тройку: Портиш потерпел такой жуткий разгром, что легко мог потерять спокойствие. Но в критический момент Портиш оказался на высоте и закончил турнир в приятной компании с двумя экс-чемпионами мира.

Портиш одержал в боевом стиле девять побед. Приводим одну из них.

Л. Портиш

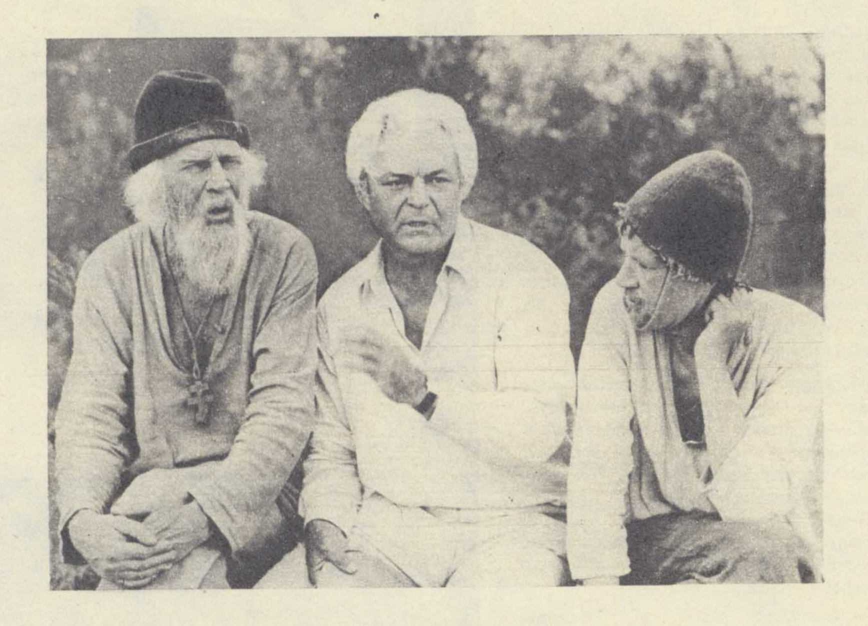

К. Рогофф
Ход белых

Последовало: 25. Cf3—h1 Фf6—g5! (Молодой американец построил свои надежды на давление по линии «c». Но Портиш находит такие «наперченные» ходы, что скоро Рогофф забыл о линии «c» и должен был переключиться полностью на защиту.) 26. Лc3—f3... (Черные угрожали красивым ходом 26... f4:g3.) 26... Лf8—f7 27. Лc1—e1 Лc8—f8 28. Лe1—e4 Фg5—g6 29. Фd2—e1... (Нельзя 29. Лf:f4 Л:f4 30. Л:f4 Фb1+) 29... Лf7—f6 30. Лf3—c3 h7—h5 31. Лe4—e7... (Уж лучше было 31. Л:c7. Теперь белые сразу проигрывают.) 31... f4:g3 32. Лc3:g3 h5—h4! (Красивый удар. На 35. Л:g6 следует Л:g6+ 36. Cg2 Л:g2+ 37. Kph1 Лg:f2, и все кончено.) 33. Лe7:g7+ Kpg8:g7, белые сдались.

* * *

Если в Маниле сказали свое веское слово два молодых гроссмейстера, то в Биле молодых среди победителей не оказалось. Какой же вывод может сделать чемпион мира Анатолий Карпов? Если Мекинг или Горт не станут победителями турнира претендентов, а Р. Фишер не будет в нем участвовать, то соперником Карпова в 1978 году окажется гроссмейстер в районе 40 лет или даже чуть ли не пятидесяти (если им окажется Петросян). Для молодого чемпиона это не так уж плохо!

СНИМАЕТСЯ «СТЕПЬ»

Замысел фильма по чеховской повести «Степь» возник у народного артиста СССР, кинорежиссера С. Ф. Бондарчука уже давно. Однако его сценарий все ждал и ждал своего осуществления. Сейчас съемка «Степи» идет на Донщине (под Новочеркасском) полным ходом.

Погожие, теплые дни способствуют успешной работе съемочной группы (оператор Л. И. Калашников).

На снимке: рабочий момент съемки. С. Ф. Бондарчук обсуждает содержание предстоящего съемочного эпизода с И. Лапиковым (слева) и Г. Бурковым — они исполняют роли возчиков в фильме «Степь».

Фото В. Ковальского

ИВАНОВСКАЯ ОСЕНЬ

— Помните эту фотографию?

Народный артист СССР, профессор Арам Ильич Хачатурян даже удивился такому странному, как он сказал, вопросу о снимке, хотя он сделан много лет назад.

— Как не помнить! Это снято в 1944 году, неподалеку от города Иваново, на территории Дома творчества композиторов. Живописный уголок природы, тишина, подсобное хозяйство с огородами и фермами — обстоятельства немаловажные в ту нелегкую военную пору. Хорошо нам здесь работалось! На всех участках громадного фронта еще шла ожесточенная битва, но все ближе и ближе становился победоносный конец Великой Отечественной войны, и это вдохновляло.

Многие произведения, созданные тогда под Ивановом, вошли в золотой фонд советского композиторского искусства. Здесь работали, сутками не появляясь из своих маленьких домиков, Р. М. Глиэр, С. С. Прокофьев, Д. Б. Кабалевский, Т. Н. Хренников, Б. А. Мокроусов...

— В редкие, очень редкие и короткие минуты отдыха мы, музыканты,— говорит Арам Ильич,— старались быть вместе с детьми. На снимке вы видите Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, держащего под уздцы лошадь, на которой восседаю я со своим малышом. А крайний мальчонка слева — это Максим Шостакович, ставший ныне одним из известных дирижеров, часто исполняющий музыку своего отца.

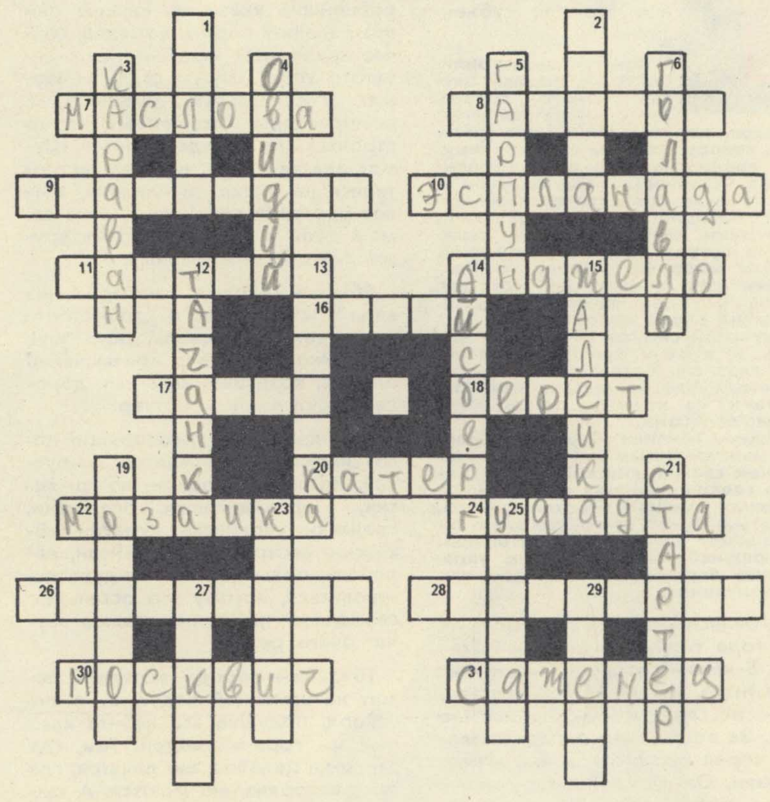
М. АЛЕКСАНДРОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение». 8. Озеро в Казахстане. 9. Математическое равенство. 10. Широкая улица с аллеями. 11. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 14. Поэма А. С. Пушкина. 16. Приток Иртыша. 17. Кондитерское изделие. 18. Головной убор. 20. Небольшое судно. 22. Изображение из цветных камней. 24. Курорт в Абхазии. 26. Тонкий глянцевитый картон. 28. Прибор для точного измерения коротких интервалов времени. 30. Марка автомобиля. 31. Дерево, выращенное в питомнике.

По вертикали: 1. Химический элемент. 2. Вулкан на острове Хонсю. 3. Вереница судов. 4. Римский поэт-сатирик. 5. Китобойный снаряд. 6. Пресноводная рыба. 12. Картина М. Б. Грекова. 13. Птица отряда воробьиных. 14. Плавучая ледяная гора. 15. Духовой музыкальный инструмент. 19. Залив Атлантического океана у берегов Ирландии. 21. Устройство для пуска двигателя внутреннего сгорания. 23. Русский писатель. 25. Горный хребет в Забайкалье и Якутской АССР. 27. Шерстяная ткань. 29. Вид повествовательной литературы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали: 6. Волоколамск. 9. Жилет. 10. Зыкина. 11. Шаблон. 16. Потомак. 17. Канио. 18. Суффикс. 19. Декламация. 20. Гольфстрим. 22. Темпера. 24. Книга. 25. Суворов. 26. Треста. 27. Плакат. 28. Крона. 30. Координация.

По вертикали: 1. Тростник. 2. Ярославна. 3. Косеканс. 4. Морж. 5. Март. 7. Аккомпанемент. 8. Склифосовский. 12. Гобелен. 13. Скрипка. 14. Бородач. 15. «Аквилон». 21. Викторина. 23. Астероид. 25. Салоники. 28. Кюри. 29. «Абай».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Николай Ильич Абросимов, председатель колхоза «Горшиха» Ярославской области. * Над полями ярославской фирмы «Весна» стеклянное небо.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Бронзовый Пушкин на волжском берегу в г. Калинине. * Ярославль, новый речной порт. * Цветет торжокский лен. * Русский лес. * Кострома. Шедевры древних зодчих. * Теплая ночь на Селигере.

Фото Б. Кузьмина.

(См. в номере очерк «Валдайские родники».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 6/IX—1976 г. А 00715. Подп. к печ. 21/IX—1976 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2054. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 2752.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Ия МЕСХИ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Город — это личность. Как рассказать о личности? Как рассказать о городе? Его надо воспринять тоже лично, всеми пятью чувствами, а также еще одним безымянным «шестым чувством», загадочность которого общеизвестна. Но все это так субъективно...

Какого цвета Тбилиси? Я бы сказала, цвета темного сурика. Это один из немногих городов, на который можно смотреть сверху и видеть его черепицу, его крашеные железные крыши. Каков Тбилиси на ощупь, если б можно было провести по нему рукой? Наверно, очень шершавый, негладкий, весь в морщинах оврагов, в буграх холмов. Основатели города выбрали небольшую площадку для жилья, но кто мог знать, что она вытянется вдоль Куры на сорок километров?

Звуковой символ Тбилиси — его речь. А в речи протяжные, певучие гласные. Согласные же — то резкие, будто их выталкивают из гортани, то нежные, губные, как дрожь барабана.

Пахнет Тбилиси — увы! — больше неистребимым запахом бензина, чем свежей листвой. Вкус? Теплого лаваша, терпких вин, чеснока, молотых грецких орехов, уксуса, киндзы... Букет всего этого. Но он же пахнет и жареной картошкой, и люля-кебабом, и горячим украинским борщом. Но все это так субъективно...

...Тбилиси — город, который с 458 года титулован столицей Грузии. В каком возрасте он получил этот титул, трудно теперь определить, но, видимо, уже в почтенном. За последние пятнадцать веков сорок раз его грабили и разрушали. Он падал, почти умирал, снова поднимался. В последние полвека увеличился почти в четыре с половиной раза. Сейчас в городе живет более миллиона человек. Что они делают? Строят электровозы, станки, вычислительные машины, самолеты, машины для виноделия, для обработки и сбора чая, различные аппараты и приборы. Выделывают ткани, обувь, консервы, вина, табаки, коньяки. Строят, учат и учатся, лечат, исследуют, играют спектакли...

Тбилиси — город, о котором упоминали в своих трудах Маркс, Энгельс, Ленин. Город, в котором жили, работали, боролись за власть Советов Михаил Иванович Калинин, Сергей Миронович Киров, Серго Орджоникидзе, Иосиф Виссарионович Сталин, Степан Шаумян, Миха Цхакая и Филипп Махарадзе, Камо, Нариман Нариманов, Иван Фиолетов и Алеша Джапаридзе, Ладо Кецховели и Александр Цулукидзе. Город, который хранит прах Я. Ф. Фабрициуса, А. Ф. Мясникова, Г. А. Атарбекова, С. Г. Могилевского. Город, в котором экспонируется большевистская Авлабарская подпольная типография, почти три года в начале века служившая крупным пропагандистским центром ленинских идей на Кавказе.

...Тбилиси похож на котел, образованный горами. Если летом его накрывает крышка облаков, в котле этом нечем дышать. Длинющие хвосты за водами Лагидзе или за боржоми. Зимой из крышки облаков иной раз выпадает снег. Где-то у самого асфальта снежинка оборачивается дождевой каплей: на дне котла не хватает холода.

...Тбилиси — город, который не может (не в состоянии!) жить тихо. Шумят автомобили (а их здесь ох как много!), либо взбираясь на подъем, либо скатываясь вниз с гоночной скоростью. Водители, несмотря на строжайшие запреты, жмут на клаксоны, ибо как не жать, если клаксон заграничный, музыкальный, добытый именно для того, чтобы пускать громкие трели. Матери или бабушки вдогонку детям, посланным за хлебом или в гастроном, дают подробнейшие указания. Раньше они это делали у порога домиков, сейчас приходится надрываться с десятого этажа. Шумят свадьбы, шумят стройтельные механизмы, компрессоры. Все время что-то строится или переделывается. Шумят два человека, которые встретились на улице, и кажется, вот-вот разорвут друг друга, а на самом деле у них происходит дружеский обмен мнениями.

Тбилиси — город, в котором два вида пассажирского транспорта единственные в своем роде или, во всяком случае, чрезвычайно редкие: воздушно-канатные дороги и движущийся тротуар.

Тбилиси — город, говорящий по-грузински. И, разумеется, по-русски. Но он еще говорит по-армянски, азербайджански, осетински, гречески, украински, курдски, абхазски, ассирийски, цыгански, еврейски, польски... Тут следует остановиться, потому что остальные семьдесят примерно языков звучат очень редко.

Тбилиси — город, который лежит на каменной подушке. Иначе говоря, подушка эта набита камнем и... горячей водой. Там, где эта вода целебна, ею лечатся, где просто горяча, ею моются. А также, добывая ее из глубоких скважин, в последнее время стали пускать в отопительную сеть и на обогрев тепличных хозяйств. Так оправдывается название города: «тбили» по-грузински «теплый».

Тбилиси — город, в котором за последние годы произошли перемены в общественно-трудовом климате.

Председатель городского Совета Тбилиси Бахва Федорович Лобжанидзе прокомментировал некоторые перемены:

— Сдвинулась годами замороженная очередь на улучшение квартирных условий. Люди, уже потерявшие было надежду на то, что их когда-нибудь вспомнят, вдруг получают открытку с приглашением в жилотдел и вслед за нею ордер. За три года двенадцать тысяч таких!..

Наконец-то мы решили проблему воды и теплоснабжения города. Построили новую дорогу к аэропорту. Очистили Куру от сточных вод. Улучшили снабжение Тбилиси овощами и фруктами...

Демократизация работы Совета, в частности, заключается и в том, что мы приглашаем к себе на заседания исполкома горожан, трудящихся. Для чего? Чтобы они послушали, как и какие мы решаем вопросы. Для нас этот «посторонний глаз» служит в какой-то степени еще одним «контролем снизу». Для горожан — еще одним источником информации. Фактор присутствия — это очень важно.

Для тбилисца стали традицией два праздника: Праздник цветов и День чая. Справедливости ради надо сказать, что праздник праздником, а цветов да и вообще зеленых насаждений в городе меньше, чем следовало ожидать. А чай, хоть и внедрен в быт тбилисца, все еще уступает такому напитку, как вино. Правда, суть вопроса не в антагонистическом единоборстве, а в мирном сосуществовании, но жизнь такова, что за мирное сосуществование тоже надо бороться!..

Тбилиси — город, который вызывает поэтическую окрыленность.

«Смертельно хочу побывать в Тифлисе! — писал великий русский композитор Петр Ильич Чайковский.— Вспоминаю Тифлис как какой-то сладкий сон...»

Владимир Маяковский, глядя как-то на Тбилиси с горы Мтацминда, сказал:

— Вот это трибуна! Отсюда можно разговаривать с миром...

«Поэты Грузии! — писал Сергей Есенин.—...Я — северный ваш друг и брат!»

Поэты Грузии, как и любые настоящие поэты, никогда не были только сладкозвучными соловьями. Они выражали душу народа, ее боль, стремления. Стала Грузия советской республикой, и тбилисцы назвали самые лучшие свои проспекты именами поэтов Шота Руставели, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела. Не свидетельство ли это высокого поэтического настроя тбилисца, того самого настроя, который строить и жить помогает?

Тбилисец поет лиричные песни, а в меню предпочитает очень острую пищу. Существует понятие «хлеб-соль». Здесь оно имеет довольно распространенный характер. Но к нему еще можно добавить понятие «хлеб-сыр». Это то, чем довольствуется тбилисец, когда он очень поиздержался. Без хлеба-сыра, пожалуй, прожить невозможно. Поэтому в огромное сырохранилище на окраине города каждое утро прибывают тонны сыров, выработанных в окрестных горных районах. Это в основном острые рассольные сыры «со слезой», о которых говорят: «Сыр плачет — покупатель доволен».

Тбилиси — город, который нельзя себе представить без проспекта Руставели, отнюдь не самого длинного, не самого стройного, но самого любимого горожанами. Магазины, театры, музеи, салоны с сувенирами, экзотические подвальчики, билетные кассы, редакции и кафе. И в этих берегах плывет человеческая река, в которой можно углядеть целую гамму эмоций — от буйного, заражающего здоровьем веселья до кокетливой апатии, от банальной грубоватости до галантности времен испанских идальго. А туалеты! А моды! Артистичные жесты убеленных сединами старцев. Улыбки ухоженных детей. И в каком бы конце города ни жил тбилисец, чем бы ни занимался он в свои рабочие часы, к вечеру его все же тянет на проспект Руставели — на людей посмотреть, себя показать, приятеля встретить...

Тбилиси — одна из столиц союзных республик, город, образ жизни которого ничем не отличается от образа жизни любого другого советского города. Но традиции народа, особенности общественного темперамента, внешний и внутренний стиль жизни — все это создает свой колорит. И в этом, наверно, правда и лицо каждого нашего города. И Тбилиси в том числе.

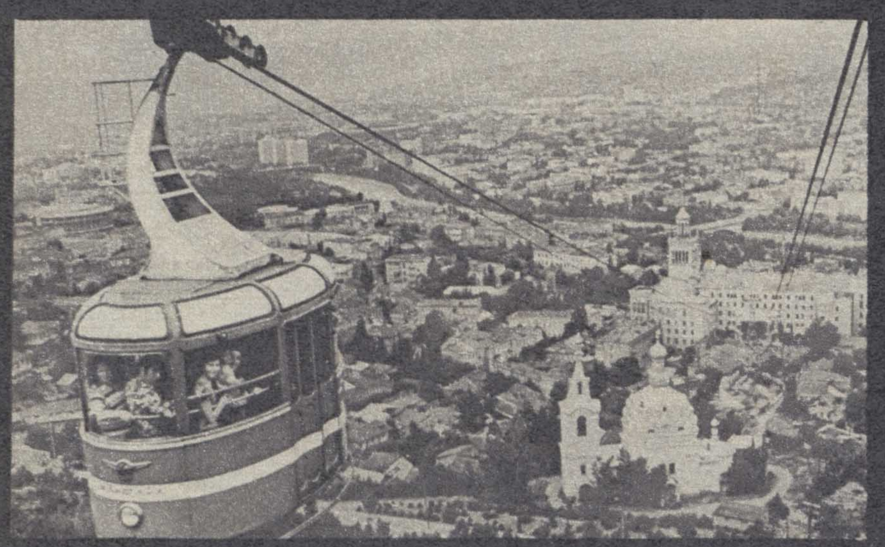

Чемпион мира Нона Гаприндашвили с сыном Дато.

Новые этажи Тбилиси.

Скоро эти электровозы с маркой завода имени В. И. Ленина разбегутся по стальным путям страны.

Несколько минут — и вы на горе Мтацминда.

Ладо Гудиашвили — народный художник СССР.

БИЛИСИ

На концерт...

Огни Тбилиси над Курой.

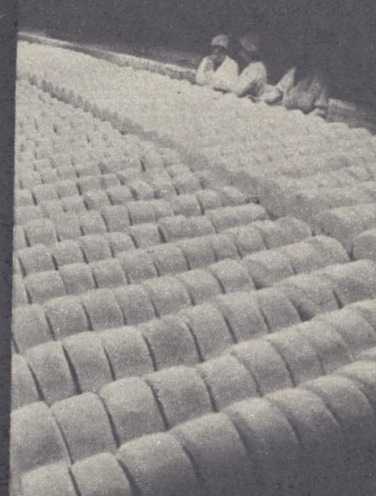

Так пекут лаваш.

И в солнечном городе бывает дождь.

Здесь созревают знаменитые грузинские сыры.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663